

Юрий Суменович Сааков Любовь Орлова. 100 былей и небылиц

«Любовь Орлова. 100 былей и небылиц»: Алгоритм; 2002
ISBN 5-9265-0053-2

Аннотация

Первая отечественная кинозвезда Любовь Орлова стала не только кумиром поколений, но и символом своей эпохи. Она умела на экране все – петь песни и отбивать чечетку, стоять за ткацким станком и импровизировать на рояле, ездить на велосипеде и вращаться под куполом цирка. В кино она больше играла простых тружениц, ее Марион Диксон из «Цирка» предпочла СССР, а ученая Никитина в «Весне» была светилом советской науки. В жизни актриса тщательно скрывала свое дворянское происхождение и даже то, что была в родстве с самим Львом Толстым. Новая книга о блистательной актрисе приоткрывает завесу над многими тайнами ее биографии.

Юрий Сааков Любовь Орлова. 100 былей и небылиц

По числу свидетельств о себе, о своей творческой и особенно частной жизни Любовь Орлова вряд ли может тягаться с некоторыми западными суперзвездами. Скажем, о Грете Гарбо или Марлен Дитрих их наверняка больше. Зато по обилию противоречий в этих свидетельствах советской кинозвезде нет равных в мировом кино. В этом смысле она рекордсменка, кандидат в «Книгу рекордов Гиннеса». И тому есть как объективные, так и субъективные причины. Объективные родились из сопоставления всего, что писалось и говорилось об актрисе до 1985 года, когда Орловой уже 10 лет не было в живых, но она продолжала оставаться образцовой советской актрисой, верой и правдой служившей своему народу и лояльной тогдашнему режиму. До тех пор, пока пересмотру не подверглись все, без исключения, советские культурные ценности и взгляды, в том числе взгляд на такую одиозную «звездную» пару, как

Орлова и Александров.

Субъективность же вносило окружение Орловой и в первую очередь сам Г. Александров. А он обладал удивительной способностью преподнести даже факты, имевшие место, в таком фантастическом, как теперь бы сказали – в жанре «фэнтези», обрамлении, что многим из них не верили даже современники режиссера. Тем более это внушает недоверие теперь, когда александровская способность красиво присочинить, даже приврать, стала уже притчей во языцех.

Как бы то ни было, к своему столетию в феврале 2002 года имя Л. Орловой оказывается под таким грузом всех этих реальных и мнимых противоречий, что в них пора разобраться основательно, хотя бы в связи с такой круглой датой. И если плясать от нее, от орловского, как теперь сказали бы, «стольника», то пусть таким «стольником» исчисляются и все были, которые дошли до нас об этой великой актрисе, и все небылицы, которое сложило о ней время – ее собственное, отпустившее ей, к сожалению, только 73 года жизни, и следовавшие за ними 26 лет, особенно последние 16. За которые об Орловой сказано и написано во много раз больше, чем за все 40 лет, начиная с ее победоносного появления в «Веселых ребятах».

Сложенные вместе, эти орловские были и небылицы еще и совпадут с цифрой, которая к выходу такой книги составит общую продолжительность жизни «звездной» пары: спустя год после столетия Л. Орловой ее нагонит со своим «стольником» Г. Александров.

Итак, 100 былей и 100 – для ровного счета – небылиц про Любовь Петровну Орлову.

И для еще более «ровного счета» – 100 фотографий о том и другом, треть из которых публикуется впервые.

БЫЛИ

1

Жена актера Н. Черкасова рассказывала, что однажды Л. Орлова, порывшись в бумагах, загадочно спросила ее:

- Хотите увидеть автограф Льва Толстого?
- Еще бы!

Актриса показала Черкасовой поздравительную открытку писателя... ей, Любочке Орловой.

- Сколько же вам было лет? – поразились черкасовская жена.
- Шесть. Это он поздравляет меня с шестилетием.
- Хороший поклонник для начала, – заметила собеседница.
- Мне было очень жалко, когда он умер, – призналась актриса, – и я долго плакала...

Это происходило в московской квартире Александрова и Орловой. А во Внукове, на даче, режиссер вел гостей на второй этаж и среди прочих реликвий, украшавших стену крутого лестничного подъема, демонстрировал дешевое издание Л. Толстого в «Посреднике» – «Кавказский пленник» – с собственноручной надписью классика: «Любочке – Л. Толстой».

- Хотите увидеть автограф Льва Толстого?

Вспоминал ли автор «Войны и мира», какая именно «Любочка» написала ему однажды, как нравятся ей его сказки, неизвестно. Факт, что такой автограф существовал, – я сам его видел – и где он теперь, известно одному Богу и не слишком заботившимся об уникальном архиве актрисы родственникам...

- Между тем Г. Александров, показывая на толстовскую реликвию, небрежно бросал:
 - Дружили домами...

А «дружили» потому, что были родственниками, хотя и дальними. Дядя матери актрисы, Евгении Николаевны Сухотиной, Михаил Александрович Сухотин женился на старшей дочери Л. Толстого Татьяне Львовне (Воспоминания Т. Сухотиной-Толстой, прожившей до 1950 года и, следовательно, заставшей «звездный» час внучатой племянницы своего мужа, изданы у нас и за рубежом). Так что мать Л. Орловой приходилась Л. Толстому свойственницей, а уж кем была ему сама Любочка, трудно сказать. Да и виделись они вряд ли. Хотя однажды писатель и

посетил огромное имение М. Сухотина Кочеты и чуть не заблудился в его необъятных угодьях. Но были ли в то время в Кочетах Орловы с детьми и ходили ли, как хозяйева имения, на поиски «дедушки» Толстого, никто не знает.

Однако тщеславной Евгении Николаевне очень уж хотелось, чтобы знаменитый писатель прознал о существовании ее Любаши. И она предложила дочери написать великому родственнику и признаться, в каком восторге она, Любочка, от его сказок. В ответ на это признание Л. Толстой и прислал Любочке «Кавказского пленника» и поздравлял потом с днями рождения.

Интересно, что спустя 15 лет, в 1923 году, Александров, проводя почему-то в Ясной Поляне свой «пролеткультовский» отпуск и даже познакомившись там с 75-летней сестрой Л. Толстого («Черт ее знает, как ее зовут!»), писал оттуда С. Эйзенштейну:

«Вообще гнездо такое небольшое контрреволюционное, но грязь, мрак, брр!»

Знал бы он, что из этого «брр», вылетали когда-то именные подарки и поздравления его великого хозяина Орловой, вряд ли написал бы о месте своего отдыха так пренебрежительно...

2

Гораздо больше воспоминаний осталось у Л. Орловой от знакомства с семьей Ф. Шаляпина, с детьми которого они, сестры Орловы, Нонна и Люба, оказались дружны по гимназии. Началось все с дружбы старших гимназисток, Нонны Орловой и Ирины, или Рири, как ласково звал ее отец, Шаляпиной. Потом к ним присоединились Любочка и младшие Шаляпины.

В особняке великого певца на Новинском бульваре сестры Орловы чувствовали себя как дома. Особенно общительная и одновременно проказливая Любочка. Однажды она так расшалилась, что уронила и вдребезги разбила одну из двух больших дорогих ваз, привезенных певцом из-за границы. И, конечно, разревелась – не с только с горя, сколько в предчувствии неминуемого наказания. И никто: ни младшие Шаляпины, ни его жена Иола Игнатьевна, которая не могла скрыть досады от Любочкиной неповоротливости, не могли успокоить проказницу. Даже у вошедшего в комнату Ф. Шаляпина это не получилось. Тогда он решил вопрос по-своему: взял такую же вторую роскошную вазу, грохнул ее об пол и сказал:

– Ну вот, теперь мы с тобой оба одинаково виноваты!

После того, как ровно половину ее вины хозяин дома взял на себя, Любочка сразу перестала реветь и даже улыбнулась...

Так что среди всего прочего, что недостает ныне и без того в небогатом – за давностью времени – интерьере Дома-музея Ф. Шаляпина на Новинском бульваре, не хватает двух дорогих ваз, расколотых «на равных» Любовью Орловой и Федором Шаляпиным...

3

Наиболее памятным из шаляпинских впечатлений остался для Любочки спектакль, поставленный в доме Ф. Шаляпина по детской опере автора песенки «В лесу родилась елочка» Е. Ребикова «Грибной переполох». И до этого она пела некую Розу в чьем-то «Цветнике», но «Грибной переполох» сделал ее «настоящей» артисткой.

К созданию спектакля Ф. Шаляпиным были привлечены лучшие, далеко не «детские» силы Москвы. Задник расписывал сам Б. Кустодиев, а детали оформления перед ним делали в мастерских частной оперы С. Зимина. Великолепны были и сказочные детские костюмчики – от «самой Ламановой», известной тогда и потом, когда она одевала уже знаменитую Л. Орлову, московской модельерши. Даже афишка спектакля была чуть ли не от руки разрисована Л. Бакстом, и в ней были обозначены не роли, а – держи выше! «партии».

Любочке, одной из самых маленьких участниц спектакля, досталась хоть и эпизодическая, но достаточно заметная «партия» Редьки. Она пела и соло, и в дуэте с другим овощем, Горохом, и в хоре со всеми прочими огородными «продуктами».

Репетировался «Грибной переполох» под руководством музыкальной наставницы старших Шаляпиных в доме певца. А сам спектакль, всколыхнувший всю взрослую и особенно

«родительскую» Москву, ставился в доме Пудалова, известного богача, дети которого тоже участвовали в спектакле. Успех был такой, что «Грибной переполох» стали наперебой приглашать в другие богатые дома Москвы, где всех его участников задаривали подарками и чуть ли каждому сулили большое артистическое будущее.

Впрочем, – рассказывает обо всем этом М. Кушников в книге об Л. Орловой и Г. Александрове, – это сбылось только в отношении трех участников «Переполоха». Артистами стали сама Ирина Шаляпина, Любовь Орлова и Максим Штраух, сыгравший в спектакле некоего «Боровичка» (гриба, очевидно) и ставший потом неизменным, на протяжении 10 лет, творческим союзником Эйзенштейна и Александрова, а потом и народным артистом СССР и «классическим» Лениным.

Зная Любочку с малолетства, М. Штраух мог познакомить ее с Александровым уже за 10 лет до того, как судьба свела актрису и режиссера. Но не сделал этого, будто понимал, что никакой надобности в таком знакомстве – когда Александров был сорежиссером С. Эйзенштейна на фильмах «Октябрь», посвященном революции, и «Старом и новом», повествующем о «социалистическом преобразовании» деревни, – тогда не было. Хотя бы потому, что в обоих фильмах принципиально (кроме Б. Ливанова в «Октябре») не было занято ни одного профессионального актера. А там, где без них было совсем уж не обойтись, их более-менее сносно заменяли сами М. Штраух и Г. Александров. А Л. Орлова – какой никакой, но была тогда, в 20-х, профессиональной артисткой, которой С. Эйзенштейн и Г. Александров наверняка бы пренебрегли. Как это они делали со всеми, кто не умел, как «ударницы», защищавшие Зимний, заряжать ружье и стрелять по штурмующим, или не знали, как подступиться к корове и не менее профессионально подоить ее в «Старом и новом». Впрочем, последнее Орлова, может, и смогла бы, вспомнив, как доила корову тетка, к которой они переехали в годы разрухи после гражданской войны. Оттуда, из Воскресенска, возили в Москву молоко на продажу. Но доила ли корову Орлова, а не ее сестра или сама тетка? Кто знает...

Впрочем, что на этот счет гадать: Л. Орлова и Г. Александров встретились именно тогда, когда у обоих в этом возникла насущная творческая необходимость.

4

К тем же «шаляпинским» временам в детстве Л. Орловой относятся воспоминания знавшего ее на протяжении почти 70 лет драматурга И. Прута:

«В особняке на Новинском бульваре давался детский бал. Ф. Шаляпин имел обыкновение трижды в году устраивать для своих детей и их друзей воскресные утренники.

Праздничный зал: яркие костюмы, музыка – все это завораживало собравшуюся детвору. Среди приглашенных был и я – восьмилетний мальчик, ученик пригготовительного класса – единственный в гимназической форме.

Юные гости все прибывали – знакомые мне и не знакомые. Радужный хозяин дома, казавшийся нам таким огромным, приветствовал входящих своим громовым голосом. И вдруг в дверях показался... ангел. Весь в чем-то розовом, воздушном... Это была маленькая девочка, белокурые локоны спадали на ее плечи. Шаляпин поднял ее на руки. Я смотрел на нее, как замороженный... и очнулся, когда услышал голос хозяина:

– Дамы приглашают кавалеров!

И тогда это розовое облако подплыло ко мне и произнесло:

– Я вас приглашаю, кавалер!

Так произошло мое знакомство с Любовью Петровной Орловой, которой в ту пору было шесть лет (то есть в 1908 году. – Ю. С.). С Ирочкой, старшей дочерью Федора Ивановича, моей сверстницей, мы были на «ты». Но к розовому ангелу я обратиться на «ты» не посмел. Вот с тех пор мы и говорим друг другу «вы».

5

Среди внуковских сувениров хранились еще два, принадлежавших великому певцу: блокнотный листок с карандашным, в несколько штрихов, автопрофилем Шаляпина и его

автографом: «Маленькому дружку моему Любочке с поцелуем дарю сие на память. Ноябрь 1909 года». Этим же годом помечена фотография Шаляпина с напутствием впервые пошедшей в школу Любочке и собственным детям:

Дети, в школу собирайтесь,
петушок пропел давно,
попроворней одевайтесь и т. д.
смотрит солнышко в окно.

Ратухино, 12 августа 1909 г.

Ратухино – усадьба Шаляпина на берегу Волги под Ярославлем, куда почти на все лето приезжали подружившиеся с его дочерьми сестры Орловы. Их пребывание там запечатлено в ряде фотоснимков, на которых Любочка выглядит не по годам «взрослой» и уже тогда, в 7-9 лет, в ней прослеживается будущая, ни на кого не похожая индивидуальность.

На бедного Федора Ивановича Шаляпина навалилась в Ратухино вся детвора. И всем весело, кроме Любочки Орловой (справа сзади): у нее свои думы...

Спустя три года, сообщает М. Кушников, в 1912-ом, певец прислал из Монте-Карло своей любимице Ирине письмо: «Милая моя Рири! Рад я, что ты повидалась с твоими подружками Орловыми, и приятно знать, что вам было весело...»

К сожалению, много лет спустя Орлова не уважила просьбу «подружки Рири» принять участие в вечере памяти ее великого отца. И только из-за того, что фактом своего знакомства с Шаляпиным боялась выдать свой немалый к тому времени возраст...

А что касается шаляпинской подписи под снимком «Дети, в школу собирайтесь!», то тут такое забавное совпадение.

Вскоре после смерти Сталина Александров, вспоминает работавший тогда в газете З. Паперный, первый примчался в «Литературку» с воспоминаниями о Сталине, которые потом хлынули потоком. И среди прочего описал в них особенно, видимо, симпатичный ему случай.

...После затянувшегося почти до утра кремлевского приема Сталин выходит к его не знавшим меры участникам и по-отечески, показывая свои карманные часы, говорит:

– Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно...

Получается, что Шаляпин и Сталин напоминали Л. Орловой об одном и том же – о давно пропевшем петушке...

6

После гимназии, с 1919-го года, в жизни Орловой значится так и не законченная – в суровые 1921–1922 гг. пришлось начать зарабатывать Московской консерватория. Так что профессиональной пианисткой Орлова не стала и не стремилась демонстрировать свое умение в этом плане. Но консерваторской практики хватило для того, чтобы стать – ради заработка музыкальным сопроводителем фильмов, попросту говоря, тапером в кинотеатре. «Таперская» премьера Орловой состоялась в кинотеатре «Унион» (потом «Повторный») у Никитских ворот. На всю жизнь актриса сохранила «Руководство по музыкальному сопровождению» – его любил демонстрировать Александров, – в котором четко было расписано, когда и какую музыку следует исполнять.

Если на экране происходят драки или погони, следует играть фокстроты и румбы. Если же герои объясняются в любви, их чувства должны сопровождать вальсы, бостоны. В некоторых, особенно страстных, случаях разрешались жгучие танго. Ну и соответственно – совсем уж

минорная музыка, если герой болеет, а тем паче умирает.

Все это Орлова-таперша тщательно соблюдала и потом, на съемках «Волги-Волги», признавалась, знакомясь с И. Ильинским:

– Думала ли я, сопровождая музыкой похождения ваших уморительных немых героев, что когда-нибудь сама встречу с Ильинским на экране!

Вот такой бы, как Л. Орлова в консерватории, и быть юной пианистке Кате Муратовой в неснятом фильме «ДО и ПО»! Однако сценарий писался, когда актрисе было уже за 40...

Таперская страница в биографии Орловой послужила богатым материалом для неосуществленного, к сожалению, Александровым сценария «ДО и ПО».

...Героиня сценария, пианистка, тоже не может после консерватории найти другой работы, кроме таперской в кинотеатре. Но Орловой-таперу и не снилось, до чего додумывалась в этой должности ее героиня в «ДО и ПО». Когда рвалась киноплёнка (а тогда это было сплошь и рядом и исправлялось не скоро), Катя Муратова (так звали героиню) играла публике настоящую, не таперскую музыку. Когда фильм был новый и не очень «рвался», она договаривалась с механиком, что тот порвет плёнку умышленно.

Однажды он, восхищенный ее игрой, нарочно затянул склейку порванной якобы плёнки, и Катя сыграла что-то классическое целиком. Часть публики потребовала исполнять «классику» дальше вместо явно пошлого фильма. Другая оказалась категорически против.

Дело дошло до потасовки. Катя, стараясь разнять сторонников классики и экранного ширпотреба, еще больше всех злила. В результате кинотеатр разнесли вдребезги, а ее, естественно, выгнали...

7

После таперства у Л. Орловой на деньги, которые она заработала, было еще несколько «учеб» в разных театральные студиях, в том числе – балетной. Пока в 1926 году она не стала хористкой Музыкального театра, руководимого одним из основателей МХАТа В. И. Немировичем-Данченко. И с этого только момента, будучи уже 24 лет, она повела официальный отчет времени своего пребывания в искусстве.

На беду актрисы, в нее, тогда уже замужнюю, без памяти влюбился сын мхатовского основателя, Михаил, работавший в том же театре. Многие советовали молодой хористке не бросаться таким «счастьем»: не сменив мужа, А. Берзина, и не выйдя за Мишу Немировича, она откажется от всех шансов на карьеру. Но Орлова только отшучивалась: «Да ведь придется и жить с ним!» (с Мишей. – Ю. С.). А когда была в хорошем настроении, сообщает М. Кушников, уверенно добавляла: «Я и так своего добьюсь!»

Но мало сына – на нее, особенно когда он лишился оставшейся после гастролей в Америке своей последней старческой любви и примадонны театра Ольги Баклановой, стал обращать самое недвусмысленное внимание и Немирович-папа.

– Я не раз ловила, – признавалась потом актриса, – его пристальный, заинтересованный взгляд на себе...

Вот этим уж действительно нельзя было пренебрегать. И хотя нет никакого подтверждения тому, воспользовалась ли Орлова вниманием Немировича-старшего, тем не менее из хористок она перекочевала сначала в «эпизоды» с двумя-тремя репликами, а вскоре стала и солисткой, получив, на зависть многим, главные партии в «Корневильских колоколах» и «Периколе», где ее и увидел Александров, ища Анюту для «Веселых ребят».

Так что в какой-то степени, и даже не в малой, причастный к «находке» Александрова, Немирович-Данченко на премьере «Периколы», сообщает Д. Щеглов, мало того что пригласил в свою ложу все польщенное орловское семейство, но и усадил на колени молоденькую племянницу премьерши, дочь ее старшей сестры Нонны...

8

Но Л. Орловой было уже мало театральные, признанные всей Москвой успехи. Она рвалась в кино, которое «заразило», видимо, ее еще в бытность скромной, никому неведомой

тапершей.

В 1931 году она впервые «по набору» явилась на студию и, выстояв долгую очередь из конкуренток, оказалась в кабинете известного, даже знаменитого режиссера, фамилию которого, после того как он так опростоволосился с будущей кинозвездой, предпочитают не произносить.

Один из немногих, он сразу обратил почему-то внимание на крохотную родинку на носу актрисы:

– Вы, конечно, догадываетесь, что меня пугает... как вас зовут?

– Орлова... – Она прикрыла на всякий случай переносицу рукой. – Нет, не догадываюсь...

– Ну как же! Огромная родинка на носу, – округлил знаменитый режиссер пальцы. –

Простите, как вас зовут?

Это «как вас зовут?» смешно, с подсказки Орловой, повторял потом Б. Петкер – директор театра в «Весне».

– Орлова... – уже обреченнее повторила актриса.

– Кино – это страшная вещь! – стал внушать мэтр. – Ваша родинка, незаметная, возможно, в театре, превратится на экране в целый глобус!

– О боже! – вздохнула блестящая героиня «Периколы» и «Корневильских колоколов».

– Так что извините, голубушка... как вас зовут?

– Орлова, – в третий раз назвалась актриса.

– Извините, голубушка, – маэстро сокрушенно развел руками, – но кино это не для вас...

Орловой ничего не оставалось, как, продолжая прикрывать нос рукой – ей казалось, что родинка уже начала превращаться в «глобус», – извиниться за беспокойство.

И еще два года ее просили не беспокоить кинематограф своей персоной, пока родинки-глобуса не испугался александровский коллега по «Пролеткульту», ставший режиссером актер Б. Юрцев, и не снял ее в немой еще картине «Любовь Алены».

Потом была звуковая картина Г. Рошала «Петербургская ночь».

И только после этого принесший ей оглушительный (куда там театральный!) успех «Веселые ребята».

Спустя 45 лет, когда актрисы уже не было, Александров признался:

– Теперь об этом уже можно сказать, но такой успех Орловой в «Веселых ребятах» стал для меня неожиданностью.

9

Но стал ли он неожиданностью для Л. Орловой? О том, как мечтала актриса – на любых условиях! – сняться в «Веселых ребятах», как уверена была в неотразимости своей будущей «Анюты», рассказывает М. Кушниров:

Такая роль! Да я бесплатно готова пусть... Лишь бы взяли...

«Когда свалилось на нее предложение сниматься у Александра, она впала в такое радостное возбуждение, что напрочь упустила из виду деловую часть события. Актриса поделилась новостью с Фаней Левинской, ассистенткой режиссера своей первой картины, «Любовь Алены». И та, искушенная в производственных секретах, сразу спросила о гонораре. Узнав же сумму, поняла, что молодую актрису хотят, мягко выражаясь, обдурить, стала жарко советовать не соглашаться на унижительные условия, проявить непреклонность. Любовь Петровна проявила непреклонность, но по-своему:

– Такая роль! Да я бесплатно готова – пусть! Лишь бы взяли.

– Ну хоть Александрову скажите – может, он урезонит директора...

– Ну вот еще – жаловаться! Он может подумать, что я жадная, склочная. Еще сниматься не начала, а уже цену себе набиваю...

– Да вы спокойно скажите, между прочим, чтоб он просто знал, а то он, может, и не знает...

– Не знает – и хорошо. Такая роль...

– Ох, Любочка, не будет вам счастья! Это – кино. Здесь никто ваши жесты не оценит. Еще и посмеются над вами. Здесь уважают характер, а вы цирлих-манирлих...

– А вот снимусь – увидим, какая я...

10

На следующий вечер после их знакомства на «Периколе», когда Орлова и Александров возвращались из Большого театра после юбилея Л. В. Собинова, с ними произошел «казус».

Устав гулять, будущая «звездная» пара забрела в Александровский сад и там, у Кремлевской стены, присела на скамейку.

Тут же, откуда ни возьмись, возник сторож сада и, сердито погрозив «молодым», сказал:

– Сидеть – сидите, но чтоб ничего такого!

Это то, что я слышал от Г. Александрова.

А вот что рассказал об этой же памятной им прогулке Д. Щеглов в книге об Орловой «Любовь и Маска»:

«Они боготворили друг друга, особенно она его, называла Александрова своим «римским патрицием». Иногда это даже смущало» признается Е. Стеблов, коллега Л. Орловой по театру.

«На Тверском бульваре есть одно место с огромным мохнатым тополем и скамейкой возле.

Романтический соглядатай, если бы таковой оказался неподалеку, мог бы увидеть, как спортивного типа блондин вдруг, отбежав от своей спутницы, вскочил вверх ногами на скамейку, прошелся по ней на руках и, крутанув стремительное сальто, спружинил на влажный песок бульвара. Легко, вполсилы, на полуфразе...»

Этим «спортивным блондином» был, конечно, Г. Александров, а пораженной его акробатическими талантами спутницей – Л. Орлова.

11

На своих бесчисленных встречах со зрителями актриса любила потешать их и одновременно пугать своими съемочными курьезами:

– ...Я стою с блюдом, – рассказывала она о съемках «Веселых ребят, – на котором приготовлен салат, предназначенный для гостей, а бык должен войти сзади в дверь и съесть этот салат, – ну, конечно, для него специально были приготовлены всякие овощи. Я стою и как будто ничего не замечаю, улыбаюсь, и как будто мне ничего не страшно. Но на самом-то деле мне ужасно страшно и душа у меня в пятках. Думаю, как он пырнет меня сейчас, так от меня ничего не останется. Но бык очень хорошо сыграл свою роль. С аппетитом съел весь салат, только по дороге слишком уж лизал мою руку. Оказывается, язык у быка, как щетка, и у меня ссадины на руке были такие, что потом пришлось лечить руку от этих бычьих «поцелуев».

Публика, конечно, от таких рассказов (в записи М. Кушнирова) охала и еще больше обожала актрису за ее героическое поведение на съемочной площадке.

И можно представить, какой отклик вызывал у аудитории рассказ актрисы о ее скачке на быке и падении с него. Когда Л. Утесову, как «главному пастуху», была сначала оказана такая честь, тот ответил Александрову:

– Нет, Гриша, не еврейское это дело – скакать на быке!

Тогда за «нееврейское» дело смело взялась Орлова. Даже предложила, чтобы было смешнее, усесться на быка задом наперед – лицом к бычьему хвосту. Бык, однако, не понял такой «нееврейской» наглости и вскоре сбросил актрису, да так, что, повредив позвоночник, она месяц отлеживалась в «Склифе»...

Восторг Александрова перед мужеством жены был так велик, что он даже хотел увековечить его в произведении искусства. Для чего во внуковской гостиной был сделан большой белый экран... из камня. Режиссер мечтал, чтобы художник нарисовал на нем то же серовское «Похищение Европы», но чтобы вместо последней на быке восседала... не побоявшаяся вскочить на него в «Веселых ребятах» Орлова. Похищение Европы-Орловой так и не нарисовали, и многие принимали каменный экран за «кинотал», которым якобы первыми обзавелись у себя на дому режиссер и актриса...

12

Гораздо менее страшное, но тоже ЧП, случилось с Л. Орловой на следующем фильме – «Цирк».

На станции Суково (нынешняя гораздо более благозвучная Солнечная Киевской дороги) снимали пролог фильма, в котором героиня, сжимая в руках черного ребенка, бежит от разъяренной толпы американских расистов, едва успевает вскочить на последнюю ступеньку уходящего поезда... и попадает в лапы негодяя Кнейшица.

Споткнувшись о камень, Орлова плашмя упала на угольный шлак. «Ребенка» (куклу) она, конечно, уронила, в кровь рассадилась себе колени, разорвала чулки, да еще зацепилась юбкой за какую-то железку.

«Поднялась она, – описывает М. Кушников в книге «Светлый путь, или Чарли и Спенсер», – в плачевном и, прямо скажем, неприличном виде. Но в момент подавила и боль, и стыд, и злость, только сморщила досадливую, чуть нарочитую гримаску. И, деловито оправляясь, кинула растерянной толпе мосфильмовских «расистов»:

– Ребенок-то жив?

...Интересно, что несколько лет спустя та же сцена стала предметом комического отыгрыша Г. Александрова. В поезде, увозящем киношников в эвакуацию в октябре 41-го, знаменитые режиссеры – С. Эйзенштейн, Г. Козинцев и др. – упражнялись от нечего делать в остроумии с помощью только что вышедшей книги своего коллеги Л. Кулешова «Основы кинорежиссуры». Каждый на свой лад подписывал помещенную в ней схему или иллюстрацию. Александров выбрал приведенную Кулешовым его собственную раскадровку пролога из «Цирка» и на кадрах бегущей за последним вагоном Марион Диксон написал: «Хорошо, что мы уехали не так...»

13

На том же «Цирке» было много забавного, даже загадочного. И об этом Л. Орлова рассказывала Г. Скороходову, даже заставляла его пораскинуть мозгами, как в любимой ею телевизионной игре «Что, где, когда?». До которой, правда (судя по тому, что в 2000-ом году детище В. Ворошилова отмечало свой 25-летний юбилей), актриса не дожила, но неважно – поверим Г. Скороходову.

«Увидеть Орлову и умереть!» так, на французский манер, можно, если бы это не звучало слишком мрачно, назвать снимок. Через день после посещения съемок «Цирка» на «Мосфильме» знаменитый писатель А. Барбюс умер у себя в номере «Националя»...

Орлова задала такую задачу. Есть ли разница в ее облике, когда она поет и танцует на пушке и когда оказывается «на Луне».

Спрашиваемый долго ломал голову, но такой принципиальной разницы припомнить не смог. Как ни помогала ему актриса своими подсказками: «теплее», «еще теплее».

...Оказывается, сначала, когда трех «орловских рысаков», как шутливо прозвал их С. Эйзенштейн, – Александрова, Дунаевского и Лебедева-Кумача еще не осенили знаменитые «Диги-диги-ду», Орлова, прежде чем «вылететь» из нее, проделывала на пушке несколько скромных балетных батманов. Поэтому была в обычных, только в черных, в тон костюму, балетках. И в таких же оказалась потом на Луне, летая и распевая «Лунный вальс».

Но когда всех осенили «Диги-диги-ду» и полет из пушки решили переснять, балетные тапочки пришлось сменить на туфли на высоких каблуках: под виртуозный фортепьянный пассаж ее давнего друга Саши Цфасмана Орлова должна была отбить на пушке четку.

Так и оказалась Марион Диксон в туфлях на каблуках перед отлетом и... в балетных тапках на самой Луне. Будто, отдыхая там от земных забот (об этом она, кстати, и пела), сменила обувь на более легкую. Но об этой подмене не догадался не только игравший с Орловой в несуществующее еще «Что, где, когда?» Г. Скороходов. За все 65 лет существования фильма о ней не догадался ни один из его многомиллионных, если уже не миллиардных, зрителей...

14

И до того ли было зрителям «Цирка», чтобы замечать такие «мелочи», если свои отзывы о фильме они предпочитали писать исключительно в стихах:

И вот увидела! Явился!
Простой, веселый, как страна.
Средь грез волшебных очутился,
а в них мелькала лишь она.

Съемка финала «Цирка» на Красной площади 1 мая 1936 года.

Теперь уж Мэри не желает
покинуть вольную страну.
С Мартыновым она летает
и в облака, и на Луну.
И звонко песню распевая,
идет с Мартыновым она.
И бодро в такт стране шагает,
любви и счастья полна!¹

15

Писавшие, но так и не дописавшие, разругавшись с Александровым, сценарий «Цирка» И. Ильф и Е. Петров, пристали однажды к Л. Орловой с чисто мужским любопытством:

– Скажи все-таки, сколько тебе лет?

– Маленькая собачка до старости щенков! – ответила будущая Марион Диксон и показала язык авторам «Золотого тельца».

Так и не узнав, что героине их фильма уже 33 года, они, бросив Александра с недоделанным, как он считал, сценарием, укатили в свою «Одноэтажную Америку».

...Вопрос о возрасте Л. Орловой мучил, конечно, не только авторов «Цирка». Вся страна ломала голову над этой непростой проблемой. Она тем более интриговала, что, как справедливо заметил Г. Скороходов, актриса с каждым новым фильмом даже молодела: в «Цирке» она моложе, чем в «Веселых ребятах», в «Волге-Волге» – моложе, чем в «Цирке», и т. д. Скороходов объясняет это одним: бесконечно молодящим актрису чувством влюбленности в своего «голубоглазого и золотоволосого бога», каким она назвала Александра при встрече.

Правда, потом, после войны, процесс пошел с точностью до наоборот. И не потому, что угасла влюбленность актрисы в режиссера. Просто возраст, ближе к 50, брал свое, и теперь с каждым фильмом актриса выглядела старше. Это тем более интриговало. Хотя уже в 1949 году любой заинтересованный в этом вопросе мог заглянуть во второе (синее) издание Большой советской энциклопедии, где черным по белому была опубликована дата рождения «вечно молодой» актрисы: 11 февраля 1902 года.

Некоторые, наверное, так и сделали и успокоились. Или, наоборот, поразились, как в том же 49-ом году выглядела 47-летняя, выходит, Орлова во «Встрече на Эльбе». Но подавляющее большинство публики не блистало энциклопедическими знаниями, и для него возраст актрисы до самой ее кончины оставался тайной за семью печатями.

16

¹ Мартынов – С. Столяров.

Между тем снятому с такими трудностями прологу «Цирка» зрители посвящали целые стихотворения:

– Держи ее, держи! – несется
в прозрачном воздухе весны.
А сердце Мэри птицей бьется,
глаза безумием полны.
К груди ребенка прижимая,
несется вдоль по мостовой.
И на ходу в экспресс влетая,
кричит: «Спаси, меня, родной!
Я Марион... Я Мэри... Маша.
Могу из пушки я летать.
Бежим от них... Я буду ваша,
Я буду с вами выступать!»
А поезд, змейкой извиваясь,
вперед по рельсам все скользит.
К стране Советов приближаясь,
В столицу Красную летит.

И хотя Мэри бежала не «по мостовой», а по шпалам (иначе бы не споткнулась и не грохнулась с «ребенком»), и никаких «спаси меня, родной!» (Это Кнейшиц-то!), а тем более «бежим от них...» и (сразу!) «я буду ваша!» она не кричала, – стихи свидетельствуют, что второй фильм Л. Орловой и Г. Александрова захватил публику с первых же кадров.

В пурпурно-золотом наряде
И в блеске локонов волос,
В чарующем лучистом взгляде
Сиянье солнца разлилось.

Из письма зрителя

17

Трудно представить большую популярность, чем та, которую обрела Л. Орлова после «Цирка». М. Кушниров описывает два, даже три уникальных в этом смысле эпизода.

Первый случился в Ленинграде, где одновременно с концертами Орловой проходили гастролы прославленного тогда МХАТа. После одного из спектаклей трое его корифеев: И. Москвин, его жена А. Тарасова и брат М. Тарханов захватили с собой в машину Александра, бывшего на спектакле, пока Орлова давала концерт.

Неожиданно в центре Невского мхатовскую «эмку» перехватила милиция и вежливо, как могла только ленинградская милиция, объяснила, что проезд по проспекту временно приостановлен, ибо впереди огромная, перекрывшая Невский, толпа ждет выхода после концерта киноартистки Орловой.

Толпа действительно собралась у Колонного зала бывшего Дворянского собрания, где проходил концерт. И собралась в таком количестве, что на Невском останавливались трамваи, не только «эмки».

«Пришлось администрации филармонии подбирать после концерта восемьдесят здоровых мужиков (иногда из той же толпы), и в их живом кольце, грубо раздрающем возбужденную толпу, натянута улыбаясь, двигалась Орлова бок о бок с аккомпаниатором Л. Мироновым. Он держал ее под руку. Крепко-крепко»

Прямо, ей-богу, как в сцене покушения Ф. Каплан на Ленина в фильме М. Ромма. Когда сами рабочие, взявшись за руки, организуют живое кольцо ограждения, чтобы террористку не растерзала возмущенная сверх меры толпа на заводе Михельсона. Намерения толпы на Невском

были, конечно, прямо противоположны, но внешне это выглядело именно так...

И на искусства пьедестале
Она народа плоть и кровь.
Ей правильное имя дали
Орлова (от орла!) Любовь.

Из письма зрителя.

А что же мхатовская «эмка»? Ее пропустили, конечно, но только после того, как Орлова, благополучно перейдя Невский, оказалась в гостинице «Европейская», куда направлялись и корифеи МХАТа со своим киноспутником. И несколько на него не обиделись. Только посмотрели на смущенного поначалу Александрова и засмеялись. А И. Москвин, добродушно вздохнув, сказал: «Да-а, синема!»

18

Но одно дело дисциплинированные, не устраивавшие давок ленинградцы, а другое – шумная и экспрессивная Одесса.

В первый же день, когда приехавшая туда с концертами Орлова вышла из подъезда гостиницы «Лондонская», чтобы дать Александрову телеграмму о благополучном прибытии (Миронов был всегда рядом), какой-то уличный пацан узнал ее и завопил, подражая выговору Кнейшица: «Остановитесь, господа, у нее черный ребенок!» И уже через три минуты, пишет М. Кушниров, за гастролерами двигалась толпа и разрасталась так быстро, что они предпочли не давать телеграмму о благополучном прибытии, а более-менее благополучно ретироваться в гостиницу. Зато Александрова информировал на этот счет озорник И. Бабель:

«Если вы хотите знать, что делает Ваша жена, могу сообщить во всех подробностях. У «Лондонской» толпа, а на деревьях напротив ее окон сидят мальчишки и обо всем докладывают вниз: «вошла... взяла полотенце... переодевается...»

К вечеру того же дня у здания «Лондонской» действительно собралась такая толпища, что выехать «можно было только на броневике». Автопарк «Интуриста» предоставил Орловой шикарный «линкольн», и шофер с тоской прикидывал, во что обойдется машине ее крестный путь от гостиницы до Биржи. Там, в самом большом концертном зале Одессы, проходили выступления Л. Орловой.

Комедий нынче много вновь
«Ребят веселых» хвалят, судят.
Но Вас, как первую Любовь,
Всегда любить наш зритель будет.

Из писем зрителей.

Шофер не ошибся, а вскоре и все другие шоферы Одессы, даже самые страстные поклонники кино, стали дружно отнекиваться от почетных рейсов. Их ослепительные лимузины возвращались в парк исцарапанные, измятые, скособоленные.

Но еще круче был обставлен выезд со двора гостиницы. У железных ворот внутри вставляли служащие с ведрами воды – человек пять-шесть, – и как только ворота растворялись... И так приходилось поступать каждый раз, хотя этот номер ни для кого уже в городе не был секретом и ничто не могло остудить ретивых одесситов.

После концертов приходил главный одесский брандмайор и провожал их к пожарной лестнице, по которой артисты спускались во двор – выйти снаружи было невозможно.

Милые, смешные одесситы! Знали бы они, что напишет о них потом «Московский комсомолец», отмечая один из орловских

юбилеев статьей: «Мери верит в чудеса»:

«Она была фантастической американской мечтой, сказкой, от которой шалел пролетариат, никогда такого не видевший» (Н. Ртищева).

Выходит, все они – и ленинградцы на Невском, и одесситы, и миллионы других поклонников «Цирка» – просто «шалели»...

...Когда гастролы уже заканчивались, в номер к Миронову явился вежливый капитан НКВД и попросил «сделать» еще концерт для чекистов. Миронов объяснил, что времени до отъезда нет, все расписано, сама же Любовь Петровна в таком состоянии, что в пору убавить, а не прибавлять концерты. Одни громкоговорители, сказал аккомпаниатор, которые на бульваре напротив гостиницы днем и ночью гремят с музыкой из «Цирка», окончательно вывели ее из строя. Капитан даже обрадовался: «Мешалки» эти мы вмиг уберем, а вы уж похлопочите за нас. А то нехорошо получается – в воинской части выступили, а про чекистов забыли...»

«Мешалки» тут же замолкли, и чекистам был «сделан» ночной концерт, к концу которого Орлова пела уже не своим голосом. Потом, в гостинице, разревелась и поклялась, что в Одессу больше никогда не поедет.

Но ровно через два года поехала снова и... нарвалась на скандал.

19

«А. Б. Пугачева пользуется огромной популярностью. Казалось бы, звание народной артистки и эта популярность обязывают А. Пугачеву к особой щепетильности и в денежных вопросах. Однако артистка, видимо, считает возможным по-иному использовать выгоды своего положения».

Можете вы представить сейчас подобный выпад? Да еще в центральной печати? А между тем именно так, без обиняков, писала газета «Советское искусство» в июне 1938 года о не менее популярной тогда, хотя пока не «народной», Любови Орловой. Да еще на самом пике ее популярности, месяц спустя после выхода на экран «Волги-Волги».

Газета сообщала, что «в Одессе должны были состояться гастролы артистки, и трудящиеся с нетерпением ждали героиню «Веселых ребят», «Цирка» и «Волги-Волги». Однако тов. Орлова потребовала от Одесской филармонии по 3 тысячи рублей за каждый концерт, не считая проездных, суточных и пр.

Дирекция Одесской филармонии не могла, разумеется, пойти на такие рваческие условия, тем более что, согласно приказу ВКИ № 640, максимальная оплата концертов тов. Орловой установлена в 750 рублей»

То есть популярнейшая артистка, краса, можно сказать, и гордость нации, захотела лишь в четыре раза больше положенного. Можно представить, какую надменную, даже снисходительную усмешку это вызовет у теперешних, ничем, кроме зрительских сборов, не ограничивающих себя звезд шоу-бизнеса и театральной антрепризы. У той же Аллы Борисовны, берущей за концерт чуть ли не 100 000 долларов.

«Однако Орлову, – продолжает «Советское искусство» изгаляться над всенародным кумиром, – не удовлетворила позиция, занятая Одесской филармонией, и в обход нормального порядка артистка вошла в соглашение... с ее месткомом об организации 8 концертов по 3 тысячи за каждый».

Вот ведь как приходилось выкручиваться «звезде», о которой уже слагали стихи, именем которой назовут потом улицы и пароходы! А с каким месткомом, какой «филармонией» надо входить в соглашение сегодня тем, о которых не пишут пока стихов и вряд ли назовут что-то их именем? Разве что с «месткомом» фирмы, организующей гастролы...

«Нелишне заметить, – не успокаивается «Советское искусство», – что аппетиты тов. Орловой не всюду получают должный отпор. Совсем недавно в Киеве она ухитрилась сорвать с Украинского управления по делам искусств по 3300 за каждое выступление».

Сколько же, интересно, это на сегодняшние деньги, на те же 100 000 «условных» пугачевских единиц? Неужели такая баснословная сумма, что из-за нее надо пригвоздить к столбу «примадонну (как теперь ее называют) сталинского экрана»? Во всяком случае, нехитрые расчеты показывают, что для того, чтобы уравнять то, что просила Л. Орлова в 38-м, и то, что требует А. Пугачева сейчас, доллар тогда должен был стоить не больше 3 копеек!

...Можно представить, как ждали одесситы приезда Орловой теперь, после «Волги-Волги»! Как мальчишки занимали места на деревьях против «Лондонской». Но ни те ни другие не подозревали, какие финансовые страсти кипели в двух шагах отсюда, в стенах Одесской филармонии, с подачи которой «Советское искусство» сообщало и такое: «Своеобразную, мягко говоря, позицию занял в отношении тов. Орловой и начальник Одесского управления по делам искусств тов. Фишман. Когда директор филармонии тов. Подгорецкий обратился к Фишману за разрешением вопроса о гонораре Орловой, т. Фишман не нашел ничего лучшего, как посоветовать тов. Подгорецкому «оформить» концерты Л. Орловой совместно с каким-нибудь ансамблем, квартетом, словом, как-нибудь прикрыть незаконные требования артистки».

А еще говорят, что в советское время отсутствовала свобода печати! Ведь «Советское искусство» не могло не знать, что артистка, на которую оно поднимает руку, любимица не только всего советского народа, но и лично товарища Сталина. Однако не побоялось ведь! Как и тов. Подгорецкий в Одессе, который нашел в себе мужество отказаться от подобных комбинаций, справедливо квалифицируя их как жульничество.

«Всесоюзный Комитет по делам искусств (во куда махнули! – Ю. С.) должен заинтересоваться этим возмутительным делом, а тов. Орловой надлежит понять, что ее поведение недостойно звания советской артистки». Не только «тов. Орловой», но и тов. Александрову, который, естественно, бросился на защиту жены и кое-как, пользуясь своими немалыми связями, замаял дело, а может, еще и поддал кому следует, тому же «Советскому искусству»...

20

Но одна, хоть и скандальная, публикация в «Советском искусстве» не могла, конечно, хоть сколько-нибудь поколебать мнение советского народа о своей любимице. Тем более кто это «Советское искусство» читал на том же, скажем, Челябинском тракторном заводе им. Сталина? Где актрису удостоили самой дорогой для нее, как она считала, награды: namного превышающим план поршневым, в честь ее, кольцом.

Об этом необычном подарке Орлова рассказала соседу по внуковской даче, поэту В. Гусеву; он написал о нем целую мини-поэму, и под названием «Кольцо» она была опубликована в «Правде» 1 мая 1937 года. И по ней – Гусев был мастером излагать события в их последовательности – можно проследить, как развивались события в Челябинске в декабре 1936 года:

Объехав с концертами Свердловск и Пермь,
и прочие города,
экспрессом в Челябинск, на Энский завод
приехала кинозвезда.

О том, как разворачивались события дальше, послушаем уже не Гусева, а Д. Щеглова, назвавшего поэта почему-то Владимиром (на самом деле тот был Виктором), а челябинские поршневые кольца – «сакральными». «Далее в несколько умиленно-слезливом духе живописуется приезд актрисы и то, как «сели две тысячи человек в зал на тысячу мест», затем, как она пела, «волнуясь вдвойне, втройне», и наконец, явление старика Петрова с какими-то сакральными кольцами:

...Когда она смолкла, старик Петров
Волненья сдержать не смог.

Он вышел на сцену и кратко сказал:
 – Вы пели, товарищ, так...
 Мы вам цветы принесли в подарок.
 Но цветы – растенье, трава, пустяк.
 И даже лучшим из этих цветов
 не выразить наших сердец.
 Мы десять тысяч в смену даем
 поршневых прочных колец.
 И мы ответим своим трудом
 песням прекрасным таким.
 И ровно двенадцать тысяч колец
 Мы через неделю дадим.

Перечислив вместе с В. Гусевым города и подарки, которые получала в них Орлова («И увядали в квартире ее // полные красоты // мурманские, и тбилисские, // и киевские цветы»), Д. Щеглов пишет:

«Обняв кряжистого ветерана, Орлова всплакнула и уехала в Магнитогорск».

Опять В. Гусев:

А через неделю поезд ее
 обратно в Челябинск примчал.
 И снова был переполнен зал,
 и голос ее звучал.
 И преподнес ей старик Петров
 сияло его лицо
 двенадцать тысяч двести десятое
 поршневое кольцо.

Это для рифмы, насчет которой В. Гусев был слабоват. На самом деле челябинцы преподнесли Л. Орловой аж на четыре кольца больше – 12214! И на одной половине рекордного кольца было выгравировано: «Заслуженной артистке республике Л. П. Орловой», на другой: «Нам песня строить и жить помогает».

«Человеку, затратившему на них свой труд, зрители принесли в подарок плоды своего труда».

21

«Во всем должна быть доля абсурда», – любил говорить один печальный и великий человек», – пишет Д. Щеглов. – Эта идея ощутимо довлеет над стихотворением В. Гусева «Кольцо».

Между тем сама актриса никакого «абсурда», даже «доли» его, не усмотрела в подаренном ей поршневом кольце. И, возвращаясь из Челябинска, послала на завод телеграмму, которая до сих пор хранится в музее ЧТЗ:

«Уезжаю с большой творческой зарядкой, с чувством гордости и признания за ценнейший подарок – 12-тысячное поршневое кольцо. Желаю вашему коллективу от всего сердца успехов, достижений в строительстве и укреплении социалистической Родины».

А В. Гусеву на следующий день после публикации «Кольца» в «Правде» артистка направила благодарственное послание:

«Дорогой Виктор Михайлович!
 Я счастлива, что случай, происшедший со мной на ЧТЗ, послужил Вам темой для

чудесного стихотворения, напечатанного вчера в «Правде».

Я горжусь тем, что я и многие мои товарищи своим искусством могут быть полезны нашей стране в ее достижениях и победах!

Милый Виктор Михайлович! Вы так хорошо, так тепло и человечно все описали в своих стихах, что я ими воодушевлена и растроганна до слез. Крепко, крепко жму вашу руку.

2 мая 1937 г.»

А спустя два года, за месяц до одесского «скандала», Орлова писала о челябинском кольце в «Вечерней Москве»:

«Говорят, что в капиталистических странах буржуа дарят любимым актрисам дорогие кольца и прочие драгоценности. Таков унижительный обычай стран, где люди привыкли покупать все, даже человеческое вдохновение.

В советской стране, в гор. Челябинске, советской киноактрисе рабочие поднесли кольцо... Никакие драгоценности мира не могут сравниться с этим подарком. Человеку, затратившему на них свой труд, зрители принесли в дар плоды своего труда.

И когда меня спрашивают, почему мне весело, почему так радостно жить, я отвечаю: потому что только в нашей стране возможны такие незабываемые явления».

...О челябинском кольце актриса вспоминала всю жизнь. В интервью «Социалистической индустрии» (почему-то эта газета питала особую слабость к Орловой и Александрову), посвященному 70-летию актрисы (в отличие от других изданий, газета тактично не упомянула о дате), Орлова говорила:

«В 1947 году мы с режиссером Г. Александровым возвращались с Венецианского фестиваля, где показывали наш фильм «Весна» (Л. Орлова разделила там первое место как актриса с И. Бергман. – Ю. С.) и сделали остановку в Париже. Там приняли участие в большой пресс-конференции. Западные журналисты задавали самые разные вопросы, в том числе весьма каверзные. И вдруг такой:

– Скажете, госпожа Орлова, в Советском Союзе кинозвездам преподносят ценные подарки?

Я на мгновение задумалась (вспомнила, наверно свой пассаж в «Вечерке» о подарках буржуа. – Ю. С.) а потом ответила:

– Однажды я получила кольцо, ценность которого даже трудно переоценить.

Журналисты переглянулись, как мне показалось, удивленно и недоверчиво. И тогда я рассказала историю, происшедшую в Челябинске, историю рабочего подарка.

В зале вдруг наступила глубокая тишина. А потом – гром аплодисментов».

...Л. Орлова уже не узнала еще об одном эпизоде, связанном с челябинским кольцом: воспоминания начальника того самого поршневого цеха ЧТЗ С. Мирошниченко были опубликованы после ее кончины.

...Несколько дней спустя после отъезда артистки из Челябинска его, перед командировкой в США, вызвал нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе.

Когда Мирошниченко вошел, товарищ Серго пошутил:

– Это тот, кто артисткам колечки раздаривает?

– Почему же не обменяться сувениром с народной артисткой? – пошутил в свою очередь Мирошниченко.

– Она еще не «народная», – тут же поправил замнаркома.

– Литейщики сказали, значит будет «народной», – сказал нарком. Литейщики не ошибаются.

22

...Прошло чуть больше полутора месяцев и Наркома Орджоникидзе не стало. Эта весть застала Орлову, в которую он так верил, в доме... писателя М. Булгакова.

Начиная с 1936 года автор «Мастера и Маргариты» начал читать написанные им главы романа ближайшим друзьям. Среди них были и друзья Александрова («Друг моего друга

Александрова Чарли Чаплин» – острил Н. Богословский) – композитор В. Шебалин, возглавивший недавно комиссию, снявшую с режиссера и Дунаевского обвинение в плагиате «Марша веселых ребят», и художник П. Вильямс, кисти которого принадлежит одно из самых необычных полотен Третьяковки (вернее, ее запасников) – портрет Александрова 1933 года с гитарой и девочкой на первом плане, жующей почему-то огурец.

После нескольких авторских чток Шебалин и Вильямс передали М. Булгакову, что Александров и Орлова сочли бы за честь присоединиться к слушателям романа. Булгаков не возражал, и несколько вечеров режиссер с актрисой наслаждались главами «Мастера и Маргариты» в авторском исполнении. А может, и мечтали о его маловероятном, когда-нибудь, осуществлении... С Орловой, конечно, Маргаритой. И с тем набором кинематографических трюков, которыми, как никто в СССР, владел Александров.

...18 февраля 1937 года актриса слушала Булгакова одна: Александров не смог из-за дел. И вдруг поздно вечером, когда, отужинав с Булгаковыми, слушатели уже собрались расходиться, позвонил Александров и сообщил, что только что... от разрыва сердца умер Серго Орджоникидзе. Для всех это сообщение, как вспоминают, прозвучало шоком.

23

В том же 36-м, в котором Л. Орлова удостоилась «поршневого кольца», ей была оказана другая честь: участвовать в числе лучших женщин страны в обсуждении, а практически в одобрении проекта Закона... об абортах. Ответственным редактором на радио для артистки был заготовлен и зачитан ею приводимый М. Кушниковым текст.

В общем и целом приветствуя, разумеется, мудрый проект правительства «О матери и ребенке, о семье и абортах», актриса «позволила себе внести в него некоторые поправки и дополнения.

Об алиментах: «нерационально наказывать отца-неплательщика тюрьмой, его надо заставить работать».

Об абортах: «В пункте об абортах не должно быть обреченности. В советском обществе есть много самостоятельных женщин, много профессий, в которых женщина успешно конкурирует с мужчиной... Беременность вырвет женщину из ее работы, может быть, в тот момент, когда она завершает грандиозный проект, или готовится к героическому перелету, или завершает работу над большой ролью, на которую она потратила несколько лет жизни (в течение которых можно было пару раз, не в ущерб «большой роли», родить. – Ю. С.), и, может, в этот ответственный момент своей жизни, своей общественной и политической биографии она вынуждена все бросить и потерять год времени. Пусть в таких случаях женщина родит несколько позже. Пусть в этих случаях ей будет разрешен аборт. Пусть женщина знает, что закон – это не рок.

Мне кажется, что в последнее время все женщины собираются рожать, что всем хочется иметь ребенка. Мне самой хочется ребенка (особенно, наверное, после того, как сыграла «маму» в «Цирке». – Ю. С.), и я его непременно буду иметь. И это естественно. Жить все радостнее и веселее. Будущее еще более замечательно. Почему не рожать?»

Особенно ей, в ее уже 34! И многие из друзей Орловой восприняли ее обещание собственного ребенка всерьез, как намерение подать пример широким массам. «Иные знакомые смельчаки, – пишет Кушников, – интимно понижая голос, полушутливо спрашивали: «Ну, когда?..»

«Никогда!» – должна была так же, может, полушутливо ответить актриса, судя по тому, в чем она признавалась потом своей внучатой племяннице:

– Знаешь, я насмотрелась на твою бабушку и твою мать. Это ведь постоянный страх – дети. Сначала боишься забеременеть, потом рожать, а дальше, до гроба, страх за ребенка.

М. Кушников, не зная, видимо, об этих откровениях так и не состоявшейся матери, приводимых Д. Щегловым, приставал ко второму человеку, от которого это зависело: почему у них с Орловой не было детей?

«А спрашивал я несколько раз, – подчеркивает Кушников, – надеясь однажды услышать более обстоятельный ответ, нежели обычно». Но так и не услышал: Александров каждый раз

закрывал эту тему короткой фразой: «Сначала она не хотела, потом не могла...»

А когда кто-то и пытался укорить ее в этом плане, отделялась шуткой. Однажды они были на даче у известного конструктора авиадвигателей А. Микулина и его красавицы-жены Гарен Жуковской, сыгравшей примадонну оперетты в «Весне». Крепко выпив, генерал стал отпускать Орловой бесконечные комплименты и, чуть не плача от искренней досады, посетовал на то, что она – такая женщина! – не познала радостей материнства. Сидящих за столом слегка передернуло. Жена вроде бы шутливо, но ощутимо хлопнула конструктора по наголо выбритой голове. Но Орлова не смутилась, засмеялась и опровергла «домыслы» хозяина: «Познала! И сполна. Мой Гришенька, – она показала на смущенного почему-то больше всех Александра, – сто очков любому младенцу даст. С меня его одного вот как хватает!» И хотя это была сущая, как пишет Кушников, правда, но правда и то, что муж, даже самый беспомощный в быту (а им Александров никогда не был), не может заменить женщине ребенка...

И вообще о каких детях идет речь, если, как теперь пишут: "...Представляющийся почти астральным брак Орловой и Александра. Отсутствие детей на официальных фото компенсируют невнятные пленэрные щенята в корзинках, а намек на бытовые семейные нежности – товарищеские рукопожатия».

А впрочем, почему у всех у нас – у меня, Кушниковой и Щеглова и особенно у тех, кто пишет о «невнятных пленэрных щенятах», – отсутствие детей у Л. Орловой вызывает столько вопросов? Это, в конце концов, право каждой женщины. Актриса А. Демидова, например, совершенно однозначно призналась, что никогда и думать себе не позволяла о ребенке...

Читателей это, видимо, немало удивило, и вскоре тот же вопрос для уточнения, возможно, позиции актрисы задал ей «АИФ»:

– Не хотели ли вы когда-нибудь родить ребенка?

– Нет, – повторила Демидова, но сделала ответ более пространным. – Мне интересно наблюдать за чужими детьми. Особенно когда они играют стайкой во дворе или тихо сидят в уголке и рисуют.

Остается только благодарить Бога, что во времена Орловой пресса не терзала актрис такими вопросами...

24

Орлова не только зачитывала заготовленные для нее тексты на радио, но и сама довольно периодически писала и публиковала их в печати:

«Как приятно жить и работать в сталинскую эпоху! – пишет она. – Легко и приятно творить в обстановке всеобщего внимания, теплоты и поддержки. Партия, правительство, лично тов. Сталин уделяют огромное внимание советской интеллигенции. И сам по себе этот факт накладывает на нас большую ответственность и большие обязанности.

Мы находимся накануне исторического XVIII съезда партии. Каждый из работников искусств, в частности мы, киноактеры, обязаны приложить все свои силы для создания образов, отображающих величие нашей Родины».

25

Перед началом работы над «Волгой-Волгой», сообщает М. Кушников, Александров и Орлова отдыхали в Ессентуках, в санатории ВЦСПС. Устав от безделья и от отсутствия интересных людей, Орлова позволила уговорить себя на единственный, для отдыхающих, концерт, но только в последний вечер, перед отъездом.

На этот концерт сбежалась вся минераловодская знать. Из Кисловодска прибыл целый взвод украинских наркомов во главе с их тогдашним председателем, а потом Первым секретарем ЦК Украины П. Шелестом.

После концерта наркомы сочли за честь зайти за кулисы, познакомиться. Был накрыт чайный столик с печеньем. Но Шелест насмешливо оглядел его скудное убранство и, раскрошив пальцами печенье, сказал своему пиццинику: «На этот мусор наплевать и забыть. Веди нас по своему ведомству!»

Нарком-пищевик ведет компанию в местный – напротив театра – ресторан. Но время позднее, ресторан закрыт, и его директор-грузин на все вопросы украинского пищевода отвечает одним «нэт»: шашлыки, форель, сациви, плов какой-нибудь – все «нэт».

– Ну, а вино, фрукты есть?

– Это есть.

И директор приносит одно из самых скверных тогда вин «Кровь Грузии» и поднос крохотных яблок. Наркома в насмешку заставили отведать «грузинской крови» и закусить горе-яблочком. Сделав это, он склонил перед Орловой повинную лысую голову: «Приезжайте завтра в Кисловодск с товарищем супругом. Я исправлюсь, клянусь!»

И сдержал наркомовское слово. После прибытия в правительственный санаторий Орлову с «товарищем супругом» усадили в большой открытый автомобиль, украинские наркомы расселись по другим машинам, и вся компания покатила в Храм Воздуха, знаменитый тогда ресторан в горах. Впереди мчался грузовичок с музыкантами-грузинами, и их музыка всю дорогу сопровождала кавалькаду.

«Валтасаров пир, – пишет Кушников, – на котором была представлена вся съедобная фауна и флора Кавказа (и которому позавидовал бы, наверное, Сталин в одноименном, «Пире Валтасара», фильме по роману Ф. Искандера. – Ю. С.) длился до вечера. До отхода московского поезда.

Прощание происходило на кисловодском перроне. И пока оно бесконечно долго длилось, поезд покорно стоял, презирая расписание. Потом подошел главный кондуктор: «Дорогие гости, прошу за мной!» Все подумали, что он зовет в вагон, занять наконец места, и стали прощаться. Однако шеф-кондуктор повел всех (и отъезжающих и провожающих) к вагону-ресторану, но провожающих попросил остаться, а Александрова с Орловой провел внутрь. Посреди вагона стоял отдельный столик, на котором возвышался пандусообразный, как финальная декорация «Цирка», торт с кремовой вязью на вершине: «Орловой».

Пока хозяйка торта размышляла, везти ли ей именно чудо целиком в Москву или разрезать его и угостить всех провожавших, к Александрову неслышно приблизился начальник вокзала и шепотом доверительно спросил: «Товарищ Орлов, разрешите отправлять поезд? Или как?»

26

Одни готовили и дарили Орловой роскошные торты, другие изливали ей свои восторги в выпретенных и одновременно искренних стихах:

Какое счастье быть пред Вами,
Какое счастье видеть Вас,
Какое счастье вместе с Вами
Смотреть на все, что окружает Вас.
Какое счастье жать Вам руку,
Какое счастье Вас любить,
Какое счастье Вашу муку
Принять и вместе с нею жить.
Какое счастье следовать за Вами,
Какое счастье думать и мечтать о Вас.
Какое счастье преклоняться перед Вами,
Какое счастье умереть за Вас!

27

После десяти лет дружной совместной работы уход Александрова в самостоятельное творчество С. Эйзенштейн воспринял очень болезненно. Его недовольство было усугублено сугубо личным мотивом. Получалось, что Александров оставил его в том числе и ради

Орловой. «И она, – считает М. Кушников, – платила Эйзенштейну равной неприязнью – такой, на которую решалась в жизни редко.

Л. Орлова не сразу осознала себя «злодейкой-разлучницей» С.Эйзенштейна и Г. Александрова. И на буклете «Веселых ребят», который Александров подарил Эйзенштейну с надписью: «Дорогому учителю, учившему меня другому», бесхитростно приписала: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет.

Однажды режиссер Лео Арнштам оказался свидетелем мимолетной сценки в коридоре студии. Эйзенштейн настойчиво стучался в дверь просмотрового зала, где, как выяснилось позже, Орлова смотрела материал своей картины. Эйзенштейн нервничал, поглядывая на часы, и громко, чтобы слышали в зале, чертыхался. Вдруг дверь распахнулась, да так резко, что если бы Эйзенштейн случайно не отодвинулся, его бы отбросило ударом. Из зала выскочила Любовь Петровна и, ни на кого не глядя, рванулась по коридору, громко бормоча на ходу: «Наш гений от вежливости не умрет!»

Так же, как когда-то Мэри Пикфорд при появлении на голливудском приеме Чарли Чаплина с сарказмом шепнула сидящему рядом с ней Александрову:

– А вот и наш гений!

28

Самой обширной – и в мирное время, и в годы войны – была у Л. Орловой армейская корреспонденция.

«На необъятной территории нашей страны, – писали ей в 40-м, – как в недрах земли, так и в лесах, морях, реках, озерах, горах, в полях, в тундре, в тайге таятся неисчислимые богатства, которыми природа так щедро наделила Советский Союз.

К числу таких богатств относитесь и вы, Любовь Петровна! Следует только добавить, что вы всегда с удовлетворением и готовностью посещаете красноармейские части. В нашей вы были впервые в 1938 году. В тот год, 23 октября, в 18.00 по московскому времени, вы посетили наш полк. Сегодня у нас опять праздник:

Сегодня Вы в нас воскресили
моменты тех переживаний.
Вы к нам пришли – мы Вас просили,
Вы к нам пришли без опозданий.
Приветствуем еще раз снова,
Вас, друг бойцов, Любовь Орлова!
Вам обеспечено всегда
Красноармейское «Ура!»

29

Казалось бы, что могло огорчить жизнь актрисы в эти счастливейшие для нее 30-е? Живи, как говорят, и радуйся!

Единственным, что ее не столько огорчало, сколько заботило и раздражало, был... собственный дом. Где, вспомнив свое дворянское прошлое, привередливым цербером – благо, после того, как ее дочь стала знаменитой, для этого появились материальные возможности, – утвердилась мать актрисы, Евгения Николаевна Орлова, в девичестве Сухотина, свойственница великого писателя, племянница его зятя и пр. и пр.

Уж на что невозмутимым характером обладал Александров, но и его присутствие следящей за всем молчаливой тещи – лучше бы уж говорила что-нибудь, придиралась! – выводило из душевного равновесия.

И тогда супруги – теперь они могли себе это позволить – переселялись из собственного дома в... гостиницу «Метрополь».

«Возникала вдруг необходимость, – описывает их измышления перед «маменькой» Д.

Щеглов, – выехать на какой-то симпозиум в Подмоскowie. Требовалось присутствие как Александрова, так и Орловой. После симпозиума в планы входили творческие вечера и концерты. Как долго? Пока неизвестно. Домработница, кухарка и родственники проходили дополнительный инструктаж.

Они уезжали, и Евгения Николаевна оставалась со своим Бимкой (любимый шпиц маменьки. – Ю. С.) и враждебным, малопонятным и, честно говоря, недостойным того, чтобы быть понятым, миром.

Проходила неделя, другая. Орлова звонила домой, узнавая о здоровье матери, ее настроении, о Бимке. Творческие вечера и концерты проходят совершенно замечательно, – лучше трудно себе представить, пожалуй, придется задержаться еще на пару недель...

Вряд ли воображение Евгении Николаевны смогло бы вместить то, что все эти звонки совершались из комфортабельного люкса «Метрополя». Евгения Николаевна так никогда и не раскрыла тайну внезапных «подмосковных» отъездов. Тем более что на фоне частых концертных поездок Орловой эти «метропольские» отлучки дочери выглядели вполне убедительно.

30

Ни к одной своей роли Орлова не готовилась так тщательно, как к роли ткачихи Морозовой в фильме «Светлый путь».

«Пожалуй, – писала она, – я могу сказать, что в какой-то степени сама вместе с Таней прошла путь, проделанный ею, – от простой черной домашней работы до квалифицированного труда у ткацкого станка. Первая часть этой задачи не требовала от меня специальной подготовки: таким умением обладает каждая женщина. Но на экране Таня в течение нескольких минут работает на ткацком станке. Я должна была провести эту съемку так, чтобы зрители, среди которых будут ведь и настоящие, опытные ткачихи, поверили бы, не усомнились в подлинно высоком мастерстве владения Морозовой станком. И для этого мне пришлось, как и самой Тане, учиться ткацкому делу. Три месяца я проработала в Московском Научно-исследовательском институте текстильной промышленности под руководством стахановки-ткачихи В. П. Орловой (такое вот совпадение – и отчества и фамилии! – Ю. С.). Кроме того, во время съемок на Ногинской (Глуховской) фабрике моими постоянными сожительницами были потомственные русские ткачихи.

...Я успешно сдала техминимум и получила квалификацию ткачихи. Быстрому освоению профессии помогло и то, что я занималась не только на уроках. Ткачиха должна обладать очень ловкими пальцами, чтобы быстро завязывать ткацкий узел, достигается это путем длительной тренировки. И я отдавала этой тренировке все свободное время. В сумке я всегда носила моток ниток, как другие женщины носят вязанье. Я вязала ткацкие узлы везде и всюду. Ткацкими узлами я перевязала дома бахрому скатертей, полотенец, занавесей».

«Так что домашнее хозяйство актрисы, – шутила пресса, – понесло значительный ущерб».

Другие «издержки производства» нанесли «ущерб» не только домашнему хозяйству актрисы, но и ей самой. В первый же день обучения у своей знаменитой тезки Орлова, пытаюсь, согласно инструкции, «легким вздутием губ» вытянуть нитку из челнока, втянула ее в себя так глубоко, – сообщает Кушников, – что пришлось долго и мучительно изымать ее из дыхательного тракта.

Как бы то ни было, «когда Орловой был освоен «лабильный» станок и даже «поцелуйный батан», – сообщала пресса, – процесс ее обучения посчитался законченным».

Однако едва закончился этот «процесс», пришлось приступать к другому обучению езде на автомобиле. Это далось актрисе гораздо легче, чем «поцелуйный батан».

«Двадцать шестого (августа 1939 года. – Ю. С.), – пишет она аккомпаниатору Миронову, – состоялись первые съемки «Золушки» (первоначальное, до переименования его Сталиным в «Светлый путь», название фильма. – Ю. С.). Проезды на машине по павильонам (только что открывшейся ВСХВ. – Ю. С.). Ездила сама за рулем. Жертв нет».

Спустя несколько дней, 7 сентября, встретив Орлову там же, на ВСХВ, пришедший на осмотр Выставки корифей МХАТа В. Качалов сфотографировался с ней – Таней Морозовой.

А спустя пять лет, в Барвихе, написал на этом фото стихи:

Смотреть и слушать Вас я рад,
как 10 лет тому назад².
Люблю я Любочку Орлову
и поклоняюсь, верьте слову!
Пять лет уже промчались ровно
с тех пор, как Вы, Любовь Петровна,
со мной снялись в Москве, Любовь
Орлову я увидел вновь.
Пять лет, тяжелых и суровых³,
весьма состарили меня.
Но пощадили Вас. И я
все так же нежно и любовно
гляжу на Вас, Любовь Петровна!

Так «любил» и так «поклонялся», что собирался в паре с М. Блюменталь-Тамариной изобразить «жюри» на Олимпиаде художественной самодеятельности в «Волге-Волге»...

32

В отличие от «Волги-Волги», Сталин не пришел в восторг от следующего фильма Александрова «Светлый путь». И режиссер с актрисой не на шутку загрустили, особенно потому, что за полгода до окончания фильма Сталин оповестил страну об учреждении высшей, своего имени, премии в области литературы и искусства. А так как премия присуждалась за последние, естественно, достижения, то ее получение показалось звездной паре проблематичным. И Орлова, считает М. Кушников, зная сталинскую непредсказуемость, даже мучилась бессонницей...

«Вечерами, – пишет он, – гуляя по Глинищевскому переулку, Александров и Орлова встречали В. Немировича-Данченко, соседа по дому, одного из председателей Комитета по Сталинским премиям, и с напускной беззаботностью, но выжидательно, поглядывали на него. Прикладывая руку к шляпе и любезно улыбаясь, он проходил мимо, давая понять, что решения еще нет. Но вот в один из таких вечеров он приостановился, улыбочиво поглядел на соседей и выразительно кивнул.

Новоиспеченные лауреаты тут же уехали во Внуково поджидать официальных подтверждений. Через день, 15 марта 1941 года, они, как всегда, вышли поутру на прогулку на заснеженную улицу, ведущую к Внуковскому шоссе. И тут же увидели вдалеке свою машину, рано-рано отъехавшую в Москву за покупками и газетами. Шофер, на ходу открыв дверцу, высунулся из кабины и, потрясая газетой, закричал: «Поздравляю лауреатов первой степени!» И, не успев вывернуть руль, глубоко зарылся в кювет».

Люблю я Любочку Орлову
И поклоняюсь, верьте слову!

В. Качалов.

В официальном сообщении было четко указано, что Сталинская

² То есть как в 1934-м, в «Веселых ребятах».

³ Годы войны.

премия первой степени дана Александрову и Орловой за картины «Цирк» и «Волга-Волга». Последняя картина, таким образом, достойной премии не признавалась. Так что это был «праздник со слезами на глазах»...

33

Однако мнение народа, даже такого послушного, как советский, не всегда совпадало с мнением Главного кремлевского критика. И о «Светлом пути» зрители сочиняли целые поэмы:

Морозова задумала большое дело.
 О, как душа в ней вся горела!
 Решив, на собственный свой риск и страх,
 взялась работать на шестнадцати станках.
 ...Финал! Мечты сбылись, наконец.
 В Москве Танюша. Вот дворец!
 Сияют залы, блеск огней!
 Как мило-трогательно в ней
 Такое нам понятное волнение.
 Вдруг гром рукоплесканий и смятение!
 – Морозову, Татьяну! Орден! Награждают!
 Она встает, идет вперед. Ее уж ожидают.
 Стол близок, но как долог путь...
 Воздушная, как греза, и боясь вздохнуть,
 С слезой, нависшей, как алмаз,
 у потемневших от волнения глаз.
 О, дивный сон! Пред ней награда.
 У Тани радостно сияют очи.
 Какое счастье и отрада
 За все пережитое и за ночи,
 когда труда великого идея,
 как новая заря, уж пламенея,
 в ее уме уже рождалась.
 А дальше «Светлый путь» – она его дождалась!

34

Но народ народом, а для вождя лучше «Волги-Волги» все равно ничего не было.

...В 1939 году после парада физкультурников в Кремле состоялся гранд-прием, рассказывает Кушников. Участвовать в котором удостоились самые избранные, не более двух десятков человек. Орлова, естественно, в их числе.

Она собралась исполнить по одной песне из трех своих тогдашних фильмов: «Веселых ребят», «Цирка» и «Волги-Волги». Аккомпаниатор Миронов не советовал ей петь пушечную шансонетку «Диги-диги-ду» – вряд ли она придется Сталину по душе. Вождь действительно не проявил по поводу коронного номера актрисы особенного энтузиазма и сделал несколько равнодушных хлопков. Но когда Орлова запела «Песню о Волге», он улыбнулся, подхватил мелодию, сначала тихо, потом громче и в конце концов запел во весь голос и предложил свите присоединиться к своему дуэту с Орловой.

Но это был еще не триумф. Триумф начался потом, когда концерт кончился и его участников развели по столам... В какой-то момент Любове Петровне захотелось выпить за Сталина, и она поднялась, чтобы подойти к нему. Но то ли она сделала это слишком решительно, то ли охрана ничего не поняла, но несколько человек одновременно метнулось ей наперерез. Она приостановилась, растерянная. Сталин приподнял голову, мигом оценил

обстановку и, коротким жестом отправив ретивых церберов на место, поднялся с бокалом в руке:

– Говорите, товарищ Орлова! Мы вас внимательно слушаем. Говорите сколько хотите! Будем все стоять и слушать...

И конечно же, все – и члены Политбюро и зал – поняли эти слова, как должно было понять. Встали и слушали.

35

Вернемся, однако, к публицистике Л. Орловой тех лет. Не всегда она была сугубо гражданской, не всегда о «мудрой заботе партии и правительства».

Летом 1940 года Л. Орлова опубликовала в журнале «Смена» статью «Мнимый блеск» с подзаголовком: «Ответ моим корреспондентам»:

«Недавно я получила письмо из Бобруйска от ученицы 9-го класса Ксении Л. Она пишет:

«Воображаю, как это приятно стоять перед кинокамерой и распевать разные песенки и знать, что тебя услышат во всех городах и будут тебе хлопать из всех сил. Я очень завидую вашей чудесной красивой жизни, мне даже кажется, что отдала бы всю свою жизнь, только бы пожить так денечек, как живете вы, Любовь Петровна. Особенно мне нравится кадр, в котором вы танцуете на пушке...»

Откровенно говоря, меня обидело это признание. Девушку, видите ли, больше всего привлекают в кино наряды, эффектные выходы на аплодисменты, «красивая жизнь». У Ксении прямо-таки кружится голова от всего этого блеска.

Но когда после тяжелых, порой изнурительных съемок приходишь домой и читаешь другое письмо, от Гали Г. из Херсона, то становится даже неприятно.

«Все наши девочки, – пишет Галя Г. – говорят, что я очень похожа на вас. Я тоже очень хорошо пою и умею танцевать очень много танцев. Особенно хорошо получаются у меня чечетки. А главное – у меня такие же, как у вас, глаза и такая же улыбка. В общем, напишите мне срочно: может ли из меня что-нибудь выйти? Я давно мечтаю сыграть такую роль, как Марион Диксон. Смогу ли я ее сыграть на кинофабрике «Мосфильм»? Высылаю Вам свое фото, по которому вам все станет ясно».

Нет, Галя, из ваших слов и вашего фото ничего не ясно. Ни хорошенького личика, ни живописных локонов, ни умения танцевать еще недостаточно, чтобы стать актером.

Если человек малокультурен, если у него нет общеобразовательной подготовки, то даже при значительном таланте вряд ли из него выйдет хороший актер. Но находятся школьники, которые, не научившись еще грамотно писать, воображают, что профессия актера им уже по плечу.

Вот что пишет ученица 6-го класса Клава И. из Ярославля:

«Мне очень хочется играть в кино. Но мои родные не хотят этого понять... Помогите мне устроиться в артистки. Я через два месяца заканчиваю 6-ой класс. Пжаласта напишите мне скорее, хватит ли этого, чтобы стать артисткой, как вы, или мне еще придется кончать за семилетку. Если это не важно, то я приеду к вам в Москву...»

Убеждена, что Клаве И. никогда бы не пришло в голову послать письмо на какой-нибудь завод с просьбой взять ее немедленно на работу инженером. Почему же она решила, что, не овладев даже грамотой, она может быть актрисой?

От души желаю, чтобы и Ксения Л., и Галя Г., и Клава И. серьезно призадумались над своим будущим».

Интересно, живы ли эти Ксюша, Клава и Галя, и как сложились их судьбы после наверняка неожиданной для них да еще публичной отповеди любимой актрисы?

36

Впрочем, к таким «частным» темам Орлова прибегала редко. В основном она откликнулась на события государственного масштаба. На присоединение, например в 1939 году к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии:

«Когда-то эти земли были землями белорусского и украинского народа, писала она в «Комсомолке». – Одни и те же дожди их поливали, одно и то же солнце светило на них, и одни и те же ветры проносились над их долинами и холмами. Но два десятилетия назад через эти земли прошла граница. Для одной части белорусского и украинского народа земля окуталась могильным мраком, для другой – она расцветилась необычайными красками, какими может блистать только земля счастливых людей.

На одной части земли, на Западе, люди даже петь разучились, им запрещали петь. В звуках украинской или белорусской песни угнетатели видели для себя опасность. Эти песни могли напомнить обездоленным о другом мире, начинавшемся так волнующе близко, вот за этим леском, вот за этой деревенькой... Теперь песня вырвалась на свободу. Миллионы уст еще недавно искали слова проклятья, чтобы выразить свою ненависть к польской панщине. Теперь эти миллионы уст ищут непривычные для них слова счастья, чтобы восславить новую жизнь, Красную Армию, советское правительство, мудрого Сталина.

Я гляжу на счастливые лица окружающих меня людей, случайно встреченных на улицах, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в метро, и думаю, что же происходит там, в Западной Украине и Западной Белоруссии? Какой же потрясающей силы должно достигать чувство счастья у наших братьев из далеких сел и городов, освобожденных теперь Красной Армией!»

Л. Орлова не только письменно откликнулась на присоединение к СССР «старых» новых земель. «В Западную Украину и Западную Белоруссию, – сообщала пресса в октябре 39-го, – выехали на гастроли концертные бригады ГАБТа СССР и Всесоюзного концертно-гастрольного объединения в составе И. Козловского, М. Рейзена, Р. Зеленой, С. Образцова, Л. Орловой, В. Яхонтова».

37

Между тем Западная Украина и Западная Белоруссия были, как известно, лишь костью, которую Гитлер бросил Сталину, чтобы усыпить его бдительность и спустя полтора года неожиданно напасть на те же – уже в составе СССР западные Украину и Белоруссию.

Начало войны застало Л. Орлову с Александровым на отдыхе в Кемери под Ригой. По свидетельству М. Кушнирова, в это время в Риге над подготовкой декады латышского искусства и литературы в Москве работала большая группа деятелей культуры – Н. Охлопков, Б. Барнет, А. Корнейчук, Н. Вирта и др. Они собрались в гостинице «Рома» и ждали известий от исчезнувшего куда-то всезнающего Александра.

Он вернулся нескоро, но спокойно доложил:

– Я дозвонился до Молотова (телефон ближайшего молотовского секретаря у него действительно был), и он сказал, что несколько дней, пока этот инцидент не будет разрешен, мы проживем под Ригой, в Сигулде.

Но «инцидент» никак что-то не «разрешался», немцы уже бомбили Ригу. И снова побеспокоить Молотова попросили теперь Орлову, которой всегда верили чуточку больше. Та не стала скрывать, что до самого Молотова она не добралась, и его секретарь отослал ее к И. Большакову, министру кино. А тот приказал любыми путями возвращаться в Москву.

...На вокзале было уже не пробиться. Стало ясно, что всем сорока столько набралось готовящих «латышскую декаду» – сразу не уехать.

Тогда Орлова кинулась на поиски начальника вокзала. Ее сопровождали оператор А. Кольцатый и ленинградский режиссер С. Тимошенко («Небесный тихоход» и пр.). С начальником вокзала актриса объяснялась не более пяти минут и наедине, с глазу на глаз. Но вышла от него со всеми сорока билетами.

Казалось бы – все, но тут в ноги Орловой бросилась женщина, оказавшаяся директором выборгского Дома культуры в Ленинграде, где Орлова недавно гастролеровала. Она уже сутки не могла выбраться из Риги и ночевала с ребенком на вокзале.

– Стойте и ждите меня, пока я не вернусь, – наказала Орлова Кольцатому и Тимошенко, вернулась к начальнику вокзала и вышла еще с двумя билетами.

До отхода поезда оставалось почти два часа, но все расселись по купе, чтобы уже не

дергаться. Одна Орлова предпочла не делать этого. Накануне она заметила в одном из рижских магазинов очень уж симпатичную шляпку с пером. Нужной суммы с собой у нее не было, и она попросила отложить покупку до завтра. В суматохе отъезда она забыла о шляпке с пером, но теперь спохватилась. Бросив Александрову: «Гриша, сидите в купе и никуда не выходите!» – она помчалась в центр латышской столицы. Не сразу нашла магазин, не сразу добралась назад, в вагон влетела за 20 минут до отхода, но со шляпкой. И потом всю дорогу, особенно при бомбежках поезда, боялась сломать ее главную прелесть – перо...

38

Добирались в Москву почти неделю. Однажды среди ночи Орлова сказала: «Мне надо выйти в другой вагон, не волнуйтесь, я скоро вернусь». И ушла.

Прошло 15-20 минут. Александров стал нервничать. А. Кольцатый пошел искать актрису. Вошел в соседний вагон. Он забит людьми, сидят на полу, ребятня на коленях у родителей. В другом вагоне то же самое. Но вот опять купейный, и Кольцатый услышал знакомый голос: «Граждане! Товарищи! Вы меня знаете, в соседних вагонах много женщин – это все жены наших командиров, они без вещей, дети полуголые... Давайте оденем их. Кто что может...» Так она прошла по всему составу и свой вагон не забыла – тоже подвигла на доброе дело.

Это – у М. Кушнирова. Г. Александров более скромно в описании дорожных доблестей своей жены:

«Всюду беженцы, пожары, людское горе. Целых три дня добирались до Минска. Минск и всю белорусскую дорогу бомбили беспрестанно. Любовь Петровна организовала женщин нашего поезда в отряды сандружинниц, наладив немедленную помощь раненым. Она была смела, находчива, энергична – такой, какой ее привыкли видеть на экране – советской героиней».

То же самое, уточняя, описывает Д. Щеглов:

«Однажды во время налета поезд остановился в поле. В вагоне остались только Орлова, Александров и Е. Тяпкина (снимавшаяся у них в «Веселых ребятах» и в «Светлом пути». – Ю. С.). И с ними как раз все обошлось – в поезд не попала ни одна бомба. А все, кто побежали через насыпь в лес, попали под самолетный обстрел, и, когда вернулись, многие были ранены. Вот тогда Орлова и организовала для помощи им бригады сандружинниц».

39

В Москве, во время съемок Александровым «Боевого киноальманаха», на «Мосфильм» привезли героя из героев – только что протаранившего немецкий самолет над столицей В. Талалихина. Все, кто был в студии, бросились к нему с просьбой об автографе. Но летчик нашел сначала глазами главную цель своего визита, Л. Орлову, сам взял у нее автограф, а потом уж стал раздавать свои, «талалихинские».

...Все повторилось 20 лет спустя. Когда на только что слетавшего в космос Ю. Гагарина на каком-то мероприятии в Кремлевском Дворце съездов тоже набросились с просьбами об автографе. Но первый космонавт протиснулся сначала к бывшей в зале Орловой, взял автограф у любимой актрисы и только после этого стал раздавать свои, «космические».

Все произошло так быстро, что Орлова не сразу уловила подобие этих двух историй – талалихинской и гагаринской. А когда вспомнила и хотела сказать об этом космонавту № 1, к нему было уже не подступиться.

40

Первоначально в александровском «Боевом киноальманахе», под номером 4, Орлова должна была появиться в образе героини «Светлого пути», сообщает М. Кушников.

Во главе ивановских ткачих она прибывает якобы на передовые позиции, передает бойцам подарки и, сказав несколько горячих напутственных слов, поет на мотив «Марша энтузиастов»:

Нам ли бояться фрицев?
До нас их били и отцы и деды.
Смелость, как говорится,
Залог дерзания, залог победы!

Но потом Морозову сменили на Стрелку из «Волги-Волги», сделав ее фронтовым почтальоном. И памятуя, наверное, что из всех александровских героинь именно ей отдавал предпочтение Сталин – теперь Верховный Главнокомандующий.

...На сдаче «Боевого киноборника» он отсутствовал: не до того было в первые месяцы войны. И когда дело дошло до лихой, под гармошку, пляски Стрелки перед бойцами, раздалась громкая реплика принимавшего «Сборник» Л. Берии, которая передается Кушниковым со слов другой, профессиональной танцовщицы, Годовой, «одной из недолгих любовниц всесильного палача»:

– Ого! А у нее, оказывается, есть «за что» и есть «во что»!

«Чтобы понять, – пишет Кушников, – и по достоинству оценить эту хамскую реплику, надо сделать маленькое киноведческое отступление».

«Маленькое отступление» занимает почти две страницы и сводится к тому, что «всесильный палач» отреагировал таким образом на совершенно не положенные в то время кадры, когда в пляске перед бойцами короткая, фронтовая юбка Стрелки смело «открывает края ее чулок и даже «выше».

41

Осенью 41-го аккомпаниатора Орловой Л. Миронова дважды призывали в армию, сообщает М. Кушников. В первый раз отпустили быстро, спросили про специальность, он ответил: «Музыкант». Уточнили: «На чем играешь?» Он ответил: «На рояле». – «А на трубе не умеешь?» – «Нет». – «Ну иди – до особого распоряжения!» (Полагаю, что и облик худенького крохотули Льва Николаевича изрядно охладил желание военкоматчиков видеть его «под ружьем».)

Однако через две недели его вызвали снова, и на этот раз, казалось, снисхождения не будет. Будущих ополченцев построили во дворе и... «Кто умеет стрелять – направо! Кто не умеет – налево!» Лев Николаевич честно отошел налево. «Левых» вывели за ворота и скомандовали: «По домам! До особого распоряжения!»

Миронов стал ждать третьего звонка. Однако на другой день позвонила Орлова и сказала: «Немедленно приезжай к нам на Дмитровку!»

Миронов приехал, дверь открыла домработница, хозяев не было. К вечеру они появились. Были в Комитете по делам искусств, целый день выясняли и обсуждали ситуацию. С порога Орлова объявила Миронову: «Лева, мы должны эвакуироваться. Немедленно! Тебя мы записали как члена нашей семьи – хочешь с нами? Можешь?» Растерявшийся Миронов даже чуть-чуть перепугался: «Как же так? Надо же сняться с учета, меня же сочтут дезертиром...» На что Орлова ответила устало и сердито: «Не городи чепухи! Какой там учет? Где?! Иди и собирай вещи! Мы тебя ждем!»

Так актриса Любовь Орлова сама, без всяких военкоматских «направо-налево» распорядилась судьбой военнообязанного Миронова Льва Николаевича...

Спустя пять лет, после войны, она так же, одной магией своего имени, освободила от армии, вернее, от военных сборов, другого «счастливчика» Юру Бразильского.

...Проходя в кабинет Александрова, рассказывает И. Фролов, в бытность того директором Театра киноактера, Любовь Петровна заметила, что александровский секретарь Е. М. Бразильская чем-то очень расстроена и сразу же спросила, что стряслось.

Секретарша сказала, что ее сына, Юру, призывают на военные сборы, а он вышел в финал ответственных шахматных соревнований. Жалко, если он не сможет участвовать в этом финале.

– Не беспокойтесь, Екатерина Михайловна, – успокоила актриса секретаршу. – Начальник Московского военного округа – мой поклонник. Я позвоню ему.

И Юра Бразильский участвовал, конечно, в столь важном для него шахматном финале...

42

А тогда, в 41-м, спустя три с половиной месяца после рижско-московской эпопеи, Орловой и Александрову предстояло другое, более долгое, но гораздо более спокойное путешествие в противоположную от Москвы сторону – на восток. Куда в специально организованном для этого составе из Москвы вывозили крупнейших деятелей отечественной культуры. И хотя отъезд из окруженной немцами с трех сторон Москвы был нелегким и неизвестно было, вернутся ли они когда-нибудь в столицу, Орлову и здесь не покинуло чувство юмора. Вот как описывает она сборы в дальнюю дорогу в собственных стихах (впервые опубликованных М. Кушнировым):

В десять начали укладку
и, представьте, к четырем,
ну, ей-богу, не соврем,
было все у нас в порядке...
Как иначе? Ведь укладкой
всею ведала тогда
лучезарная звезда!

Еще забавнее описание актрисой момента самого отъезда:

Прикатили на вокзал
и вошли в перронный зал.
Нас как будто оглушило:
все вокруг стонало, выло.
Рой киношников жужжал,
гвалт неслыханный стоял.
Все поэты тут собрались
и от страха обмарались.
Первый – Лебедев-Кумач.
Наш «маститый», наш трепач!
С панталон совсем он сбился
и рассудка впрямь лишился.

Это «Кумач», стихи которого она с гордостью зачитывала в Кремле при получении собственной награды:

Да здравствует наша большая страна,
где общее счастье куется.
Страна, где за песни дают ордена,
и песня там звонко поется.
Впрочем, вернемся к стихам самой актрисы:
Вот посадка началась,
и толпа вся понеслась.
Впереди бегут, как кони,
прямо к мягкому вагону,
Леня, Моня, Шоня, Оня,
хоть имеют они броню.

Оня этот – тот Иосиф Прут, которого 33 года назад показавшаяся ему «розовым ангелом» шестилетняя Орлова приглашала на объявленный Ф. Шаляпиным «дамский танец»...

43

«Прошло тридцать лет и еще три года, – подсчитывал потом И. Прут. Началась война. Перед отъездом на фронт я пришел попрощаться с Любовью Петровной и Григорием Васильевичем».

Тут Оня несколько «округляет» время. Прошло на самом деле 35 лет, прежде чем, эвакуированный в Алма-Ату, а потом переэвакуированный с Орловой и Александровым в Баку, он зашел к ним попрощаться.

«Были сказаны какие-то бодрые и вместе с тем грустные слова, незаконченные фразы... Неожиданно Любовь Петровна попросила меня спуститься с ней на улицу. Мы сели в их машину, куда-то поехали и остановились у проходной авиационного завода (Бакинского, соответственно. – Ю. С.). Любовь Петровна оставила меня в машине, а сама прошла в здание. Скоро она вернулась, держа в руках две пластины из пуленепробиваемой стали. На одной из них была наклеена ее фотография (в каске, тушащей на крыше зажигательные бомбы из фильма по сценарию того же Прута «Одна семья». – Ю. С.)

– Надпись на карточке прочтете только после Победы! – сказала Любовь Петровна.

Затем она вложила пластины в нагрудные карманы моей гимнастерки и благословила меня. Так я и ушел на войну бронированным.

9 мая 1945 года в Праге я вынул обе пластины из карманов гимнастерки. Левая – та, что прикрывала сердце, осталась нетронутой. А в правой оказалась вмятина: пуля (или осколок) уткнулась в нее. Когда я отделил от пластинки фотокарточку, то прочитал на обороте: «Хотя я и кричала на Вас иногда, знайте – это было по дружбе. От всего сердца желаю вам удачи, и чтобы вам было хорошо. Ваша Любовь Орлова».

Так что «розовый ангел» оказался для Прута еще и ангелом-хранителем. И непонятно, почему такое красивое сравнение не пришло в его писательскую голову...

44

Между тем из Москвы до Алма-Аты в октябре 41-го добирались две недели. И здесь, как и по дороге из Риги в Москву, Орлова оказалась в лидерах. Об этом вспоминает дочь Э. Шуб и жена главного инженера «Мосфильма» А. Коноплева:

«В нашем вагоне совершенным чудом стала Орлова. Она была нашим бригадиром, когда мы мыли заляпаные окна вагонов. Она надевала шляпку (уж не ту ли, с пером, за которой возвращалась в Риге с вокзала? – Ю. С.) и туфли на высоченных каблуках и с М. Зощенко под ручку на узловых станциях ходила добывать нам еду и уголь для паровоза. У нашего вагона собиралась толпа поглядеть на живых Орлову и Зощенко, а в купе, разбитый радикулитом, лежал Г. Александров. Все пытались растереть его, плясать на спине, но все это мало помогало».

Между прочим, Зощенко не только ходил под ручку с Орловой добывать хлеб насущный и «паровозный». В этом же поезде он писал сценарий «Опавшие листья» для Орловой и Александрова. Но потом их пути разминулись: Зощенко остался в Алма-Ате, режиссер и актриса перебрались в Баку, и недописанные «Опавшие листья» не были сняты.

45

Еще об одной тогдашней остановке поезда «Москва – Алма-Ата» рассказывает Д. Щеглов:

"...Когда по вагону пошли разговоры об очередном авианалете, Орлова как ни в чем не бывало вышла подышать холодным октябрьским воздухом и немного пройтись. Возле соседнего вагона она остановилась. Женщину, которую Орлова заметила в одном из окон, можно было узнать лишь по запоминающимся на всю жизнь глазам – настолько она была истощена и обескровлена».

Это была жена М. Булгакова, Елена Сергеевна, на квартире у которой пять лет назад Орлова с Александровым наслаждались главами «Мастера и Маргариты» в исполнении автора.

«Елене Сергеевне Булгаковой, – пишет Д. Щеглов, – стоило невероятных трудов попасть в этот особый поезд. Кроме 12 рублей пенсии, которую выхлопотал влюбленный в нее Фадеев, жить ей было абсолютно не на что. Она впадала в голодные обмороки, с трудом могла говорить.

Впрочем, заговаривать с Еленой Сергеевной никто и не собирался. Орлова оказалась единственной, она подошла к ней, пригласила в свое купе, поделилась едой.

Близкими знакомыми они никогда не были, что и придает этой встрече особый смысл, ибо какой бы осторожной ни была или ни казалась Орлова, какое бы недостижимое место ни занимала она в сталинском пантеоне избранных, никто не мог припомнить ей нарочитое «неузнавание» при встрече с отверженными или даже просто суетливый огонек, зажигающийся в глазах всякого, просчитывающего последствия подобных встреч. Была черта, за которую она никогда не переходила, не позволяла себе переходить.

Через много лет она так же подойдет к еще одной зачумленной – вдове бывшего директора «Мосфильма», отсидевшей больше 15 лет. На студии, куда эта женщина пришла устраиваться на работу после лагерей, ее никто «не узнал», кроме Орловой, буквально бросившейся к ней с объятьями. Позже она приглашала эту женщину к себе домой, помогала ей деньгами и лекарствами.

Не зря же Ф. Раневская заметила как-то: «Сказать об Орловой, что она «добрая», – это все равно что признать, что Лев Толстой – писатель не без способностей».

46

Свою бешеную популярность по дороге в Алма-Ату использовала во благо своих спутников не только сама Орлова.

– Однажды, – рассказывает М. Кушников, – взявший на себя общее руководство составом Л. Трауберг (первый в орловском стихотворном перечне Леня. – Ю. С.) договорился на одной из станций, что местные бабы притащат к поезду несколько мешков вареной картошки. Но комендант поезда и слышать не хотел о его задержке: «И так опаздываем!»

– А хотите, пока ждем, я познакомлю вас с самой Орловой? – кинулся Трауберг во все тяжкие.

– А она здесь?!

Не смог комендант отказаться от такой чести и согласился ждать баб с картошкой.

Однако Орловой в ее вагоне не оказалось. Зато на месте была Галина Сергеева, жена И. Козловского, «пышнотелая красotka, звездных высот, правда, не достигшая, но все же памятная зрителю по той же, с Орловой, «Любви Алены» и особенно по роммовской «Пышке».

Трауберг и тут не смутился, схватил Сергееву (потом он снимет с ней ее третью известную картину – «Актриса») и поволок к ждущему Орлову коменданту. «Вот, знакомьтесь – сама Орлова!» – не моргнув глазом, представил режиссер. Увидев в чадном полумраке что-то очень красивое и смутно знакомое, комендант-чудак поверил и готов был ждать баб с картошкой сколько угодно...

47

С началом войны и без того активная военная корреспонденция актрисы возросла вдвое.

«Уважаемая Любовь Петровна! – писали ей. – Товарищ Орлова! Согласно Вашему обещанию через подателя сего политрука Дорхсветлидзе прошу сообщить точные даты и часы Вашего приезда к красноармейцам вверенного мне гарнизона.

Одновременно сообщаю Вам, Любовь Петровна, что бойцы, командиры и их семьи крепко готовятся к Вашему приезду. Красноармейцы готовят клуб, жены командиров убирают сцену и украшают ее цветами и лозунгами.

Орлова друг наш от искусства.

И рядом песенок ея

Свободный досуг коротает

Красноармейская семья.

Из писем.

Красноармеец тов. Верхолаз готовит хороший букет цветов, который будет лично вручать Вам, а **красноармеец тов. Ковальчук** уже написал для Вас приветственные стихи, которые зачитает на красноармейской сцене и вручит Вам на память. **Красноармеец тов. Горбунов**, руководитель Красноармейского духового оркестра, уже давно репетирует новый марш для Вашей встречи.

Что касается меня лично, то я пригласил военного корреспондента из окружной газеты «Боец РККА», который отметит Вашу встречу с красноармейцами».

Стихи красноармейца Ковальчука, зачитанные Орловой и врученные ей на память, выглядели так:

Впервые видели мы Вас,
когда «Веселые ребята»
среди овец, коров и коз
задачу выполняли свято.
А в цирке, появившись вновь,
Вы мигом вся перевоплотились.
И речь о вас шла без умолку:
Любовь Петровною гордились!

Опустив почему-то характеристики Орловой в «Волге-Волге» и в «Светлом пути», красноармеец Ковальчук закруглялся:

Орлова – друг наш от искусства,
и рядом песенок ея
свободный досуг коротает
красноармейская семья.

48

Сначала военный переводчик, а потом писатель Е. Ржевская вспоминала, с какой болью смотрела она с наблюдательного пункта в районе Сталинграда, как немцы беспрепятственно, будто у себя дома, спускались к Волге с ведрами за водой. И с какой горечью вспоминались ей при этом слова из песни:

Не видать им красавицы Волги
И не пить им из Волги воды!

...Будто зная об этом горестном наблюдении Е. Ржевской, Л. Орлова, выступая в только что освобожденном Сталинграде, пропела то же самое:

Не видать им красавицы Волги
И не пить им из Волги воды!

И указала на проходившую мимо колонну пленных немцев. И хотя и Волгу они повидали, и воды из нее напились вдоволь, трудно описать эффект этого артистического жеста. Реакция слушающих бойцов была столь эмоциональна, что те, что «увидели» и «попили», еще больше втянули в плечи повинные головы.

Свидетелем этому был тот же И. Прут:

«Тридцатиградусный мороз. Между войсками двух фронтов – проход, по которому на

восток, к реке, движутся почти 100000 немцев.

А рядом два грузовика. На них – «флютка» – маленькое походное пианино. За ним на ящике из-под снарядов сидит аккомпаниатор».

Всему веришь, кроме... пения, даже такого патриотичного, в 30-градусный мороз! И особенно игры Л. Миронова на «флютке»...

49

В том же Сталинграде, сообщает М. Кушников, после концерта офицеры попросили актрису сфотографироваться с ними. После нескольких снимков кто-то предложил Орловой попозировать на обломках немецкого самолета, торчавшего неподалеку. Обломки были очень выразительны, и Орлова – все же актриса! – соблазнилась на эффектный снимок. Встала на крыло, потом на хвост.

Этот «трофейный» снимок актриса не любила. За следующий один из снимавших ее в Сталинграде офицеров... поплатился ногой.

Один офицер увидел, что какая-то железяка перекрывает кадр и стал оттащить ее в сторону. И только сделал два шага – раздался взрыв: он наступил то ли на мину, то ли на небольшой снаряд. Остальные бросились к нему. Бросилась и смертельно перепуганная актриса. Но кто-то схватил ее за руку и приказал не двигаться с места.

Офицер, как потом ей сказали, остался жив: «отделался» потерей ноги...

А эффектный снимок актрисы, попирающей ножкой крыло немецкого самолета, сохранился...

50

О другом офицере, погибшем летчике, Орлова узнала из письма его товарищей:

«Дорогая Любовь Петровна! Мы, летчики Н-ского полка, пишем Вам в тяжелую минуту. Сегодня в бесстрашной схватке с врагом погиб наш боевой товарищ. В его документах вместе с простреленным партбилетом мы нашли это ваше фото...

Пусть вдохновляет оно вас на новые творческие свершения в честь нашего народа, ведущего бессмертную битву с врагом. С боевым приветом!

Летчики Н-ского полка».

На этот снимок актриса не могла смотреть без слез: весь отряд, который она провожала с 17-ой пристани Астрахани на Сталинградский фронт, погиб поголовно.

51

В том же 42-ом году, когда было получено это письмо, фильм «Светлый путь» демонстрировался в нью-йоркском кинотеатре «Стенли». И вряд ли только союзническими чувствами американских критиков можно объяснить их тогдашнее восхищение советским фильмом:

«Прелестная, как Белоснежка, она представляется особенно богатой душевно, когда вытирает пот с лица после окончания героического дня рекордов. Она торжествует, но не как женщина, прелестная и необычайно женственная, – женственность лишь одна из ее черт, но как человек вообще, как советский человек».

Интересно, что именно этот кадр, с Морозовой, «вытирающей пот после героического дня рекордов», газета «Мир новостей» поместила на своей первой странице как иллюстрацию к не сдерживаемой никакими тормозами статье Ф. Медведева «Блеск во имя триумфа». К которой мы вернемся еще не раз.

52

В том же 42-ом Л. Орлова совершила свое первое заграничное турне из Баку в Иран, где по договору с союзниками уже год размещался «ограниченный контингент» советских войск.

И не зря. В Тебризе концерты Орловой проходили в сопровождении двух советских автоматчиков по краям сцены – так много было в Иране фашистской агентуры.

В Тегеране Орлова познакомилась с Коганом, армянским евреем, попавшим в Иран в 38-ом, когда всех армян, имевших в прошлом иранское подданство, выдворили из Советской Армении в Персию. В Иране Коган развернулся – стал владельцем целой сети кинотеатров, во многих из них, несмотря на когановские обиды, шли исключительно советские фильмы.

Он пригласил Орлову с Мироновым погостить у него день, рассказывает Кушников. Гастролеры справились у советского посла, в квартире которого проживали, не выйдет ли из когановского гостеприимства политической промашки. Но посол-умница всячески поддержал предложение бывшего армянского еврея: «Общайтесь, общайтесь! Эти люди нам сейчас вот как нужны!» (в 38-м были не нужны, а в 42-м сразу понадобились! – Ю. С.)

Другой бизнесмен, прилепившийся к Орловой, был чистокровным персом. Не менее страстный киноман, он, в отличие от своего конкурента Когана, специализировался исключительно на американских фильмах. Присылал за Орловой «бьюик» (так что «девушка» опять, уже по Тегерану, разъезжала на «бьюике, может, даже на «красном». См. 2-ю часть: «Небылицы»), сажал их с Мироновым в ложу своего лучшего кинотеатра и крутил, по их выбору все, чем владел. Именно тогда Орлова впервые увидела диснеевскую «Белоснежку», с которой в том же 42-м году ее сравнивали американцы в «Светлом пути». Но в самый большой восторг она пришла от «Унесенных ветром», которых потом не уставал, как одну из самых реакционных картин Голливуда, клеймить... Александров. Эту «самую реакционную» Орлова потом еще дважды пересмотрела в Европе, после войны...

Обе поездки в Тегеран (вторая, из-за нелетной погоды автомобильная, состоялась в декабре того же 42-го по случаю суперприема у шаха) явно понравились актрисе. Иначе не стала бы она посвящать им свои шуточные стишки:

При советском при посольстве
 Встретило нас хлебосольство.
 Все концерты удались,
 И туманы⁴ завелись.
 Хоть без денег трудно жить,
 С черным хлебом воду пить,
 Но и с деньгами забота
 Ух, кошмарная работа!
 – С утра раннего до ночи
 По жаре, ну что там Сочи,
 Мы по улицам шагали
 И карманы облегчали.
 Туфли, шляпки, перья, ленты.
 Золотые позументы.
 Хлодоранты, зажигалки,
 Для волос завивки палки,
 Шлемы, лезвия, резинки
 И бумага для подтирки.
 Наконец, фантазий взлет
 Прекратил наш самолет.

⁴ Персидские деньги.

Чаще и больше других Орловой писали летчики:

«Дорогая Любовь Петровна! За полтора года войны мы видели всего четыре фильма, из них три: «Волга-Волга», «Веселые ребята» и «Цирк».

Первые месяцы боев были тяжелыми. После внезапного нападения фашистов с превосходящими мотомеханизированными силами мы угрюмо отходили на Восток.

Горечь отступления сжимала горло. И тогда в одной из школ, занавесив окна шинелями, мы смотрели «Волгу-Волгу». На этом сеансе «контролерами» за порядком в небе были наши прожектористы и звено истребителей.

Забыв печаль, мы от души смеялись. А когда неугомонная Стрелка запела (как аукнулись всем эти строчки «трепача»-Кумача в годы войны. – Ю. С.):

Пусть враги, как голодные волки,
У границ оставляют следы.
Не видать им красавицы Волги
И не пить им из Волги воды!

мы все поднялись и запели вместе с вами (прямо, как товарищ Сталин и его соратники на приеме в Кремле! – Ю. С.). Если бы вы были тогда там, если бы видели этот единодушный подъем наших славных соколов!

(Может, именно об этом вспомнила актриса, когда пропела то же самое в Сталинграде и показала на пленных немцев. – Ю. С.)

Помним, в тот день было ответственное задание. Командиры эскадрилий орденосцы майор Бебчик и капитан Ковальчук, давая боевое задание, говорили:

– Не видать фашистам красавицы Волги!

И страшен был тот бомбовый удар по врагу! А вернувшись, наши герои Отечественной войны Демидов, Янко, Заплавский и Кравченко подводили итоги:.

– Сегодня фашисты недосчитаются нескольких тысяч солдат, сотен танков. Это только за Волгу, которую им не видать. А за Днепр, который фашисты увидели, они рассчитаются миллионами своих поганых жизней».

«Правда» тогда печатала стихи Сергея Михалкова, посвященные летчикам нашей части:

То Кравченко – сталинский сокол,
Во имя родимого края,
Во имя погибших бойцов
На цель в боевом развороте
Заходит майор Кузнецов.
Бросаются в воду фашисты,
Но только спастись нелегко
Когда над землей пролетают
Заплавский, Демидов, Янко!

54

Обо всем, что происходило с ней вдали от Александрова, Орлова сообщала супругу. Даже самые пикантные подробности.

Однажды, во время войны, ее соседом по купе оказался гастролировавший, как и она, по Закавказью скрипач Д. Ойстрах. Он сразу почему-то, одним своим видом, внушил актрисе антипатию.

«А тут еще начал ухаживать, – пишет она Александрову, – да так неумело, по-мужички, что Лева, бедный (аккомпаниатор Миронов. – Ю. С.), не знал, куда деваться от стыда за него. В общем, от греха подальше (не собственного, конечно, а просто, чтобы слишком уж не нагрубить ему) я вышла и попросила кондукторшу перевести нас с Левого в другое купе. Та, мне кажется, все поняла и сделала то, о чем я просила.

Утром, встретившись в коридоре – ему надо было сходить первым, в Нальчике, – мы не обмолвились ни словом...»

Интересно, встречались ли они с Д. Ойстрахом потом, особенно Г. Александров?..

55

И опять – от славных «сталинских соколов»:

«После «Цирка», – сообщали они Орловой, – комсомолец-орденоносец Быков, садясь в самолет, напевал:

В небо прыгнуть нелегко,
Небо очень высоко...

А возвращаясь с задания, шутил:

– Небо-то высоко для Гансов, а не для нас. Им в него было прыгнуть труднее, чем обратно, на штыки нашей пехоты.

Хочется еще вспомнить, как младший сержант Копытин, вспоминая вашу мечтательную Анюту, пел, изображая неудачника-Ганса:

Я весь горю,
Как же мне поступить?
Ведь голову надо сложить!
Мне же почти не пришлось воевать
И мало пришлось мне жить.
На мотив «Сердце в груди»:
Храбрость моя улетела, как птица.
Советский летчик меня вдруг сбил,
Не дав и с жизнью проститься.

От всего сердца желаем Вам, Любовь Петровна, здоровья и плодотворной работы в нашем общем деле – в борьбе с ненавистным врагом и окончательном его разгроме в 1942 году. Смерть немецким оккупантам!»

После этого письма Орлова, выступая в частях, говорила:

– А песню Анюты, с вашего позволения, я спою на стихи младшего сержанта Копытина, которые он мне прислал.

И с тем же вокальным мастерством, что делало копытинский текст еще более смешным, пела Анюту-Ганса. А в конце, уже без музыки, уморительно, будто погибший «фриц» испускает последний вздох, говорила: «О, майн готт!»

Храбрость моя
Улетела, как птица.
Советский летчик меня вдруг сбил,
Не дав и с жизнью проститься...

поет Л. Орлова в воинской части.

56

«Последний военный концерт, – пишет М. Кушников, – Любовь Петровна дала в Праге в июне 1945 года. Зрелище, по рассказам очевидцев, было триумфальным. Восторженные пражане, еще не остывшие от радости освобождения, от избытка благодарности русским солдатам (в том числе И. Пруту, дошедшему, как помним, со спасительными орловскими пластинами до Праги. – Ю. С.)... целовали актрисе платье, приподнимали машину, подносили для благословения детей».

...А ровно через год в той же Праге, где на студии «Баррандов» снимали крупномасштабные объекты «Весны», на Орлову обрушилось тяжелое испытание.

В выходной день советник посольства повез их троих – Орлову, Черкасова и Александрова – за город. И по дороге в их машину врезалась другая, из чешского... свадебного кортежа.

Больше всех досталось сидевшему сзади Н. Черкасову. Ему выбило сразу несколько зубов, и, держась за скулу, артист чуть не плакал:

– Гриша, что же это?

– Ну что же делать? – посочувствовал Александров. – Вставим.

Он выскочил из машины и, убедившись, что сидевшая впереди Орлова жива, прежде всего заслонил ее собой от слишком любопытных из чешского свадебного кортежа...

От удара о передок машины у Орловой порвалась уздечка между губой и десной. И врач в больнице сказал: «Надо пришить немедленно, а то ткань омертвеет! Но вы должны перестать плакать и замереть лицом». Однако боль, испуг и отчаяние, пишет Кушниров, выбили актрису из колеи, и она никак не могла справиться ни со слезами, ни с лицом.

«Но подошел Григорий Васильевич (у которого самого, между прочим, была сломана ключица. – Ю. С.) и укоризненно зашелестел: «Чарли (так звал он жену, а она его – Спенсер. – Ю. С.), я не представляю, чтобы вы не смогли! Чтобы вы – и не смогли! Вы же все можете, все!» И действительно, она смогла. Перестала плакать и твердокаменно замерла лицом...»

Интересно, что когда 20 лет спустя обожавшие Александрова и Орлову после «Весны» чешские кинематографисты задумали снять художественный (!!!) фильм о них, они собирались воспроизвести в нем и эпизод аварии и александровское «Чарли, вы же все можете!».

Впрочем, чехи не были оригинальны. За несколько лет до них то же самое – художественное полотно под «мультипликационным», как его называет Д. Щеглов, названием «Люба и Гриша» – задумали англичане. Александров даже летал в Англию «консультировать» фильм о себе и своей половине.

Но такие экстравагантные идеи, как правило, не осуществляются. Не сбылись они и у чехов с англичанами...

57

«После просмотра фильма «Человек человеку...», – вспоминает его второй режиссер А. Бобровский, – Александров не хотел отпускать меня и попросил проводить его до дома. Там он предложил прогуляться на свежем воздухе после тяжелого рабочего дня и поговорить о возможных поправках. Уже стемнело, а он никак не хотел отпускать меня.

Прогулка наша становилась скучноватой.

Все прояснилось, когда из-за угла выехала машина и из нее вышла Орлова, вернувшаяся после спектакля.

– Любовь Петровна, – Александров торжественно взял ее под руку, поздравьте нас, мы только что смотрели фильм в законченном виде.

Она обрадовалась и крепко стиснула его руку:

– Какие вы молодцы! Поздравляю вас! Ну и как, Григорий Васильевич, какое у вас впечатление?

– А вот спросите у моего молодого режиссера.

– Да-да, любопытно. Вы ведь провели работу от первого до последнего дня.

Вот почему мы так долго гуляли!

Я был застигнут врасплох. Нужно было что-то отвечать, а я, честно говоря, считал себя несколько обманутым именно потому, что с первого дня меня настроили на совсем другую картину (то есть на художественное, с обычным александровским размахом, полотно, а не на более чем скромный, хотя и «экспериментальный» фильм-концерт, каким получился «Человек человеку...»). – Ю. С.)

– Фильм хороший, – ответил я после некоторой заминки.

В глазах Орловой я увидел открытое разочарование:

– И только?

Ясно, она ожидала совсем другого ответа.

– Фильм отличный, – сказал я тогда, помедлив.

Орлова укоризненно взглянула на меня и, подчеркивая каждое слово движением указательного пальца, как это делают педагоги, наставляя нерадивого ученика, сказала раздельно:

– Вот так нужно отвечать!

Она повернулась и пошла к подъезду. Александров, кивнув мне, последовал за ней. Девочки, дежурившие у подъезда, кинулись вручать Орловой цветы.

...При этом я, будучи вгиковским практикантом на «хорошем отличном» фильме любимого режиссера, больше чем уверен, что Орлова так и не удосужилась посмотреть инфразкранный, так называемый, «эксперимент» мужа. И вообще не очень была довольна этой его затеей: ведь она еще на год отложила съемки 55-летней уже актрисы в без того затянувшемся (один сценарий фильма сочинялся пять лет!) «Русском сувенире».

Во всяком случае, когда однажды я заикнулся актрисе о нашем небывалом якобы «концерте», она небрежно переориентировала: «Вашем концерте...» – и поспешила в тонстудию. Где спустя почти четверть века переозвучивала саму себя (но с В. Трошиным вместо Л. Утесова!) в «реставрируемых» Александровым одновременно со съемками «Человек человеку...» «Веселых ребятах».

58

«Ворошиловцы» – так назвали в 45-м уголовников, которых в честь Победы амнистировали Указом за подписью почему-то К. Ворошилова.

В 1946-м Саратов, куда приехала с концертами Орлова, был буквально оккупирован «ворошиловцами», рассказывает М.Кушников. Люди, боясь их, сидели по домам, а работников особо важных объектов сопровождала охрана.

Ни о каких концертах в такой обстановке не могло быть и речи: при всей своей любви к актрисе саратовцы просто побоялись бы пойти на них и возвращаться вечером домой. Но спустя день в Саратов вошли войска и так «прочесали», или, как теперь говорят, «зачистили» город, что жизнь снова возобновилась.

Но поскольку от трехдневного срока гастролей остался только один билет был раскуплен задолго до «оккупации» Саратова «ворошиловцами», решили число выступлений не сокращать и в один день выдать все шесть запланированных на три дня концертов. От двенадцати до двенадцати.

К концу последнего за кулисы явился вдруг начальник Саратовского МВД и решительно, даже строго, потребовал дать еще один, седьмой концерт для особо отличившихся в борьбе с «ворошиловцами» работников «органов», которые только теперь, к 12 ночи, освободились от «операции».

– Что делать? – взмолилась обессиленная от шести концертов подряд Орлова.

Но делать было нечего, и седьмой концерт за день, как когда-то для чекистов в Одессе, состоялся.

Рассказавший это М. Кушников задается только одним вопросом: спланирована ли была заранее акция по «зачистке» Саратова, или это сделали, понимая в какое затруднительное положение попала любимая артистка?..

59

В программу Венецианского фестиваля 1947 года, где «Весна» отхватила сразу три приза, входило посещение советской делегацией (а вся делегация состояла из ее председателя – Александрова и единственного члена Орловой!) старинной Вероны. Где Орловой и Александрову продемонстрировали... могилу Джульетты.

Оба члена советской делегации позволили себе усомниться в подлинности такого «объекта». Особенно не хотела верить этому Орлова: ведь Джульетта создание Шекспира, его, так сказать, вымысел. Но веронские гиды клятвенно стали заверять, что именно здесь нашла

успокоение Джульетта и что она именно та, о которой писал великий англичанин.

Орлова продолжала неуверенно качать головой, но более тактичный в таких вопросах Александров уговорил ее хотя бы для вида – чтобы не расстраивать гостеприимных хозяев – поверить в эту явную «байку». И она «поверила»...

А через пару дней по одному из венецианских каналов, где 13 лет назад гондольеры напевали прозвучавшее здесь, на фестивале 34-го года, утесовское «Сердце, тебе не хочется покоя», Орлову и Александрова доставили к дому, в котором, оказывается, они и проживали в свое время... А потом были памятные места, связанные с Отелло и Дездемоной. Но на этот раз никакие дипломатические уловки Григория Васильевича не заставили его спутницу даже сделать вид, что она верит в подобное местожительство знаменитого мавра. И она демонстративно, не дослушав гидов, увела продолжающего извиняться перед ними Александрова.

А венецианские гиды были поражены: почему знаменитая московская пара не пожелала выслушать их правдивый рассказ о том, что Шекспир доподлинно знал, – именно в Венеции и именно в этом доме проживали Отелло и его несчастная возлюбленная...

60

Руководитель итальянской делегации на кинофестивале Дж. Андреотти, очарованный дважды героиней «Весны», сфотографировался с Орловой под ручку.

Но будущему премьеру Италии не повезло: на другой день, когда его фото с советской «звездой» должно было появиться в печати, тогдашний премьер Италии де Гаспери выступил с откровенно антисоветской речью. И Андреотти испугался, решив, что фото с советской «звездой» навредит его уже тогда начинавшейся карьере. Его фото с Орловой появилось в газетах с надписью: «Дж. Андреотти беседует с актрисой Мартой Эггерт». Опубликовать бы его!

Тогда карьера Андреотти была спасена. Но став премьер-министром, он был уличен в связях с мафией и после четырех лет разбирательства освобожден за недостаточностью улик.

61

Орловой было далеко за 60, рассказывает М. Кушников, когда некий эстрадный администратор задумал с ее подачи осуществить эффектный проект одноактный спектакль «на выезд». (То, что сейчас зовется по старинке «антреприза». – Ю. С.) Была найдена пьеска на три персонажа (перевод с французского). Художником пригласили молодого, но уже приметного Михаила Карташева (начинал там же, где работал я, – в отделе производства фильмов ЦТ. – Ю. С.). Зайдя впервые в ее дом, он поистине обомлел. И не от восхищения. Его встретила маленькая, очень пожилая женщина с желтовато-серым лицом, с крашеными, жидковатыми волосами.

Любовь Петровна никогда не встречала гостей, тем более незнакомых, неприготовленной. В этот раз она, видимо, забыла о визите художника, и он застал ее врасплох. Актриса, естественно, догадалась о впечатлении (играть-то она должна была молодую пикантную дамочку-героиню любовной интриги), но нимало не смешалась. С легкой улыбкой попросила гостя подождать пару минут и вышла к себе в спальню. В стене напротив двери был маленький шкафчик-ниша, где всегда в полной боевой готовности сидели на «головках»-болванках три парика. Два «выходных» – коричневых, один домашний – серый. Здесь же, около кровати, был туалетный столик с набором любимой косметики и парфюмерии. Вернулась она почти моментально. Неузнаваемая. Совершенно преображенная. Красивая и молодая.

Интересно почитать бы тот, на троих, «перевод с французского». Он, конечно, не состоялся...

62

Когда речь заходила о ее старом, еще по музыкальному театру, друге С. Образцове, Орлова почему-то морщилась и, хотя не очень зло, но произносила: «Противный мальчишка!»

«Таскал ли Сергей Владимирович Любочку, когда их совсем маленьких, познакомили, – предполагает Д. Щеглов, – за косицы, противно ли стискивал запястья или говорил какой-нибудь замысловатый детский вздор? Никто уже не узнает, но эта фраза – «противный мальчишка!» – время от времени повторялась».

А может, «противный мальчишка» возник гораздо позже, когда Образцов и Орлова были уже соседями в элитном доме на улице Немировича-Данченко (бывший и нынешний Глинищевский переулок)?

...Желая избавиться как-то от слишком засидевшихся или не очень желательных гостей, рассказывает Г. Скороходов, Орлова повела их к жившему этажом выше С. Образцову.

– Чай – его страсть! – представила она страстного чаевода Образцова, свозившего самые диковинные сорта чая со всего мира, отовсюду, где он гастролировал со своим знаменитым театром.

В первый раз охотно продемонстрировав орловским гостям свою «страсть», Образцов встретил их не без приветственности. Во второй раз этой приветственности поубавилось. А в третий Образцов сам привел своих гостей к Орловой:

– Дорогая, мои гости наслышаны о твоей коллекции хрусталя. Хотели хоть глазком взглянуть на него, а заодно попить чайку из твоего «кузнецовского» фарфора.

Обмен гостями на этом закончился...

63

Орловой было уже за 50, за 60, а признания поклонников не становились менее откровенными:

Давным-давно Ваш голос нежный,
Ваш стройный стан меня пленил.
И дух мой, юный и мятежный,
Свой взор на Вас остановил.
Ваш томный взгляд,
Ваш взгляд прелестный,
Безжалостно волнует кровь.
Ваш томный взгляд,
Ваш взгляд прелестный...
И юноша, Вам неизвестный,
Питает к Вам свою любовь.
Ах, знали б Вы, как ваше пенье,
Как Ваша жизнь, как сами Вы
Даєте сил и вдохновенья
Для счастья юной головы!

Леонид Бычков, 16 лет.

Читая такие вирши, Орлова начинала думать, что ее собственные стишки не такие уж беспомощные и продолжала, никому, конечно, в отличие от «Лени Быčkова 16-ти лет», не показывая, их сочинять...

64

Единственный фильм о них, при жизни Орловой и Александрова, удалось снять отечественному «Центрнаучфильму». Он так, без фокусов, и назывался: «Любовь Орлова и Григорий Александров». Его незамысловатый «научно-популярный» сценарий писали сразу трое: Д. Василиу, А. Зебин и М. Каростин. Последний был и режиссером.

Фильм выглядел по меньшей мере странным. Ибо в нем категорически отказалась сниматься вторая заявленная в его названии личность – Любовь Орлова.

«Как хотите, Григорий Васильевич, – сказала она «первой», – но я в этом участия не принимаю.

И не приняла, рассказывает Д. Щеглов.

«Произошли довольно бурные объяснения. Но бархатные александровские раскаты, его ласковое «Любушка...» не помогли.

– Если вам это нужно – пожалуйста, а я в кадре не появлюсь. Это решено.

Рассказывали, что в дни съемок Орлова уезжала из дома.

Странное это было зрелище: фильм об Орловой и Александрове без Орловой. Филимон без Бавкиды, Орфей без Эвридики. Впрочем, его (Александрова. – Ю. С.) и это устраивало. Было там какое-то кресло, про которое голос с закадровым текстом сообщал: тут, мол, любит отдыхать Любовь Петровна, словно сама она обратилась в призрак. Того хуже, в неудобопоказываемое существо, в реальность которого приходится верить».

Даже на премьере фильма в кинотеатре «Художественный» Орлова демонстративно отсутствовала. Выступали два режиссера – М. Каростин и Г. Александров – и почему-то... Р. Плятт. Тем не менее зрители выразили единодушное пожелание, чтобы, кроме этого, об Александрове и Орловой был создан еще и полнометражный фильм.

Между тем «консультировать» английскую картину о себе и «Грише» Орлова, хотя и с неохотой, летала. Но одно дело – документальный фильм, где она, давно уже «негодная» для экрана, должна появляться, а другое художественное полотно, где ее, плохо или хорошо, изобразит другая актриса. И к ней, Орловой, кроме сочувствия, если это получится плохо, не будет никаких претензий. А вдруг (чем черт не шутит!) получится хорошо...

65

Теперь принято писать, что эпоха Орловой и Александрова закончилась с эпохой того, кто ценил, может быть, их больше всех, – с эпохой Сталина. А между тем Д. Щеглов со слов своего основного – как аккомпаниатор Л. Миронов у М. Кушнирова – «соавтора», Н. Голиковой, внучатой племянницы актрисы, приводит такой невероятный, казалось бы, эпизод.

«В эти траурные дни (в марте 53-го. – Ю. С.) Орлова зашла к своей сестре (бабушке Н. Голиковой, в семье ее почему-то звали Мариной. – Ю. С.)

И никто уже не вспомнит, за какую разговорную шестеренку зацепилась фраза, равно как и то, в какой момент появилась на столе бутылка вишневой наливки из запасов Нонны Петровны, когда ее сестра как-то очень просто, без всякого надрыва, точно об этом давно и много говорено, произнесла: «Слава богу, что этот мерзавец сдох», – и через минуту ее обомлевшая от горя и ужаса внучатая племянница с рыданиями вылетела из-за стола.

– Машенька, господь с тобой, что случилось? – спрашивала потом Нонна Петровна.

Девочка захлебывалась слезами смятения и верности. Любочка!.. Она могла так сказать... про него!

– И ты из-за этого?! – Нонна Петровна расхохоталась так, как не смеялась давно. – Знаешь, я и не догадывалась, что ты у нас такая дурочка!

66

Та же супруга Н. Черкасова вспоминает, как «влип» ее муж в александровскую «Весну».

«В 1946 году мы ненадолго приехали в Москву. Очень скоро нас нашел муж Орловой Александров и пригласил обедать к ним на дачу во Внуково. Я была сама замучена своими дачными делами, и мне не очень хотелось ехать, но Александров сказал, что это не просто дача, а нечто придуманное и выполненное им самим. Это было уже интересно.

Дача действительно была не дачей, а скорее напоминала южноамериканскую виллу, пожалуй, даже мексиканское ранчо, с лоджией в нижнем этаже. Это было удивительно – талант режиссера, художника, маляра, столяра в одном лице. Очевидно, пребывание с Эйзенштейном в Америке и Мексике помогло создать это красивое жилище. На обеде был и И. Дунаевский, в

честь которого на графине с водкой было выгравировано: «Нам песня строить и... пить помогает...». Черкасов еще со времен «Детей капитана Гранта» нежно относился к Дунаевскому и очень рад был его увидеть. Все было прекрасно. Когда обед кончился и мы сидели у камина, Григорий Васильевич предложил Черкасову прочесть сценарий «Весны». Николай Константинович, ничего не подозревая, сказал: «Давай, давай, интересно, что это будет». Но первой прочитала сценарий я, и все для меня стало ясно: Коля, ты пропал, ты будешь играть этого безликого героя-режиссера. Прочитав сценарий, Черкасов сказал: «Нет, это я играть не буду, мне здесь играть нечего. К сожалению, придется отказаться».

...Прошло какое-то время, он был так занят, что просто забыл об этом случае. В следующий раз мы встретились с Орловой и Александровым в гостинице, где жили (а те за это время перепробовали в роли «безликого» режиссера Б. Тенина и Б. Бабочкина, а первого даже немного снимали. – Ю. С.). Любовь Петровна и Григорий Васильевич пришли к нам обедать в большой номер в гостинице «Москва». Встретились мы весело и беззаботно, забыв о «Весне». «Слава богу, миновало», – подумала я. Но в конце обеда Александров вдруг сказал:

– Коля, ты знаешь, по-моему, мне удалось подогнать роль под тебя. Понимаешь, тот человек, который ни в кого никогда не влюблялся, и вдруг...

– Гриша, я же не из пластилина сделан, меня нельзя «подогнать» под любовника. Чудака-любовника я еще смогу сыграть. Эйзенштейн меня выламывал в «Алекサンドре Невском», а ты этого не заметил, ну, значит, хорошо выламывал, ничего не скажешь. Но ведь там была выгодная сценарная ситуация, а тут чем я прикроюсь? Галстуком-бабочкой?

Любовь Петровна молчала, расстроенная, потом подошла к креслу, в котором сидел Черкасов и, смотря на него смеющимися и умоляющими глазами, полусуто-полусерьезно встала перед моим супругом на колени.

– Ни один актер не сможет сыграть эту роль так, как нужно мне и фильму, – уговаривала она. – Я умоляю вас согласиться. Гриша и вы сделаете из этого материала чудо! Снимать мы будем в Праге, на студии «Баррандов», во время вашего отпуска в театре. Нина Николаевна (жена Черкасова. – Ю. С.), если захочет, поедет с нами.

Она добавила, что, если я захочу, могу даже сниматься в картине, там много ролей. Если же нет, просто буду находиться с Николаем, смотреть съемки, материал, словом, помогать ему.

– Группа у нас чудесная, – добавила Орлова – Рина Зеленая, Раневская... Да и всех других вы знаете...

Вот так все это случилось. Любовь Петровна, конечно, чувствовала, что Черкасову не очень интересно сниматься в роли режиссера, и была благодарна, внимательна, баловала нас всем, чем только могла. А свободное от съемок время мы путешествовали по Чехии, Словакии, бывали в театрах, кино, на симфонических концертах. И все-таки, несмотря ни на что, я волновалась за роль Черкасова; куски, которые я смотрела, были красивыми, изобретательно решенными, но все это его «не грело»...

Зато «согревает» которое уже поколение зрителей. Аркадия Арканова, например, с ностальгией вспоминающего о своей детской еще влюбленности в «Весну», особенно в ее черкасовского героя, потому что он по фильму, как и Арканов, Аркадий Михайлович:

«И до сих пор, и, я уверен, до конца жизни это вызывает и будет вызывать у меня ослабляющее головокружение, когда ноги становятся ватными, а в позвоночнике что-то холодеет».

Да и С. Юрский, хотя его инициалы не совпадают с аркановскими и громовскими (режиссера в фильме), много лет спустя, пересмотрев «Весну» по телевидению, не может скрыть восторга:

«А Черкасов в роли, что называется, «голубого» героя – слегка любовник, слегка ментор. Но почему же он так обаятелен!»

Так что не зря Орлова на коленях вымаливала согласие великого актера!..

Александров вспоминал об Орловой: «Она во всех моих начинаниях была не только сурово-беспощадным критиком, но и другом-вдохновителем и неоценимым помощником».

Об одной такой «неоценимой помощи» рассказывает тот же А. Бобровский.

Композитором фильма «Человек человеку» был А. Волконский, потомок знаменитого княжеского рода, бывший эмигрант. Вернувшись в 50-х годах в СССР, он женился на дочери К. Паустовского, сотрудничал с Ю. Любимовым и О. Ефремовым, создал даже ансамбль старинной музыки «Мадригал», потом снова уехал во Францию.

"...Слушание увертюры А. Волконского Александров назначил у себя дома в 11 часов. Поскольку у него не было ничего случайного в поступках, видимо, это время имело какой-то определенный смысл. Волконский уже разложил ноты на пюпитре, приготовился играть, но Александров почему-то тянул с началом исполнения, выходил, входил, отвлекал нас разговорами о пустяках. Наконец он последний раз вернулся и оставил дверь комнаты широко открытой.

– Ну что же, пожалуй, можно послушать, – удобно расположился он в кресле.

Волконский сыграл увертюру, и воцарилась тишина. И тут произошло нечто совершенно ошеломившее нас. Из комнаты, что была напротив, выбежала, громко аплодируя, счастливая и взволнованная Любовь Петровна.

– Bravo! Замечательно! Великолепно! – восклицала она с живостью и непосредственной радостью, протягивая руки Андрею.

Тот стоял красный и смущенный от каскада похвал, которые сыпались на него. Александров же смотрел на Орлову сияющими влюбленными глазами.

– Поздравляю вас! – говорила она. – Поздравляю всех! А вас особенно, Григорий Васильевич, с замечательным композитором!

Столь неожиданное появление кинозвезды из таинственной двери, да еще с комплиментами... «Как странно все это! – думал я. – Что за эффект? Она что стояла и слушала музыку за дверью? А впрочем, конечно! Конечно, все было срежиссировано: и 11 часов, чтобы Орлова могла спокойно завершить свой туалет (недаром он тянул с началом исполнения). И этот ее выход с аплодисментами, означавший признание. Если бы она не вышла, значит музыка не годится. И тогда ничего не подозревавшему композитору было бы предложено написать новый вариант. Здесь умели щадить авторское самолюбие. Но музыка пришлась по вкусу – и вот вам выход! Какая радость и какое облегчение для Александрова! И какие странные эти «великие»!

Остается непонятным: неужели «странные великие» точно так же, путем «подслушки», оценивали музыку сделавшего их в большой степени «великими» И. Дунаевского? И так же, хлопая в ладоши, выскакивала из своего укрытия Орлова, когда ей пришлось по душе «Колыбельная» в «Цирке»? А прежде чем ее послушать, Александров всячески, чтобы Любовь Петровна успела привести себя в порядок, тянул время и отвлекал Дунаевского разговорами о пустяках. Впрочем, 20 лет назад, когда актрисе было «только» 35, такого времени требовалось намного меньше...

68

Вспоминает Ф. Раневская:

«Я оценила глубину Любочкиного сострадания всему живому, когда она рассказывала мне о своем посещении корриды в Мексике. «Вышел бык, и в него полетели бандерильи, впились ему в холку. Мне показалось, что я увидела в его глазах изумление – ведь я же вас не трогаю, за что же вы меня мучаете? Я заплакала от жалости к животному и в ужасе бросилась к выходу, чтобы не видеть восхищенные лица людей, наслаждавшихся страданием ни в чем не повинного животного».

Любочка говорила это со слезами на глазах. И как я ее понимаю!

К замечательному Хемингуэю я отношусь хуже, чем он того заслуживает, за его воспевание корриды».

Однако Раневская не была бы Раневской, если бы одновременно с самыми добрыми словами о «Любочке», которая считала ее своей «феей» в искусстве, не говорила (Г. Скороходову) и такого:

«Орлова, конечно, великолепная актриса. И дисциплинированность ее поражает. Но вот

голос... Когда она поет, кажется, будто кто-то пишет в пустое ведро».

Потом, правда, «Фаиныш», как звала ее Орлова, сожалела об этой шутке. И говорила много другого лестного о своей подруге...

«Вы бы видели ее! От нее исходила... такая дивная прелесть, какую мне уж, поверьте моему слову, просто не приходилось встречать у других актрис. Ни тогда, ни после. А я их много перевидала».

Ф. Раневская.

Но никогда она уже не скажет лучше того, что сказала о своих первых впечатлениях от «Любочки»:

«Вы бы видели ее! От нее исходила... такая дивная прелесть, какую мне, уж поверьте моему слову, просто не приходилось встречать у других актрис. Ни тогда, ни после... А я их много перевидала... Ни у кого не было такой грации, такого легкого веселого шика – своего, природного. Нет-нет, такое не могло пропасть!»

69

Со слов той же Н. Голиковой Д. Щеглов описывает самые счастливые минуты в ее юности, когда Орлова время от времени предлагала ей: «Ну что, займемся разборкой отходов?»

«Из всех шкафов, тумбочек, чемоданов вываливался на пол баснословный Любочкин гардероб (про который та же Раневская сказала: «Шкаф Любове Петровны так забит, что моль, даже если она завелась в нем, не может там ни расти, ни тем более летать». – Ю. С.). Вся эта немислимая гора подвергалась тщательному разбору – примеривалась и обсуждалась каждая вещь в отдельности – это тебе, это тоже тебе, а это, пожалуй, еще мое. Попутно обнаруживались еще старые, чуть ли не двадцатых годов (т. е. сорокалетней давности. – Ю. С.) туалеты, сшитые самой Любочкой: шляпки, узкие юбки, выкроенные по неизменной патронке. Выдвигались предположения и гипотезы, сыпались волнующие сопоставления, проходил час, другой, третий...

Разбирать отходы было интереснее, чем их носить. Примеривать самой и видеть, как это делает Любочка, слушать эти истории, как и что было куплено, следовать за ней по их маршруту Женева – Милан – Рим – Париж Лондон – Нью-Йорк, заходить только в самые дорогие магазины, выслушивать комплименты – и выбирать, выбирать, неторопливо и вдумчиво.

...Мне остается, – признается Д. Щеглов, – только пожалеть, что не могу, хотя бы на время, превратиться в женщину, чтобы «изнутри» написать эту часть главы».

70

...Спустя несколько лет после кончины актрисы Александров расхрибался и опубликовал уникальный, принадлежавший ей документ:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

(действительно без срока)

Полковник административной службы Л. П. Орлова является представителем по делам кинематографии и командирован в город Берлин в войска для выполнения специального задания. Начальникам армий, военным комендантам оказывать полковнику Орловой всяческое содействие в выполнении возложенного на нее задания.

Начальник тыла Народного комиссариата обороны СССР» (с отсутствующей почему-то фамилией. – Ю. С.).

Спустя еще некоторое время «Народная газета», рассказывая о вечере в Доме кино, посвященном 80-летию актрисы, сообщала, что одним из последних на нем выступил генерал КГБ. Все ожидали слов благодарности актрисе за активную военно-шефскую работу, даже, на худой конец, чекистско-шефскую работу, но генерал вдруг сказал:

– Теперь уже можно об этом сказать. Для нас всегда было большой честью, что в наших рядах трудилась такой замечательный товарищ, как полковник административной службы Любовь Петровна Орлова!

«Это был шок...» – чуть не падает в обморок «Народная газета». Остается непонятным, в каком все-таки ведомстве трудилась полковник Орлова: «Удостоверение» ей подписывает начальник тыла армии, а о чести работать с ней говорит генерал КГБ...

71

Неизвестно, когда написано это признание актрисе и жив ли его автор. Если жив, ему приятно будет вспомнить обуревавшие его когда-то страсти:

Мальчишка-школьник полюбил актрису...
смешные, старые, забытые слова.
Но с чувствами контракт уже подписан,
и я его не в силах разорвать.
Я думал, что ты знаешь. Мне казалось,
моя любовь бросается в глаза.
Но нет, она опять со мной осталась.
Ко мне, беззвучная, пришла назад.
Письмо мое сожгли Вы, не читая,
а может, прочитав, сожгли.
Из этих (неразборчиво. – Ю. С.)... не знаю,
но вижу: мною вы пренебрегли.
Вам кажется, что дик я, невоспитан...
У вас друзей вокруг не сосчитать.
Но это ложь, и ею свет пропитан.
Друзей в несчастье нужно обретать.
А этот хор поклонников ретивых,
пустых и полных каламбуров,
случись беда – все, все они покинут,
и Вы одна останетесь средь бурь.
И в шквале непредвиденных несчастий
Вы вспомните, надеюсь, про меня.
Весь мир тогда к вам будет безучастен,
и другом Вам останусь только я!

...И Орлова отобьет на машинке: «Нет Галя, из ваших слов и вашего фото ничего не ясно. Ни хорошего личика, ни умения танцевать еще недостаточно, чтобы стать артисткой».

72

«В конце сороковых, – сообщает М. Кушников, – по дороге в Семипалатинск Орлова с аккомпаниатором крепко застряли в безлюдной местности. Бродя с Мироновым, они наткнулись на небольшое скопище ветхих сарайчиков, где, судя по дымкам, по развешенному белью, жили люди. Было жарко, хотелось пить, и они рискнули постучаться. Дверь открыла женщина, как потом выяснилось немка. Из тех поволжских немцев, которых зимой 42-го года на холод и голод буквально выбросили в степи Средней Азии. Но Любовь Петровна была потрясена не этим (рискованные политические вопросы она и на дух к себе не подпускала – «не нашего ума дело»). Ее поразила убогость жилища и его... чистота. Каждая щелочка вымыта, каждая площадка блестит, каждая тряпица аккуратно свернута и лежит на своем месте. На детях застиранная, залатанная, но аккуратная одежонка. В сарайчике душно, но ничем не пахнет. На обратном пути она напомнила Миронову, какой был дух в богатой казахской юрте, куда их накануне зазвали ужинать.

Вечером в гостинице Семипалатинска Орлова вернулась к этому неожиданному впечатлению: «Вот, Лева, какой урок жизни! Вот так, только так должна содержать себя всякая женщина. В какой бы дыре ты ни оказался, в каком бы дерьме ни плавал, не опускайся, будь красивым. Лопни, а держи фасон!»

73

«Весной 1968 года, – рассказывает в книге об актрисе И. Фролов, – Орлова дала согласие на творческий вечер для студентов Интернационального киноклуба Дома дружбы. Как и было договорено, актриса прибыла минут за 40, сказав, что ей необходимо время для макияжа. И вдруг обнаружила, что забыла дома какой-то крем, очень ей нужный (уж не тот ли, «магический», о котором потом будут слагать легенды? – см. «Небылицы». – Ю. С.). Пока ездили за ним, пока она гримировалась, время шло. И вечер начался с опозданием. Актриса очень переживала, но все кончилось хорошо. Были цветы, аплодисменты, слова признательности. И, уезжая, Любовь Петровна со смущенной улыбкой призналась, что во всем виноват Григорий Васильевич, который должен был сегодня уезжать за рубеж, а в ее священные обязанности входило проверять его вещи и во что он одет, так как были случаи, когда знаменитый режиссер уезжал в ботинках разного цвета. Поэтому мысли ее были заняты только его отъездом. Вот она и забыла злосчастный крем.

Тем не менее по ее глазам было видно: она счастлива, что вечер прошел успешно и, пожалуй, еще больше оттого, что у нее есть человек, о котором нужно так заботиться.

...Александровские туфли, вернее, коробка от них, фигурировали и в другой истории, рассказанной актрисой Театра им. Моссовета и тогдашним секретарем его парторганизации Л. Шапошниковой:

«В конце 62-го года мы собрались на целину со спектаклем «Миллион за улыбку». Встретив меня, Любовь Петровна спросила:

- Милочка, я слышала, вы едете на целину.
- Да, готовимся.
- Но там же сейчас наверняка холодно.
- Не знаю.
- А сколько человек едет?
- Около десяти.
- А когда вы будете в театре? Я хотела бы вас повидать.

Легко, изящно, грациозно
На сцену вышла не спеша
Она. Приветливо серьезна,
Величественно хороша.

Зрители.

Мы договорились. Прихожу в театр, а она меня уже ждет. И рядом на столе большая коробка из-под туфель. Причем туфель не ее, а явно Григория Васильевича. Такая большая коробка. «Это вам в дорогу», – говорит она. «А что там?» – «Разные лекарства. Мало ли что может быть. Неизвестно, какая там еда, какая будет погода. Мы это подобрали на Сивцевом Вражке (там была закрытая ведомственная аптека. – Ю. С.). Здесь вы найдете все, что может пригодиться как скорая помощь».

...О непростых условиях на целине Орлова знала не понаслышке. Причем о настоящей целине, когда она только «поднималась» и когда этим «подъемом» вдохновенно, как говорят, руководил тогдашний 2-й секретарь компартии Казахстана Л. Брежнев. Который написал в «Целине», как он выделил свой личный самолет для Л. Орловой, Н. Крючкова и М. Ладыниной, без усталости мотавшихся с концертами из одного целинного района в

другой...

74

Тот же А. Бобровский рассказывает, что во время первого посещения им Александра все время, пока хозяин собирался ехать с ним на студию, бывшая дома Орлова так и не появилась.

«Но я затылком чувствовал, что она здесь, за другой дверью и стеной, и слышит нас. Григорий Васильевич посмотрел на меня, потом на ту дверь и взял со стола желтый портфель.

– Ну, мы поехали! – произнес он негромко, но так, что за дверью его фраза наверняка была услышана. Казалось, мгновение – дверь откроется, и Любовь Петровна выйдет попрощаться. Но ответом была тишина, и мы вышли к лифту.

...Справедливости ради надо сказать, что мне посчастливилось лицезреть «звезду» сразу, с первого же захода к Александрову.

Перед этим во вгиковской библиотеке я наткнулся на первый, 54-го года, и самый, пожалуй, удачный (будь он снят тогда, а не пять лет спустя!) сценарный вариант «Русского сувенира». Одной его сценой, самой, может, фантазмагорической, я буквально «заболел».

...Заснувшим в русской избе американцу Скотту и англичанину Пиблсу снятся ужасные последствия третьей мировой войны. На опустошенной Земле остались только два, снова первобытных, в шкурах и с дубинками, существа те же Скотт и Пиблс. Они вдруг замечают третьи выжившие создание, обезьяну, сталкиваются в смертельной схватке за «даму»... и просыпаются, дубася друг друга в кровати.

...Что уж я там «нафонтировал» по этому поводу, не помню, но несколько строк александровского «апокалипсиса» превратились у меня чуть ли не в десять страниц до абсурда смешного, как мне казалось, действия.

Я оставил их в почтовом ящике режиссера на улице Немировича и попросил посмотреть, лелея надежду попасть на практику на тот же «Сувенир», если маэстро убедится, что склад моего мышления близок его собственному и даже способен «развить» его. Условия практики, кстати, вовсе не требовали этого, но мне, 19-летнему, казалось, что только такое «единение душ» дает мне право работы у «самого» Александра.

Через несколько дней режиссер-небожитель, каким он мне тогда казался, пригласил меня для разговора. В его середине в дверях кабинета появилась... она.

– ...Это тот Юра?

Однако в кабинет не вошла, представляя возможность любоваться собой на расстоянии. Я понял, что мой опус актриса прочла, но по ее тону не мог догадаться, позабавил он ее или напугал.

...Вопрос о моей практике в тот день был решен, но, к сожалению, не на «Русском сувенире», эпизод которого я так самоуверенно, без всякой на то просьбы Александра, препарировал, а на подготовительном к нему фильме-эксперименте «Человек человеку»

...А. Бобровскому довелось увидеть Орлову позднее, на даче во Внукове, когда работа над «Человек человеку» близилась к концу.

– Неужели у вас все идет так блестяще? – сделала актриса вид, что не поверила его рассказу о фильме. – Неужели все так гладко?

«И она с любопытством поглядывала на меня.

– Как вам сказать... – Я повернулся в сторону Александра. – Пожалуй, только... единственное затруднение...

– Какое?

Они переглянулись и уставились на меня. Мне стало неловко, но отступить было поздно:

– Отсутствие сценария.

Мне показалось, что они облегченно вздохнули».

Своеобразный, если не сказать, «черный» юмор, здесь в следующем. То, что больше всего беспокоило, даже лихорадило и группу, и студию, и главк, не знавший даже, какие деньги выделять на картину, для Александра было пустяком, о котором не стоило и говорить.

– Григорий Васильевич пишет сценарий, но еще не закончил, – сказала Орлова.

– Работа идет параллельно, – мягко пояснил Александров (то есть к концу работы над фильмом – завершение его сценария! Случай, единственный в практике тогдашнего кинематографа. – Ю. С.)

Чтобы не выглядеть назойливым, я кивнул и больше не возвращался к этому разговору. Ясно одно: у них была причина не говорить на эту тему больше того, что они сказали.

– Любовь Петровна, – перевел я тему. – Я хотел выразить вам свой восторг. Мне посчастливилось видеть вас в спектакле (в «Лиззи Мак-Кей», видимо. – Ю. С.). Я до сих пор под впечатлением от вашей игры.

– Благодарю вас, – с обычной изящной простотой ответила она и чуть вздохнула. – Я месяц не играла в этом спектакле из-за болезни. Сейчас чувствую себя хорошо, но было худо некоторое время. – Она грустно посмотрела на Александрова, потом обратилась ко мне: – И знаете, сколько мне заплатили по больничному листу?

– Сколько?

– Триста тридцать четыре рубля и... – она сделала паузу – ...сорок семь копеек (после реформы 1961 года это было бы 33 с половиной рубля! – Ю. С.)

– Не может быть!

– Увы, но факт! – сказал Александров.

Вряд ли они шутили.

– Так у нас ценят первых актеров в стране! – возмутился я.

И так, добавим, могли осуждать их (см «Советское искусство» от 1938 г.), когда они хотели получить то, чего действительно стоили.

75

«В 1946 году, – рассказывает М. Кушников, – Л. Орлова впервые одна махнула в Париж. В аэропорту французской столицы она вдруг увидела, что все парижанки в более длинных юбках, чем у нее. А машина уже наготове, в гостинице ждут журналисты, фотографы.

Актриса пошла в туалет, быстро отпустила юбку на несколько сантиметров, аккуратно все зацепила безопасными булавками (без них ни в какие дальние вояжи она не отправлялась), накинула мех и вышла к машине.

На фоне собора Парижской Богоматери.

Однако, попав в гостиницу и присмотревшись к парижанкам, она увидела, что поторопилась. Молодые, хорошо одетые дамы носили юбки даже более короткие, чем та, в которой она прилетела из Москвы. Тут же, в номере, она вытщила ножницы (без них тоже никуда), опытной рукой обрезала юбку, наметала, подшила и таким образом привела свой вид в полное соответствие с последней парижской модой. Как и должно быть у настоящей, тем более советской, «звезды».

76

...Два забавных эпизода можно прочесть в «лоскутных» дневниках у В. Катаняна.

...В Москву приехал на 450-е, с участием Орловой, представление своей пьесы «Лиззи Мак-Кей» Жан-Поль Сартр.

В связи с этим В. Катанян снял сюжет для «Новостей дня»: Сартр на спектакле и репетиции последнего с участием Орловой. На съемку примчался Александров и лично проследил, как, с каким светом снимают супругу. Чуть ли не собственноручно двигая приборы, помогал его установить. Потом взял у Катаняна телефон и попросил непременно показать ему материал, прежде чем тот увидит экран...

Жан-Поль Сартр доволен советской «респектабельной проституткой», даже назвал Орлову лучшей из всех виденных им Лиззи Мак-Кей на сцене и на экране.

Через несколько лет для своего фильма об С. Эйзенштейне Катанян снимал интервью с Александровым на внуковской даче.

После съемки Л. Орлова угощала его вкуснейшими, собственной выпечки пирожками.

– Как вчера прошел концерт? – поинтересовался Александров у супруги. Что вы пели,

Любовь Петровна?

– Как всегда – романсы и, конечно, классику.

«Что бы она такое могла петь из «классики»? – подумал Катанян. «Гадание» Марфы», арию Далилы?»

Когда он спросил об этом Орлову, та, как о само собой разумевшемся, сказала:

– «Диги-диги-ду».

«Ну да, – понял Катанян, – классика у каждого своя».

77

Артист Театра им. Моссовета Г. Бортников пользовался особой симпатией и покровительством Орловой.

На каком-то вечере в театре Орлова, как молодая, отплясывала с ним рок-н-ролл. В один прекрасный момент Бортников вспомнил, что артистке уже далеко за 60, и предложил ей передохнуть.

– Ах, так! – И она демонстративно оставила партнера одного.

Их стали просить продолжить.

– Я бы с удовольствием, – усмехнулась актриса, – да Гена устал...

Во время гастролей в Югославии артисты ведущего советского театра были приглашены на прием к И. Тито. Однако маршал заставил себя ждать, и Орлова, одна из всех не побоявшаяся дотронуться до чего-нибудь на богато сервированном столе, показала Бортникову на бутылку:

– Гена, плесните мне немного коньяка.

Тот не посмел послушаться народной артистки, и сербы, наблюдавшие за церемонией ожидания, сделали по поводу такой вольности замечание.

Любовь! Как с именем искусство
Порой сливается в одно!
Особо радостное чувство
Рабом его нам быть дано...

Из письма актрисе.

– Да вы знаете, с кем вы говорите? – вступился Бортников. – Это наша великая актриса!

Однако церемониймейстеры Тито не знали, видимо, рангов приглашенных. Это уже всерьез задело ту, о которой шла речь, и она сказала Бортникову:

– А давайте, Гена, встретим маршала в танце!

Что они и сделали, не вызвав, между прочим, у появившегося вскоре югославского лидера особых недоумений, во всяком случае, внешних.

...Гастроли еще в одной, уже «братской» стране. Опять банкет, и опять ждут президента. Охрана теснит так, что Бортникову снова приходится вступаться:

– Вы что, не видите? Это великая Орлова! Помните: «Я из пушки в небо уйду!»

– Где пушка?! – кричат испуганные президентские охранники и теснят еще сильнее...

78

«Если что не так, – замечает М. Кушников еще одну черту за обожаемой им Любовью Петровной, – никаких компромиссов. Однажды она села в машину – надо было ехать на выступление в район. Шофер обернулся к ней и весело спросил: «Ну что, вперед, к победе?» Она моментально учуяла запах водки, открыла дверцу и вышла. «Я с вами не поеду. Вы

пьяны». Повернулась – и в номер. Администратор в панике, стучится к ней: «Вы что? Вы что это? Там же публика, там же начальство... Вы подумайте, что будет?!» Она ему спокойно: «Ничего не будет. Вы достанете другую машину, и мы поедем».

...Конечно, «достали» и «поехали». И не в Рыбинск ли, после концерта в котором «Рыбинская правда» откровенно признавала:

«Звучит мелодия «Вальса» Чайковского. Но что греха таить, сегодня она воспринимается холоднее, чем обычно (это у виртуоза-то А. Миронова! – Ю. С.) Секрет прост: через несколько минут на сцену выйдет любимая всеми киноактриса Любовь Орлова!»

И это в 1961-м!

79

Во время одного из Московских кинофестивалей Александров, будучи, плюс ко всем своим 26, как он сам подсчитал на досуге, общественным обязанностям, еще и председателем общества «СССР – Италия», пригласил Ф. Феллини и его супругу Дж. Мазину к себе во Внуково. И всю дорогу скулил по поводу плохой погоды в этот день: с утра зарядил дождь, и гости не смогут сполна насладиться внуковским очарованием.

Однако, когда на крыльце появилась Л. Орлова, Феллини воскликнул:

– Кто сказал, что погода плохая? Вот и солнышко!

Своеобразным образом ситуация повторилась, когда Александров умыкнул во Внуково прямо с ее единственного концерта в Москве свою «подружку», как он ее называл, Марлен Дитрих.

– А вот, кстати, и Любовь Петровна! – сказал он тогда, хотя к такому «кстати» Орлова, как и к приезду Феллини, готовилась чуть ли не полдня...

...И еще по поводу обилия общественных нагрузок у Александрова. Когда такая же активная в этом плане Л. Смирнова спросила Орлову, почему она не проявляет себя на таком благородном поприще, та отшутилась так же, как от бестактного вопроса авиаконструктора Микулина о своей бездетности:

Л. Орлова и Г. Александров направляются на конкурсный просмотр фильма Ф. Феллини «8 1/2» на Московском кинофестивале.

– Что вы, Лидочка! У моего Гриши столько этих общественных нагрузок, что их с лихвой хватит на нас обоих.

80

Однажды перед выходом на сцену Орлову встретила чья-то собачка, и актриса, как всегда, приласкала животное, не предвидя, в какой конфуз эта собачка ее введет.

...На концерте она пела романс М. Глинки:

Когда в час веселый откроешь ты губки
и мне ты воркуешь нежнее голубки,
я с трепетом внемлю, я весь вне себя.
Боюсь проронить хоть единое слово,
молчу, не желая блаженства иного.
Все слушал бы, слушал и слушал тебя,
все слушал бы, слушал и слушал тебя!

И тут актриса слышит дружный смех зала: все, кроме нее, замечают рядом с кулисами ту самую собачку, которую повстречала Орлова. Встав на задние лапы она действительно внимательно «слушает».

Орлова, не понимая в чем дело, оправляет платье. Аккомпаниатор Миронов щупает бабочку: не съехала ли? Но когда певица снова в конце куплета повторяет «Все слушал бы, слушал и слушал тебя!» – в зале смех еще громче: собачка свешивает голову на другую сторону и «слушает» еще внимательнее.

Только тут, посмотрев вокруг себя, Орлова, замечает «причину» смеха. Она идет к собачке, относит ее за кулисы, возвращается и допекает Глинку.

На следующий день уборщица театра, хозяйка «слушающей собачки», призналась Орловой: «Меня увольняют за вчерашнее». Актриса немедленно отправилась к коменданту и попросила не делать этого.

81

На этот раз собачка стала лишь причиной смеха. А при встрече с другими собаками, симферопольскими, актрисе было уже не до смеха.

Прогуливаясь вечером недалеко от гостиницы, пишет Кушников, она увидела за оградой удивительно красивый палисадник. Любовь Петровна всегда питала слабость к цветам, особенно к розам, а здесь они были на загляденье. В глубине маячил большой деревянный дом, но калитка была открыта, и Любовь Петровна рискнула зайти – полюбоваться поближе. Не успела сделать и пяти шагов, как навстречу ей выскочили две огромные кавказские овчарки. Любовь Петровна не меньше роз обожала собак и умела их успокаивать и голосом и взглядом. Собаки неохотно притормозили и стали кружить рядом как бы в беспокойном размышлении. Размышляла и Любовь Петровна, не решаясь начать отступление. И вдруг из дома к ней устремились с криками несколько женщин в белых халатах. Оказалось, что актриса ненароком зашла на территорию дома умалишенных, где собаки были натасканы кусать и рвать любого постороннего.

...И, чтобы уж покончить с «собачьей» темой, еще несколько слов. Слабость Орловой и Александрова к собакам, особенно к злым, готовым, как симферопольские за умалишенных, порвать всех, кто позарится на их внуковские богатства, преподносят теперь как нечто предосудительное, как некую блажь «избранных»: «Они очень полюбили злых собак-овчарок. Овчарки охраняли их внуковскую дачу».

А между тем первую, еще довоенную, свою собаку со странной, наводящей ужас на гостей кличкой Раздень Орлова и Александров в первые же дни войны отдали в армию. И вскоре получили «благодарность» за своего Разденя, который, соответственно обученный, – предварительно ему, бедному, клали под гусеницы танка кусок мяса – бесстрашно, обвешанный связкой гранат, бросился под вражескую машину...

82

В сентябре 1963 года внуковскую – на территории в 1 гектар! – «дачку» Орловой и Александрова посетил их давний знакомый, ставший недавно министром кино А. Романов.

– У нас нынче был уже легкий заморозок, – встретила его Орлова.

– Надеюсь, не творческий заморозок, – пошутил министр.

– Нет, конечно. Творческих заморозков мы не испытываем, хотя их время как будто и пришло.

Когда втроем они расположились у уютно горящего камина, Орлова продолжила:

– Главное, видимо, в том, что время стало другим, музыкальная комедия должна быть иной, отвечающей духу времени, новой по содержанию и форме.

– А новое – это хорошо забытое старое, – с улыбкой, показавшейся Романову очень грустной, заметил Александров.

– Вы слышите, что он говорит! – словно продолжила Орлова давний спор с мужем. – Вот как верен Григорий Васильевич нашим успехам в кино. Он сейчас ищет тему для нового музыкального фильма, уговаривает меня, а я после «Русского сувенира» сомневаюсь – дело не только в теме. Вы, вероятно, видели комедии Рязанова «Карнавальная ночь» и «Гусарская баллада», а также «Неподдающиеся» и «Девчата» Чулюкина, на худой конец – «Черноморочку» Коренева. Там тоже поют и танцуют, но сопоставимы ли эти фильмы с музыкальными комедиями 30-х годов? Вы, вижу, не очень твердо говорите «нет». Значит, у моих сомнений есть основания. Попытки повторить приемы прошлого в «Русском сувенире» нам явно не удалось. Следовательно, надо искать.

(О первой реакции Орловой на впервые увиденный ею «Русский сувенир» хрестоматийно известно:

– Нет, тут что-то не то, – растерянно сказала она. – Что ни кадр пустота... А у меня... одни перепевы самой себя. Ужасно! Словно только тем и занимаюсь, что пытаюсь повторить старые приемы, но ничего уже не получается. – Ю. С.)

– Я уже говорил Любове Петровне, – вмешивается Александров в разговор, что мы делали когда-то не только удачные музыкальные комедии. Были у нас и после войны достойные вещи. И теперь, думается, можно было бы обратиться не только к излюбленному нами жанру комедии, а скажем, если не к детективу, то к приключенческому жанру. Мы могли бы создать увлекательнейший фильм о наших разведчиках. Сознаюсь, кое-какие материалы я уже раздобыл. У меня есть даже их клички – Скворец и Лира. И разве Любовь Петровна не смогла бы сыграть роль смелой советской разведчицы? Разве не были ее творческой удачей, разве не отличались драматической глубиной исполненные ею отнюдь не в комедиях роли Ксении в «Ошибке инженера Кочина», танцовщицы Паулы Менотти в «Деле Артамоновых» или, наконец, американской ведьмы Джанет Шервуд во «Встрече на Эльбе»?

– Все это хорошо, – перебила супруга Орлова, – но это не заглушает моих сомнений. Согласитесь, Григорий Васильевич, что реально существуют и некоторые другие, весьма серьезные причины, почему нам в последние годы не везет в кино.

– Но какие, позвольте вас спросить, причины? – уже с явным раздражением подбросил Александров поленья в камин. – Что же это за причины такие, которые мешают актрисе исполнить предлагаемую ей роль, да к тому же написанную для нее специально?

– Есть одна такая, и притом весьма веская причина, – как-то очень спокойно, глядя в камин, сказала Любовь Петровна. – Это возраст. Я до сих пор помню не очень тактичную похвалу тому, как я выгляжу в «Русском сувенире», которая содержалась в газете «Ферганская правда», кажется.

Любовь Петровна подошла к письменному столу справа от камина и извлекла небольшой альбом в сафьяновом переплете (вся пресса во Внукове читалась и складывалась для будущего исчезнувшего на помойках архива. – Ю. С.).

– Да, именно в этой газете, я не ошиблась. Вот что она писала, пытаясь выдать свое сочувствие мне за похвалу. Слушайте: «Мастерство ее перевоплощения всегда пленяло публику». Ну, допустим, что это так, а дальше: «С годами не померк, не состарился талант выдающейся советской артистки». В том-то и дело, что и «состарился» и «померк». Я же живой человек и понимаю, что хотел сказать рецензент: 60 лет – это не 30... То, что еще проходит в театре, в кино не пройдет.

(Актриса не подозревала, что именно в это время, в сентябре 63-го, калужская газета «Знамя» писала о ее концерте в Обнинске то же самое: «Годы наложили на знакомое лицо свой отпечаток, но она, как и прежде, порадовала зрителей своим нестареющим искусством». – Ю. С.)

Она замолчала и несколько минут сидела молча. Ее одолевали мучительные раздумья, в ней боролось желание сняться в фильме, задуманном Григорием Васильевичем, и понимание несоответствия своего возраста возрасту героини.

– Я думаю, – сказала она мужу, – что годы у нас уже не те, когда актриса легко входит в кадр. Взгляните на мои руки! (Опять эти руки, искалеченные тасканием по морозу уже упомянутых бидонов с молоком в голодные 20-е! – Ю. С.) Если, Григорий Васильевич, вы предложите мне роль 20-летней разведчицы и я возьмусь за нее, то вам же придется снимать крупным планом не мои руки, а чьи-то другие, молодые. Отсюда и идут мои сомнения...

«До сих пор, – признается Романов 25 лет спустя, – я ношу в душе очень сложное, поначалу просто тревожившее меня воспоминание об этом ответственной разговоре возле камина. Мне показалось тогда, что настойчивость Григория Васильевича в конце концов может побороть сомнения Любове Петровны. Так, в сущности, и случилось. Мне захотелось тогда сказать это моим друзьям, ответить откровенностью на откровенность, только, как говорят в таких случаях, «пороху не хватило».

...Не в душе надо было носить свои сомнения, а тогда же, у внуковского камина, говорить все, что думаешь по этому поводу. Что же ты за министр такой, если не можешь остановить

явное безумие двух своих, хоть и знаменитых, подчиненных. Тем более что один из них сам в этом глубоко сомневается. Впрочем, помогла ли бы тогда министерская откровенность?..

83

Спустя 10 лет, когда самое страшное уже произошло и снятые все-таки «Скворец и Лира» легли на полку, А. Романов, продолжающий, наверное, мучиться по этому поводу угрызениями совести, отправился со своими друзьями посмотреть на шумевший, со Смоктуновским, спектакль Б. Равенских «Царь Федор Иоаннович» в Малом театре. Потом все трое зашли к его постановщику. После обязательных восторгов от увиденного Орлова мягко заметила:

– Судя по всему, дорогой Борис Иванович, вам очень хотелось преодолеть традиционную трактовку трагедии Толстого. Право же, весь спектакль, от начала до конца, пронизан этим стремлением.

Ученые мужи П. Капица (слева) и А. Иоффе с великой кинозвездой.

– И в этой связи, – добавил Григорий Васильевич, – вас, судя по всему, меньше всего волновала история...

– Да! Конечно, да! – горячо откликнулся Равенских. – Меня интересовал прежде всего человек. Его духовная структура, сильные и слабые стороны его характера, отношения с людьми, его окружающими. Как, скажем, вас в «Весне» интересовало, видимо, не то, сколь модными стали у нас увлечения открытиями в науке, а отношение вашей героини к этим открытиям, ее характер серьезной ученой и прелестной женщины, не так ли?

«Скажу сразу, – признается Романов, – эта реплика Бориса Ивановича показалась мне не очень удачной. Вполне понятно, что она вызвала возражение Любови Петровны».

– Вы забыли, – сказала она, – что я играла советскую ученую, и мне в ее образе важно было передать то, что отличает советскую женщину-ученого от советской женщины, не имеющей отношения к науке.

– Равным образом и в характеристике актрисы, – добавил Григорий Васильевич, – мы стремились показать главным образом ее внутренние духовные особенности...

«Какие, интересно?» – вспомнил, наверное, Равенских не очень, прямо скажем, выразительную опереточную актрису Шатрову и откровенно рассмеялся:

– Вы говорите все это так, словно мы с вами встречаемся впервые.

– Дорогой Борис Иванович, – сказала Любовь Петровна после минутной паузы. – Неужели вы тем не менее не замечаете, что одно дело – мои довоенные роли, за которые я была награждена критикой ярлыком «лирико-комедийной» актрисы, и совсем другое – мои роли в послевоенных фильмах и спектаклях?

– Однако об условиях, в которых действуют ваши героини, вы не забывали никогда. Даже в «Милом лжеце», не так ли? – поспешил заметить Равенских.

В общем, не получилась эта последняя, видимо, беседа выдающихся режиссеров и актрисы. Во всяком случае, в изложении профессионального журналиста А. Романова...

84

Спустя почти 30 лет после войны, когда это произошло, вспомнили и такой красивый эпизод из жизни актрисы.

...После одного из особенно удачных выступлений маленькой Любочки в доме Ф. Шаляпина на Новинском бульваре восхищенный певец поднял девочку высоко над собой и сказал:

– Помяни мое слово, Любаша – быть тебе ба-а-льшой артисткой!

Ободренная шалыпинской похвалой, Любочка подбежала к матери:

– Мама, я буду ба-а-льшой артисткой и буду возить тебя в ба-а-льшой карете!

...Спустя 30 лет, когда Орлова оказалась во время войны в Баку, она решила перевезти туда эвакуированную ранее в Уфу мать.

Когда Евгению Николаевну под присмотром специально командированного для этого аккомпаниатора актрисы Миронова доставили из Уфы на самолете, она впервые, на восьмом

десятке, воспользовавшаяся воздушным транспортом, сказала:

– Ну вот и сдержала Любаша свое слово: прокатила меня в ба-а-льшой карете!

85

Уморительно описывает Д.Щеглов следующий эпизод.

«Раневская подолгу и со вкусом враждовала с администрацией Театра Моссовета, вела затяжные войны на чужой территории, – войны, надо сказать, не слишком спланированные и совсем не прибыльные для той сверхдержавы, которую она представляла в единственном числе. Одну из таких кампаний она проводила на стратегически важном для нее направлении во время гастролей театра. Кампания была летняя. Изнуренная неустройствами быта и духотой, Раневская вдруг заявила, что не выйдет на сцену, пока это «ничтожество» очередной враг-распорядитель – собственноручно не поставит ей клизму... Даже учитывая изобретательность Фаины Георгиевны, это было внове, это было сильно. До спектакля оставалась пара часов. Бледный от ужаса администратор заявил, что скорее удавится, чем совершит подобное действие. Отправившаяся на переговоры дирекция через несколько минут вышла из номера с тусклыми лицами.

«Люблю грозу в начале мая», и в декабре люблю «Весну».

Ф. Раневская Фея.

Положение становилось аховым. Вот тогда-то и послали за Орловой. Вошедшая нашла Раневскую в состоянии крайней несговорчивости. Состоялся обмен мнениями. Стороны пришли к обоюдному согласию, что администрация первейший враг артиста. Ни о каком спектакле, однако, речи быть не могло. Фаина Георгиевна продолжала настаивать на своих клистирных условиях.

– Фуфочка, ну хотите, я сама вам ее поставлю? – деловито предложила Орлова.

Эстетическое чувство Раневской, видимо, до такой степени возмутилось самой возможностью участия Любочки в подобной сцене, что ультиматум был незамедлительно снят. А Орлова спокойно, никому ничего не объясняя, отправилась к себе в номер».

Принципиальность Фуфочки с клизмой станет понятнее, если учесть, что с людьми, которых она любила, Раневская могла переносить любые невзгоды.

«Эту картину, – вспоминала она о «Весне», – надо бы назвать «Весна в Антарктиде»: такой собачий холод стоял в павильоне, пока не зажигали приборы, которые хоть как-то согревали».

Поэтому в новогодней открытке, посланной Орловой и Александрову, Раневская написала: «Люблю грозу в начале мая и в декабре люблю «Весну». И еще: «Любочке и Гришеньке – с нежной любовью. Ф. Раневская – Фея».

С годами, правда, – и в этом вся Раневская! – Гришенька оказался «бездарью», сидящей на шее Любочки, а последняя – «типичной буржуазкой, с соответствующими интересами вокруг дома, тряпья, косметики...» (И то и другое со слов Г. Скороходова. – Ю. С.)

86

Готовя на телевидении фильм об И. Козловском к его 80-летию, я предложил певцу поначалу совершенно эксцентричный прием. Пусть в ролях его очаровательных оперных партнерш – под запись, конечно, – выступят самые известные тогда артистки театра и кино: Ю. Борисова, Т. Доронина, Л. Максакова и еще как минимум 10 «примадонн». Неожиданно для меня все они оказались согласны на «дуэты» с Иваном Семеновичем. Не захотел только сам юбиляр. «Единственная, кого бы я мог представить такой партнершей, была бы Любочка Орлова», – сказал он. И пожалел, что не были записаны романсы и песни, которые он любил с ней исполнять.

– Было такое! – с восторгом подтвердили мне их современники, запомнившие пение Орловой и Козловского в ресторане «Метрополь», при обожаемых певцом свечах, романса «Я встретил вас...»

В «связке» с Орловой Козловского вспоминают и теперь. «Она не была сексуальной, –

пишут об актрисе, – но обладала очарованием женщин, про которых Козловский говорил «Поди сюда!».

Однако это пикантное выражение не принадлежит великому тенору. За много лет до него артистка Ю. Глизер, жена М. Штрауха и коллега Александрова по театру «Пролеткульта», охарактеризовала возлюбленную последнего, очаровательную артистку Верочку Янукову, тем же неотразимым «Поди сюда!» Так что Александров дважды, можно сказать, оказался жертвой столь жгучего призыва, и «Поди сюда!» – не выдумка знатока женщин Козловского.

Зато ему принадлежит ставшее почти хрестоматийным сравнение орловской улыбки со светом. Когда актриса появилась на приеме у писателя Алексея Толстого, Козловский сказал:

– Теперь, пожалуй, можно тушить все свечи: улыбка Орловой способна осветить этот зал. А залы у Алексея Николаевича Толстого были, видимо, немалые...

87

«Гриша был гений, – пишет Щеглов о том, кем представляла Орлова своего мужа, – и в этом незыблемом, как кремлевская стена, и не обсуждаемом, как постановления съездов, статусе являлся беззащитно-открытым хитросплетениям быта – каким бы налаженным он ни был. Легенда тщательно поддерживалась самой Орловой – в сущности, она была ее единственным автором; считалось, что Гриша ничего не умеет и не может. А главное – ничего и не должен уметь и мочь, кроме как снимать свои гениальные фильмы и любить ее, Любочку.

...Однажды, уезжая на концерты, она вызвала внучатую племянницу, чтобы возложить на нее заботы об остающемся в одиночестве Грише. Проведенный инструктаж отличался подробностью, способной повредить даже самую крепкую нервную систему. В очень беглом переложении он сводился к тому, что разбудить патриарха советской кинематографии следовало ровно в 8.45, ни минутой позже. Ровно через двадцать минут в гостиную должны быть поданы кофе и яичница с помидорами, причем особым образом регламентировалось количество помидорных ломтиков и некоторых сопутствующих добавок. Само собой разумеется, что изделие должно жариться строго определенное время тут, вероятно, счет пошел уже на секунды. Интервалы между снятием блюда с плиты, подачей на стол и началом употребления оторвавшимся от важных дел мастером тщательно прописывались на особом листке, равно как и хронометраж ужина (к обеду вызывалось какое-то дополнительное лицо, более искушенное в кулинарно-хозяйственных вопросах).

...Тем не менее Орлова уехала в самом мрачном и растерянном состоянии.

Весь вечер племянница тревожно репетировала утренние приготовления заводила и звенела элегантно немецким будильником, сверялась с записями актрисы и в конце концов в изнеможении уснула на диване в гостиной.

...Майским утром ее разбудил голос режиссера:

– Машенька, вставайте! Завтрак уже готов.

На часах была четверть одиннадцатого.

Никто никуда не торопился.

Яичница с нерегламентированным количеством помидорных кружочков, кофе и обжаренный в томате хлеб (я забыл про эту деталь) аппетитно дожидались на столе.

– Только не рассказывайте Любочке! – умоляла за завтраком племянница, и, судя по тому, что никакой реакции потом не последовало, данное обещание было выполнено».

88

Авторша этого стихотворения явно имела отношение к тому, что психиатры называли тогда «синдромом Орловой»:

Люблю тебя зимой и летом,
но разве я тут виновата?
К тебе звоню, тебя уж нету,
уже уехала куда-то.

Бывает, что не позовут,
а свет в окне твоём играет.
Весь вечер чертики скребут,
и в сердце драма нарастает.

«Драма нарастала» у одной из тех, видимо, которые, преследуя актрису своею любовью, даже снимали жильё во Внукове и как бы невзначай сталкивались с ней на дачных тропинках. Иногда даже восторженно кричали: «Мама! Я знала – мама!» Лишь бы отделаться от дочерей-самозванок, Орлова не жалела и денег...

В своей любви я так пригрелась,
с ней не расстанусь никогда.
Вот с телефоном извертелась,
что даже снятся провода.
Писать кончаю. Так тоскую!!!
Тоскую по тебе, единой.
Тебя я крепко так целую
и остаюсь твоею Ниной!

Уж не та ли это «Нина», о которой, со слов той же Н. Голиковой, пишет Д. Щеглов. Которая позвонила ей спустя два года после смерти своего кумира, в день 75-летия актрисы, и заговорила от лица «Любочки»:

– Здравствуй, я так соскучилась по тебе (помните: «Тоскую по тебе, единой!» – Ю. С.) и хочу тебе спеть.

Раздался какой-то треск, затем в глубине заиграл рояль, и «Орлова» запела – звучно и сильно – «Широка страна моя родная...» Через несколько минут голос в трубке трансформировался в нечто среднее между «Любочкиной» звонкостью и чеканностью Левитана: «Сегодня исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения народной артистки Советского Союза Любови Петровны Орловой. Прошу почтить ее память минутой молчания...»

В наступившей вслед тишине Нонна Юрьевна (Голикова. – Ю. С.) опустила трубку. Звонок из прошлого с поправкой на помутившийся рассудок: эта преследовавшая Орлову и при жизни поклонница пыталась свидетельствовать, что душа актрисы окончательно поселилась в ее брэнном, то и дело заточаемом во всевозможные больницы, теле. «Переселение» стало делом всей жизни этой несчастной женщины, музыкально одаренной, являвшейся, кроме того, первоклассным имитатором, правда, лишь одного голоса – голоса своего кумира».

Звонила она и через пять лет, когда «переселившейся» в нее Орловой исполнилось 80. И это, кажется, был последний «Любочкин» звонок...

89

Вспоминает одна из последних по времени подруг Орловой, ленинградка А.Сараева-Бондарь:

«Интерес лично к себе, «любопытствующее разглядывание» Орлова пресекала решительно.

– Скажите, вы – Орлова?

Ох, и не любила она, когда ее так узнавали. И сжимала мою руку.

– Нет, – отвечаю я, – Орлова – это я, а Наталья Павловна так похожа на Орлову, что композитор Дунаевский написал для нее однажды песню Аниюты.

Ничего не понявшая дама отскакивает от нас, а мы еле сдерживаем смех.

...Смотрим в БДТ «Правду, ничего, кроме правды!» Неподалеку от нас в публике – ведущий, Кирилл Лавров.

– Смотри, – шепчет Любовь Петровна – Мартынов шестидесятых, рыцарь советского образа. Хороший облик, человеческий.

– А артист? – спрашиваю я.

– Ну, думаю, что он еще на своих творческих качелях не раскачался, но раскачается. Была бы помоложе, сыграла бы с ним...

В антракте ее приглашают за кулисы. Роль гостеприимного хозяина поручена В. Стржельчику.

– Все знают, Любовь Петровна, что вы у нас сегодня в театре. Ну как?

– Правду, ничего, кроме правды? – смеется Орлова. – Удивительно честно и правдиво звучит спектакль.

Ее просят оставить свой автограф на приспособленном для этого потолке гримуборной С. Юрского. Любовь Петровна, встав на стул, расписывается и спрашивает, как выбраться на крышу.

– ???

– Чтобы на трубе, на самом высоком месте, расписаться в честь режиссера (Г. Товстоногова. – Ю. С.)!

90

Единственную так и не осуществленную попытку Орловой «уйти» от Александрова описывает Д. Щеглов:

«В тот день в квартире племянницы Орловой Нонны Сергеевны раздался звонок в дверь. На пороге стояла Любочка. То, что она приехала не на своей машине, было странным, то, что явилась без телефонного звонка – странным вдвойне.

Веселая суэта и сетования, что знали бы – приготовили бы к ее приходу что-нибудь на стол – сменились повальным весельем.

– Я к вам навсегда. Сегодня я ушла от Гриши.

Шутка была особенно удачной, если учесть, что при Орловой находился вместительный чемодан.

– Я ему сказала: до тех пор, пока он не напишет новый сценарий (сценарий «Скворца и Лиры» Александров сочинял даже на год больше, чем «Русского сувенира», – семь лет! – Ю. С.), ноги моей в доме не будет!

Буквально через пять минут раздался звонок.

– Если это он, я трубку не возьму!

Пришлось подойти внучатой племяннице.

В трубке слышались знакомые воркующие интонации:

– Машенька? Добрый день. Любушка у вас?

– Да, Григорий Васильевич.

– Пригласите ее, пожалуйста.

– Она не хочет брать трубку, Григорий Васильевич.

– Да? Почему же?

– Потому что вы не написали сценарий, – чувствуя себя полной идиоткой, произнесла родственница.

Через несколько минут звонок повторился. Орлова демонстративно отвернулась к окну.

– Что делает наша Любушка?

– Пьет чай и очень сердится.

– Тогда скажите ей, что я уже написал несколько страниц.

Сдерживаемый обоюдный хохот, пересказ Любушке, ее решительный, непреклонный жест.

– Она сказала, что никогда, Григорий Васильевич.

Еще один звонок.

– Пока не будет готов сценарий, я не вернусь!

– Григорий Васильевич, вы написали хотя бы половину? – уже не сдерживая хохота, спросила племянница.

– Безусловно. И даже более!

Раздался какой-то странный механический смех, потом треск, и все предыдущие диалоги

были воспроизведены. Диктофоны в тогдашней Москве были новинкой, и Александров не упустил случая продемонстрировать свое приобретение.

– Ну а теперь, Машенька, может быть, все-таки Любушка подойдет к телефону? Иначе у меня не пойдет творческий процесс.

– Любочка, Григорий Васильевич сказал, что если ты не подойдешь, у него не пойдет творческий процесс...

Орлова решительно повернулась на стуле:

– Да? Хм. Посмотрим.

Она взяла трубку. Дальнейшая слышимая часть разговора сводилась к скромной вариации из двух слов. «Да. Да. Нет. Да!» – гневно повторяла Орлова до тех пор, пока на том конце провода не было сказано нечто такое, что односложное утверждение обернулось восторженно-блаженным выдохом: «Да-а?!»

– Гриша уже выслал машину, – сказала она, положив трубку.

И через несколько минут упорхнула со своим так и не распакованным чемоданом».

При всей уморительности этой сцены («милые бранятся – только тешатся») она носит скорее трагический характер. Выходит, Орлова сама настаивала на том неминуемо гибельном для нее фильме, которым станет «Скворец и Лира». И на сценарии, который, будто чувствуя, как плачевно все это кончится, так не хотел писать, так отлынивал от него Александров. Выходит, спустя несколько лет после столь откровенной беседы во Внукове с А. Романовым режиссер и актриса поменялись ролями: теперь он, чувствуя свою немощь, оттягивал роковую развязку, а она торопила его с ней, даже ставила такие вот ультиматумы.

Злополучный «Скворец и Лира», от работы над которым так отлынивал Г. Александров, он все-таки снял. И даже сыграл в фильме вместе с Л. Орловой генерала КГБ.

А где же ее тогдашние, у внуковского камина, сомнения в возможности такого фильма, где боязнь за собственные руки, которые уже тогда, семь лет назад, нельзя было снимать? Так что лучше бы уж Александров проявил большую мужскую твердость и перестал бы настаивать на немедленном возвращении «Любушки». Она бы все равно вернулась, но без ультиматума о написании сценария, а он, глядишь, не стал бы его домучивать. (Даже к К. Симонову, бедный, обращался за помощью, но тот, слава богу, отказался от такой «чести».) И не осталось бы этого жуткого воспоминания, которым стал для обоих «Скворец и Лира».

В котором, до чего уже договариваются, Орлова и Александров снялись якобы в главных ролях. В то время как режиссер осмелился появиться лишь в эпизоде, изображая генерала КГБ, шефа героини.

Да даже – как ни страшно это предполагать – если бы «Любушка» проявила не меньшую твердость, чем ее суженый, и не вернулась бы к нему вообще, их кинематографический имидж только выиграл бы. Во всяком случае, не пострадал бы...

91

Актриса Ия Саввина с благодарностью вспоминает, как «подарила» Орлова ей роль Норы и на первый спектакль с ее участием прислала букет с запиской «Норе – от Норы».

«А через несколько лет у меня пропал голос. Нужна была операция. Друзья, знакомые, семья, самые близкие люди да и сама я говорили только «ай-ай» – и все. Орловой не было в театре очень долго: она снималась (в том же, не к ночи будь помянут, «Скворце и Лире». – Ю. С.). А когда встретились и Любовь Петровна услышала мой голос, она пришла в негодование. Я никогда, ни до, ни после, не видела ее в таком гневе. Любовь Петровна кричала на меня, говорила, что я теряю профессию, что у меня нет воли и я не заслуживаю никакого уважения, пассивно ожидая трагического конца. И ушла.

А утром следующего дня уже позвонила мне. «Все устроено. Все необходимые бумаги в театре я сделала. Немедленно приезжайте. Вас будет смотреть лучший специалист в этой области Павел Антонович Демидов. Это гениальный врач и замечательная личность. Что он скажет, то мы и сделаем». Любовь Петровна так и сказала – «мы». Через месяц после операции я говорила нормально.

Вы скажете, что так поступил бы на ее месте любой хороший человек. Сделал бы это,

если бы мог. Нет, вникать в чужую беду не только словом и сочувствием, но конкретно, осязаемо, ДЕЛОМ – это редкое и драгоценное качество, которого не хватает многим очень милым и хорошим людям.

И надо было сказать Любви Петровне, что второй раз в жизни она «заставила» меня (после передачи «Норы». – Ю. С.) быть актрисой. И опять я постыдилась громких слов. Но все это поздние сожаления – эгоистический вывод на будущее».

92

«Однажды, – вспоминает И. Фролов, – Александров пригласил нас, своих студентов во ВГИКе, к себе домой. Присутствовала и Любовь Петровна. Обстановка была непринужденной, и кто-то самый бойкий из нас (кажется, Миша Калик) начал рассказывать анекдоты, где фигурировала одна и та же женщина. Александров мягко, но решительно прервал его:

– В этом доме есть только одна женщина – Любовь Петровна. И говорить о других здесь не принято.

– Тем более в присутствии Григория Васильевича, – шутя будто бы поддержала супруга Орлова.

Но, видимо, Миша Калик (если это был он) рассказывал анекдоты не только о женщинах. Вскоре он был арестован, несколько лет провел в лагерях и, вернувшись в 1953-м, продолжил свое вгиковское образование, но уже не студентом Александрова, курс которого вышел на диплом.

93

Г. Скороходов вспоминает, как ему в качестве ведущего от Бюро пропаганды советского киноискусства пришлось ехать с Орловой на ее выступление в клубе Дорхимзавода недалеко от «Мосфильма». Где на концерт «звезды» собралось... от силы 30 – 40 человек. Зато свыше 500 человек собралось в том же клубе Дорхимзавода 30 лет назад, в ноябре 39-го, на предвыборное собрание Дорогомиловского избирательного округа Киевского района Москвы, куда приехал Александров, и об этом подробно известила газета «Кино»:

«11 ноября, – сообщил тов. Александров, – в нашей студии состоялось общее собрание рабочих, служащих, творческой и инженерно-технической интеллигенции. На собрании (об этом еще более подробно газета сообщала предварительно. – Ю. С.) выступил заслуженный деятель искусств режиссер-орденоносец С. Эйзенштейн, который выдвинул кандидатом в депутаты Московского областного совета Николая Павловича Силантьева.

Николай Павлович происходит из семьи железнодорожного стрелочника. Ему 32 года. Из рядового рабочего лесопильного завода, каким был тов. Силантьев в 1925 году, когда начинал свою трудовую деятельность, Николай Павлович вырос в крупного партийного работника, редактора столичной газеты «Московский большевик». Тов. Силантьев стойкий большевик, преданный сын нашего народа».

Так что «учитель» Эйзенштейн выдвинул кандидатуру на студии, а «ученик» Александров привез его предложение трюдящимся.

«От имени двух с половиной тысяч, – просит он, – рабочих, служащих, творческих и инженерно-технических работников орденоносной студии «Мосфильм» я обращаюсь с просьбой поддержать кандидатуру тов. Силантьева».

И все 500 с лишним тружеников Дорхимзавода поддержали, естественно, просьбу «тов. Александрова».

...А вот перед Орловой спустя 30 лет те же «дорхимовцы» всячески извинялись за неприлично малую явку на ее концерт: пятница, все поспешили за город и пр.

Актриса приняла все извинения и тем не менее выступала по полной программе и сумела так расположить зал, что этим трем десяткам собравшихся стало стыдно за отсутствие остальных. За то, что не сели, как когда-то у В. Гусева, «две тысячи человек в зал на тысячу мест».

Когда Г. Скороходов рассказал об этом Ф. Раневской, та пришла в ужас от того, чем

приходится заниматься «Любочке» на старости лет.

– Заплатили хоть хорошо? – спросила она.

Вместо ответа Скороходов показал актрисе записку Орловой редактору кинолектория, от имени которого она выступала перед тридцатью слушателями:

«Дорогая Елена Петровна! В прошлый раз мне заплатили за выступление 14 руб. 50 коп., тогда как моя ставка, утвержденная министерством культуры, 27 рублей. Прошу Вас произвести перерасчет и выплатить мне недополученное. Моя ставка предусматривает надбавку за «мастерство» и «народность».

С уважением Л. Орлова».

Так что недалеко ушла «Пропаганда советского киноискусства» от больничного листка Театра им. Моссовета. И как А. Бобровский во Внукове, Ф. Раневская возмутилась, но уже по другому поводу:

– Какой ужас! Любочка, видимо, опять без денег. А этот ее бездарь Гришка столько лет ничего не снимает и сидит на ее шее. И тоже «народный»!..

94

«Бездарь» – не «бездарь», а «Любочка» действительно иногда, будто в шутку, – пишет Кушниров, – жаловалась:

– Ну что это! Работаешь на износ, а он все время планы строит, полеживает да заседает где-то, за мир борется...

И хотя. повторяем, это произносилось как бы в шутку, всем становилось жаль «работающую на износ» актрису.

Может, со времени этого недовольства, если оно действительно существовало, актриса, как утверждает племянница режиссера Г. Карякина, стала подсчитывать разницу в своих и супружеских доходах.

И будто она, племянница, когда Орловой уже не стало, видела на ее столике бумажку, на которой подробнейшим образом было записано, сколько получил Александров за статью в газете и сколько она, Орлова, за очередные гастроли...

А они становились для актрисы все тяжелее. Та же пресса теперь утверждает, что уже не «как бы в шутку», собирая в очередной вояж свой счастливый когда-то «гастрольный» чемоданчик, Орлова вздыхала:

– Не знаю, чем петь буду...

Не берусь утверждать, что Любовь Петровна вздыхала именно об этом, но ее довольно вместительный «гастрольный» чемоданчик был «счастливым» буквально – не просто как талисман. Актриса демонстрировала нам его с писателем В. Поляковым (одним из авторов «Карнавальная ночь»), когда Александров привез нас во Внуково по делам:

– Когда-то я приезжала с гастролей, ставила этот чемоданчик перед Григорием Васильевичем, – тот при этом тоже вздыхал, – он открывал его, а чемоданчик был полон денег...

А теперь, уже не зная, «чем петь будет», Орлова, вспоминает александровская племянница, притворно охая, вздыхала:

– Все пою, пою – то уголь надо купить, то забор на даче сделать...

И, чтобы не кончать этот абзац на грустной ноте, еще одно тогдашнее «недовольство» актрисы, комическое, хотя высказывалось оно на полном серьезе:

– Все время хочу узнать истинный вкус Уны Чаплин в одежде, но когда ни приеду – она опять в «беременном» платье... Никакого толка от этих поездок!

Как известно, Чаплин, которому пошел уже седьмой десяток, умудрился стать отцом восьмерых, рождаемых практически ежегодно, детей.

95

«В одном провинциальном городке, – рассказывает Д. Щеглов, – женщина проводила на войну мужа и двух сыновей. И в честь каждого недалеко от дома посадила по тополи. Деревья

прижились. А сыновья и муж погибли. Тополя растут быстро. У каждого было имя, повадки и голос, который женщина узнавала, когда налетал ветер. Она знала, что они ее слышат, и разговаривала с ними. Прошло время, тополя стали совсем большими, они закрывали дом от дороги, от летевшей с нее пыли. Никакой другой пользы от них не было. Это женщине объяснили те, кто пришел к ней с топорами и пилами: дорогу расширяли, тополя надо было уничтожить. В тот день ей удалось уговорить рубщиков, и они ушли. Она ходила к какому-то начальству, рассказывала про мужа и сыновней, ее хмуро и недоверчиво слушали и говорили, что ничего сделать не могут. Она знала, что когда начнут рубить, сердце у нее разорвется. Об этом и написала в своем письме.

А через несколько дней в город приехала Орлова. После концерта она показала местным бонзам (устроившим ей грандиозный по районным масштабам прием) письмо вдовы, и все решилось за пару минут. Тополя оставили в покое».

96

В конце 60-го года, едва оправившись от неудачи с «Русским сувениром», Орлова получила письмо из Парижа от сестры Лили Брик и жены Луи Арагона Эльзы Триоле:

«Милая Люба, простите, что без отчества... мне хочется, чтобы вы приехали в Париж посмотреть одну пьесу... Я бы для вас ее перевела.

Пьеса особенная. Она смонтирована из писем Бернарда Шоу и актрисы Патрик Кэмпбелл, из сорокалетней переписки между ними. Диалог – это их настоящие слова, взятые из переписки.

...В этом сезоне Жак Кокто перевел пьесу на французский, и она идет в Париже с большим успехом в постановке самого автора Джерома Килти. Играют Пьер Брассер и Мария Казарес, играют блестяще.

В пьесе всего две роли – для Вас и, скажем, кого-нибудь вроде Черкасова... («Которого, – подумала, наверное, Орлова – опять придется упрашивать на коленях». – Ю. С.)

«Очень рада, что «Милый лжец» прошел успешно, что угадала возможности Орловой... что Александров не подгадил». Вместе с Э. Триоле рад этому и ее муж Л. Арагон.

Пьеса – «Милый лжец», или «Лгун», или «Враль»...

Зря переводить не хочу. Если вам нужна новая пьеса, приезжайте и посмотрите. Может быть, есть такая возможность и желание? А?

Пока я не остыла?

Как живете, как играете? Я о вас всегда справляюсь у приезжающих. Их сейчас великое множество. Пора и вам с мужем – опять я забыла отчество, беда! – вспомнила: Григорием Васильевичем – съездить к нам.

... Напишите... Будьте, по возможности, счастливы.

Эльза Триоле».

Однако сестра Лили Брик и жена Арагона не представляла, сколько волнений и беспокойств доставит ей эта затея. Во-первых, полной неожиданностью стала для нее режиссура «Милого лжеца» самим Александровым.

«Во всяком случае, – писала она сестре, – я вовсе не мечтаю, чтобы пьесу поставил Александров, не посмотрев здешней (парижской. – Ю. С.) постановки. Ничего не получится».

Но Александрову, лично знавшему Б. Шоу и П. Кэмпбелл, незачем было катить в Париж и смотреть на играющих их Брассера и Казарес. Режиссер предпочитает лишний раз съездить с Орловой в Швейцарию, к Чаплину, который знал героев «Милого лжеца» еще лучше, чем он, и целый вечер показывал гостям любимые привычки Шоу и Кэмпбелл. Знала ли об этой поездке Л. Брик неизвестно, но она попыталась успокоить свою сестру:

«А. Попов (он предполагался первым, в постановке Театра Армии, исполнителем Шоу. – Ю. С.) великолепный актер и режиссер к тому же. Если бы был один Александров, я не была бы спокойной».

Потом, когда «актер и режиссер» А. Попов отпал, и в Моссовете остался «один»

Александров, Л. Брик тоже забеспокоилась:

«Они (Орлова и Александров. – Ю. С.) говорят, что усиленно репетируют, пишет она в Париж, – и хвастаются, что это будет гениально. Один Бог им судья!»

Однако, на этот раз Бог рассудил здраво, и александровский спектакль, несмотря на то, что его давно опередил мхатовский с великолепными А. Степановой и А. Кторовым, – более-менее удался. И у Триоле в Париже отлегло:

«Очень рада, что «Милый лжец» прошел успешно, что угадала возможности Орловой, что Романов (первый исполнитель роли Б. Шоу и муж игравшей в «Веселых ребятах» М. Стрелковой. – Ю. С.) хорош, что Александров не подгадил».

Пусть «Волгой» разольется ширь души,
Чтоб радовать собой.
Ведь Вы все так же хороши,
Задорно вздернув локон свой!

Из письма зрителя.

97

...В 1974 году торжественно отмечалось 50-летие «Мосфильма». Александров с Орловой были, конечно, приглашены, но режиссер или на самом деле приболел, или сказался таким, не желая особенно светиться после «запрета» «Скворца и Лиры» – настолько слабой оказалась его последняя работа с Орловой.

Актриса же решила все-таки напомнить о себе. Накануне она сделала это в мосфильмовской газете, выступив в связи с тем же юбилеем и назвав путь студии «светлым». Она надела – что почти никогда не делала – костюм, увешанный всеми своими немалыми наградами, и сказала бывшему в то время во Внукове журналисту Ю. Белкину:

– Юра, вы должны меня сопровождать!

Они прибыли в Кремлевский Дворец съездов, и Белкин помог актрисе раздеться в гардеробе. Когда гардеробщицы увидели увешанную наградами пожилую женщину в парике, они поинтересовались:

– Кто это?

Оскорбленный за не узнанную 40 лет спустя после «Веселых ребят» Орлову, ее сопровождающий напомнил, «кто это».

Первое, что бросилось в глаза в зале, – огромный, забитый до отказа кинематографическими чиновниками, президиум.

У Орловой не было приглашения на сцену, и она искала место, где бы приткнуться в зале. Но тут спешивший в президиум директор «Мосфильма» А. Сурин увидел «звезду» и сам отвел ее в президиум. Там кое-как нашли дополнительный стул. И, приткнувшись на нем с края президиума, Орлова просидела такой «крайней» весь юбилейный вечер студии, на которой она снялась в «Веселых ребятах» и «Цирке», «Волге-Волге» и «Светлом пути», «Весне» и «Встрече на Эльбе»...

98

Когда Орлову за год до смерти прооперировали и поняли, что с раком поджелудочной железы она безнадежна, актрисе ничего, конечно, не сказали, а Александрову дали чьи-то чужие «камешки», которые он показывал супруге, уверяя ее, все понимающую, что только в них, в «камешках», заключалась ее болезнь.

Накануне ее последнего, 1975-го Нового года, Орлову на одну ночь отпустили из больницы домой. И в первый и последний раз актриса и режиссер встретили Новый год не в родном Внукове. Но по внуковской традиции, за несколько минут до наступления Нового года вышли из дома на Бронной и пошли вниз по Тверской. И огромная елка на Манежной площади казалась им той, не украшенной, до которой они обычно доходили в такие новогодние ночи во

внуковском перелеске...

Накануне кончины актриса позвонила мужу домой, куда он недавно вернулся из больницы и, будто чувствуя близкий конец, попросила приехать снова. Как мог быстро, он собрался, помчался в ЦКБ, но когда вошел в палату, Орлова сказала только:

– Как вы долго!..

И, впад в кому, уже не пришла в себя.

– Это был единственный упрек, который я от нее услышал за почти сорок два года нашей жизни, – вздыхал Александров. – А все эти сорок два года были годами непрерывного счастья...

99

Уже через год после смерти Орловой ее имя присвоили новому, построенному в 76-м году в Югославии, пассажирскому судну Дальневосточного пароходства. О чем 8 сентября 1976 г. сообщила даже «Правда». Узнав об этом, Александров, как вспоминает работавшая в это время с ним над восстановлением эйзенштейновской «Мексики» монтажер Э. Тобак, вошел в монтажную и грустно сказал:

– Вот и все, что от нее осталось, – корабль...

Вот и все, что от нее осталось, корабль...

Однако большой лайнер «Любовь Орлова» – это далеко не «все». И В. Маяковский в свое время приветствовал пароход «Теодор Нетте» как живое воплощение героически погибшего дипкурьера. Так что далеко не каждому дано называть своим именем «пароходы, стройки и другие громкие дела»...

И может, именно в тот день, когда Александров так снисходительно сказал «корабль», тот, носящий имя его супруги, прибыл, сообщает Романов, в свободную, наконец, Кампучию, доставив в порт Кампонгсаом из Владивостока большую группу советских докеров. Им предстояло помочь кампучийским докерам быстрее справиться с нарастающим потоком грузов из Советского Союза и других дружественных стран, решивших «оказать братскую помощь кхмерскому народу, сбросившему кровавое иго полпотовской банды».

....А спустя 22 года, в 2001-м, «Любови Орловой», приписанной уже к Черноморскому пароходству, пришлось выполнить печальную миссию – отвести к месту падения в Черном море ТУ-154 родственников его погибших по нелепой и преступной случайности пассажиров...

Гораздо больше, говорят, чем корабль «Любовь Орлова», который он по немощи уже и не мог посетить, утешали Александрова ярко-голубые гвоздики, которые он до последних дней выращивал во Внукове. Они, как ничто другое, напоминали ему неповторимый цвет глаз той Орловой, которую он увидел 50 лет назад...

Кроме лайнера, имя актрисы было присвоено стипендии в 500 рублей (не помним, в каком году, и не можем оценить тогдашний размер этой суммы), которой награждались молодые дарования на театральной сцене.

Именем Орловой названа также одна из малых планет Солнечной системы. Свидетельство об этом было вручено актрисе Театра им. Моссовета М. Тереховой и его директору.

Наконец, накануне XXI века ВЦИОМ провел опрос россиян на тему, кого они считают своим кумиром в уходящем XX. Орлова хотя и замкнула первую десятку в этом престижном списке, набрав 12 процентов голосов опрошенных, но оказалась в ней единственной женщиной. А среди мужчин, составивших ей компанию, оказались бравший у нее автограф Ю. Гагарин (первый), А. Сахаров, В. Ленин, обожавший ее И. Сталин, Г. Жуков и единственный, кроме нее, представитель актерского цеха – А. Миронов.

100

В искусстве – свои закономерности. В том же 75-м, когда погасла «звезда» Л. Орловой, буквально через несколько месяцев после кончины актрисы, в Болгарии, на фестивале эстрадной песни «Золотой Орфей», зажглась новая советская «звезда» – А. Пугачевой, к сравнению с нынешними гонорами которой мы так охотно прибегали, вспоминая орловские

запросы в 1938-м.

И хотя по масштабу вспышка пугачевского «Арлекина» не сравнится с фурором, который, неожиданно даже для Александрова, произвела Орлова в «Веселых ребятах», эффект воздействия на публику был, пожалуй, одинаков. Так что «звездный» российский небосклон пустовал от силы полгода – срок по астрономическим, раз уж мы прибегли к слову «звезда», понятиям ничтожный, почти нулевой. Да и весь последующий, по нарастающей, успех Пугачевой, и ширящаяся год от года популярность звезды, и нарастающий фанатизм ее поклонников сравнимы лишь с тем, что происходило в 30-е с феноменом Орловой. Во всяком случае, «народной РСФСР» она стала даже быстрее, чем героиня «Цирка» и «Волги-Волги».

И через десять лет, уже в этом звании, показывая во время XIV Московского международного кинофестиваля свое киношоу «Пришла и говорю», Пугачева на вопрос журналистов «какой фильм был вашим любимым в школьные (следовательно, в 50-е и 60-е) годы?» без колебаний ответила:

– Все фильмы с участием Любви Орловой.

– И любимой актрисой, конечно, же...

– Да, Любовь Орлова. По-моему, она совершила целый переворот в развитии музыкального жанра в кино. Фильмы Александрова и Орловой создавались с любовью к зрителям, с любовью к песне и музыке. А это главное, это основа успеха. Они, замечу кстати, не пугались слова «привлекательность». Наоборот, хорошо знали, как нужен зрителям и как нелегко этот «легкий» жанр, как подчас трудна дорога к осуществлению, казалось бы, простой цели – придумать, поставить и снять на пленку музыкальный номер. Да так, чтобы это было изобретательно, красиво и остроумно. Как и положено в кино.

Время сейчас другое (1985-й год. – Ю. С.), и, конечно, уже не тот зритель, что был у Орловой. Нынешняя аудитория стала более образованной, более насмотренной, что ли, а значит, и более разборчивой. К тому же не без «помощи» иных режиссеров, своими работами во многом дискредитировавших жанр, и критиков, яростно ополчившихся против него, зритель стал относиться к музыкальным фильмам с недоверием, а то и с предубеждением. Однако все, что делаешь в искусстве, необходимо делать с любовью. И здесь творчество Орловой и Александрова для нас эталон.

Свой автограф «Спутнику кинофестиваля» Пугачева подписала, как и все остальные, одноименным с именем ее кумира пожеланием: «С любовью».

Этими соображениями «звезды», пришедшей на смену «звезде» Орловой и уже отсверкавшей 26 лет из тех 40, которые выпали на долю первой, мы и закончим «былинную» часть книги.

НЕБЫЛИЦЫ

Если в первой части книги, в «былях» об Орловой, мы старались придерживаться какой-то хронологии, то для рассказа об орловских «небылицах» эта хронология не имеет уже никакого смысла – настолько в них все перемешано и перепутано.

Впрочем, начать можно с начала, с происхождения знаменитой артистки. Таким будто древнем, что мало не покажется.

1

Якобы она из тех Орловых, которые были близки Екатерине II. Во всяком случае, один из них, Григорий Григорьевич, долго пребывал в фаворитах императрицы, да и на государственной службе отличился отменно.

Однако наша героиня – не наследница по прямой екатерининского избранника. Она как бы его пра-пра-пра, а может, и еще раз, правнучатая племянница. Ибо брат Григория Григорьевича, Федор, стал отцом наиболее значительной личности в той ветви орловского рода, которая касается будущей народной артистки.

Михаил Федорович Орлов был известным дипломатом эпохи Александра I, пять раз лично встречался с Наполеоном. Последний – уже после Смоленского сражения, когда сам Бонапарт, чувствуя, что увязает в России, заговорил о мирных переговорах. Ни царь, ни Кутузов, как известно, на них не пошли. И М. Орлов, сменив дипломатический портфель на оружейную экипировку, отличается в нескольких сражениях. За совокупность боевых заслуг и решающую роль в переговорах о капитуляции в Париже он производится в генерал-майоры.

Однако все его заслуги – и дипломатические и военные – были забыты, когда Орлов стал автором и пропагандистом очень передовых для того времени начинаний, вплоть до отмены крепостного права. Уже будучи членом общества «Арзамас», где он познакомился с А. Пушкиным, ставший неугодным царю вольнодумец Орлов был переведен в Киев.

Там судьба свела его с дочерью героя войны 1812-го года Екатериной Раевской. В нее же был безумно влюблен Пушкин, и только по личной просьбе Екатерины Николаевны поэт не вызвал Орлова в день помолвки с Раевской на дуэль. «Мне так тяжело, так трудно видеть их вместе», – писал он. С горя Пушкин пытается жениться на младшей сестре Раевской, но и в этом ему отказал Раевский-старший.

После восстания декабристов М. Орлов, который, женившись, отошел от политической деятельности, был все-таки арестован первым среди московских декабристов, и после шести месяцев Петропавловки ему было предписано окончательно выйти в отставку и выехать в ссылку под надзор местного начальства.

Вернувшись из нее в 1831 году, Орлов стал основателем Московского художественного общества, на базе которого спустя много лет возникнут и Московский архитектурный институт, и Московский художественный институт им. Сурикова.

В марте 1842 года при большом стечении народа М. Орлов был похоронен у стен Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Выходит, что его знаменитая прапраправнучка народная артистка СССР Л. Орлова, похороненная там же, на Новодевичьем кладбище, покоится рядом со своим известным предком и их – могила М. Орлова сохранилась – разделяет только монастырская стена.

Интересно, что Большая советская энциклопедия (3-е издание), писавшая об М. Орлове и Л. Орловой, помещает рядом, не зная, конечно, о таком родстве, портреты обоих. И хотя первый – живописный и достаточно условный, а второй – фотография, сходство обоих Орловых бросается в глаза.

...И тем не менее оно обманчиво, считают знатоки биографии артистки, ибо никаких знаменитых предков в ее роду не было, потому что не могло быть никогда.

– Что там воин и дипломат М. Орлов! – продолжают настаивать первые. – В крови народной артистки Советского Союза течет в общей сложности кровь семнадцати правителей России, двадцати восьми великих и удельных князей, семи шведских монархов, двух императоров Византии, трех половецких и монгольских ханов, короля Англии Гарольда Второго, а также семнадцати российских князей, принадлежавших к родам Козловских и Шаховских, не считая немецких графов и татарских мурз. Десять предков Орловой, известных своими подвигами на христианском поприще, канонизированы и причислены русской православной церковью к лику святых. А два – киевская княгиня Ольга и князь Владимир – даже к лику равноапостольных.

– Ничего подобного, – упорствуют те, кто отрицает все это. – Любовь Орлова родилась во вполне обычной, если не сказать, захудалой дворянской семье («дочь дворянина», как пишется на ее сайте в Интернете) Петра Федоровича Орлова, статского советника, и его жены, Евгении Николаевны Сухотиной, отдаленной родственницы Л. Толстого...

2

Как и орловские «были», орловские «небылицы» начинаются с «дедушки» Толстого. То и дело пишут, что на одном из яснополянских снимков великого писателя можно увидеть сидящую у него на коленях маленькую симпатичную девочку – будущую знаменитую артистку. На самом деле такого фото нет – ни в яснополянском, во всяком случае, собрании толстовских материалов, ни в хамовническом, в Москве.

Тем не менее та же Н. Голикова вспоминает: «Рассказ о том, как маленькая Любочка сидела на коленях великого старца, сопровождал все мое детство». Может, эта семейная легенда и стала поводом для разговора об уникальной фотографии. Однако ничего больше, кроме того, о чем мы рассказали в первой части – о письме, посланном Любочкой писателю и его ответе ей, – видимо, не было.

3

И еще одна, по порядку, «детская» небылица. Говоря о сувенирах, доставшихся Орловой от Ф. Шаляпина, пишут о том, что великий певец сочинил для семилетней Любочки некие стишки и написал их на обратной стороне своего фото.

Но в отличие от другого великого актера, В. Качалова, сделавшего это 30, даже 35 лет спустя, Ф. Шаляпин ничего не сочинял: он просто переписал слова старинного романса с неожиданно серьезным для малолетки Орловой текстом:

В стекло бьется ветер осенний,
тускло месяц глядит с высоты.
На куртинах опавшего сада
побледнели, увяли цветы.
Мы одни... Но молчу я тоскливо.
И в ответ мне безмолвствуешь ты.
И ни искры в измученном сердце...
побледнели, увяли цветы.

И уже от себя певец дописал: «Маленькому дружку моему Любочке 22 августа 1910 года».

«Моему маленькому дружку Любочке
Ф. Шаляпин.
22 августа 1909 г. Ратухино».

Так что только к этому, ко времени года накануне осени, можно отнести «побледневшие и увядшие цветы» в столь меланхоличной для восьмилетнего ребенка шаляпинской надписи.

4

Вот, собственно, и все «детские» небылицы Любочки Орловой. Остальные начались гораздо позже, когда сидевшая якобы на коленях великого старца девочка стала Любовью Петровной Орловой, «звездой» советского экрана и пр. Даже незадолго до этого, когда она только снималась в «Веселых ребятах» и на нее, безумно, по ее собственному признанию, влюбленную в Александра, положил якобы глаз и его оператор В. Нильсен. И может, потому, что актриса не ответила ему взаимностью, писал из Гагр, со съемок «Веселых ребят», тому же игравшему с Любочкой Боровичка в шаляпинском «Грибном переполохе» М. Штрауху: «Но хуже всего, когда на площадке появляется «хозяйка». Гриша (Александров. – Ю. С.) совсем потерял голову и сразу после окончания картины собирается жениться».

Но Орлова и Александров не стали ждать окончания «Веселых ребят» и расписались в процессе съемок.

Актриса тоже как-то странно путалась насчет оператора. Когда ее спрашивали о причинах его последующего ареста и уничтожения, она объясняла это тем, будто Нильсен позволил сказать, что «Волга-Волга» – порядочная дрянь», а она была любимой картиной Сталина.

Но, во-первых, Нильсен сам был одним из первоначальных (с Александровым) соавторов сценария «Волги-Волги». Во-вторых, будучи ее оператором, он был арестован в середине съемок, когда «Волга-Волга» еще не успела стать «любимой картиной» Сталина.

В. Нильсен действительно хаял, но только первый фильм Александра – в том же письме

М. Штрауху: «Снимаем жуткую халтуру, тем более вредную, что все это, несомненно, будет иметь успех и станет стилем советского кино на неопределенное время. Трудно себе представить, до каких пределов может дойти дурной вкус и пошлятина в каждой мелочи, начиная с композиции кадров и кончая подбором костюмов и актерской работой».

Но как бы ни складывались отношения Орловой и Александрова с Нильсеном на первой картине, он не менее виртуозно, чем ее, снял «Цирк» и половину «Волги-Волги». Так что разговоры о первоначальной влюбленности оператора в актрису и их последующей, на почве отсутствия взаимности, отчужденности только разговоры...

Нильсен – ладно... Но когда «Веселые ребята», как он сам говорил, были «уже на выданье», на Орлову якобы положил глаз и тогдашний министр кино Б. Шумяцкий. Поэтому, мол, и был таким стойким защитником картины и самого Александрова. И никому, кто подымал голос против фильма – а таких было тьма! – не давал спуска. И хотя якобы было за что, но Орлова и министру не ответила взаимностью.

Но Б. Шумяцкий защищал «Веселых ребят» не из-за любви к их очаровательной героине, а прежде всего по долгу службы.

Да и по убеждениям. Не зря за граница назвала их «идеология как развлечение масс». А сам Шумяцкий писал: «Кинофильма и ее успех находятся в прямой связи со степенью занимательности ее сюжета, поэтому мы обязаны требовать от наших мастеров постановки сюжетно сильных и фабульно организованных произведений».

Этому особенно соответствовал уже следующий фильм Г. Александрова «Цирк», который нуждался в защите Б. Шумяцкого в гораздо меньшей степени, чем «Веселые ребята». Министр обиделся на Александрова только в начале работы над «Волгой-Волгой», когда ему показалось, что Ильинский-Бывалов умышленно загримирован и одет под него, Шумяцкого. Так и не успев, бедный, в этом разувериться – сгинул в 38-м году вместе с Нильсеном и бессменным александровским директором Ю. Даревским. Обвиненным... в умышленной – для революционных якобы боев в «Ленине в Октябре» – закупке «Мосфильмом» оружия, реставрации его и последующем использовании в «настоящем» контрреволюционном перевороте.

Так что неразделенная любовь к Орловой репрессированного министра такая же небыль, как страсть к актрисе разделившего его судьбу оператора.

5

Следующую небылицу о «репрессиях» вокруг Орловой приводит и сам же ее отвергает Д. Щеглов – сторонник древнейшего и знатнейшего происхождения актрисы в книге «Любовь и маска».

... Будто на первом же, после «Веселых ребят», приглашении в Кремль Сталин, очарованный «живой» Анютой еще больше, чем экранной, предложил Орловой просить у него «все, что угодно было ее душе».

А «душе было угодно» хоть что-нибудь знать о судьбе первого мужа актрисы, уже несколько лет как арестованного Андрея Берзина. Александров при этом стоял рядом и не мог не слышать, о чем просит Сталина его жена. И не переживать при одной мысли о том, как такое «необычное» пожелание воспримет вождь.

И опасения второго, вернее, третьего после неофициального второго, мужа актрисы подтвердились. Сталин хотя и предложил по широте душевной просить о чем угодно, к такой просьбе актрисы особого энтузиазма не выказал. Подумав, он неожиданно сухо сказал: «Вас примут», – и отошел.

Ее действительно приняли. Причем на самом высоком уровне (может, даже сам Г. Ягода, – предполагает Щеглов). Который, как и Сталин, был краток:

– Все, что мы можем для вас сделать, Любовь Петровна – это соединить вас с мужем. Хотите?

– Нет, – на счастье Александрова и свое собственное ответила якобы актриса.

«Станный диалог, – признает Д. Щеглов, приводя эту легенду, оставшуюся в семье Орловой, как предание о Любочке на коленях у Л. Толстого. – Простое сопоставление дат

делает ее лишенной всякого основания.

Орлова могла оказаться в Кремле не раньше декабря 1934 года, а реальнее – в январе-феврале 1935-го (когда за одних «Веселых ребят» стала «заслуженной». – Ю. С.). Если допустить, что такой диалог со Сталиным имел место, то фраза высокопоставленного энкаведешника о воссоединении с мужем лишена всякого смысла. Во-первых, потому, что лубянского начальство не могло не знать, что Орлова почти год замужем за Александровым, а во-вторых – и это главное, – с сентября 1934 года Андрей Каспарович Берзин уже находился в Москве и оставался в ней по крайней мере до 37-го года, до своего очередного и на этот раз последнего, dokonавшего его ареста».

И, в третьих, добавим – и пожалуй, главное все-таки это! – как могла тому же Ягоде (а он действовал по подсказке Сталина) прийти в голову мысль лишать такой актрисы народ, страну, так полюбившего ее вождя и отсылать Орлову (будь на то ее согласие) в глухие казахстанские степи на поселение к мужу!

6

Однако больше всего небылиц обрушилось на Л. Орлову спустя 65 лет после окончания «Веселых ребят». Большинство их, будто собранные в пучок, сфокусировались на одной практически странице романа И. Полянской «Читающая вода».

«Она, – пишет автор об Орловой, – пронеслась перед ним (Сталиным. – Ю. С.) на помеле (?) под искрящуюся музыку Дунаевского, и он вдруг очнулся в темном просмотрном зале и щелкнул пальцами: СТОП!

Не успел этот звук растаять в воздухе, как Большаков уже дрожащими пальцами набирал номер квартиры бровастого Григория Александрова, за которым она была замужем».

Если не считать поэтической вольности романистки о «помеле», на котором (как ведьма, что ли?) пронеслась Орлова перед взором ошалевшего Сталина, то в нескольких этих строчках можно найти две существенные ошибки.

Во-первых, Иван Григорьевич Большаков стал министром только шесть лет спустя, после репрессированного Б. Шумяцкого и сменившего его ненадолго С. Дукельского, крупнейшего, как его теперь называют, идиота советского кино.

Во-вторых, звонить действительно «бровастому» Александрову не было никакой надобности: режиссер сам присутствовал на этом судьбоносном для него просмотре.

А если верить его директору, попрекавшему художников Кукрыников за их вымышленные якобы звонки режиссеру (чтобы вовремя, из-за занятости, отказаться от картины), то Александрову, бедному, и звонить-то было некуда: режиссер «Веселых ребят» чуть ли не вплоть до их окончания оставался без телефона.

Однако сведем все эти небылицы в одну и отдадим все-таки должное И. Полянской: ее сравнение Орловой с «ведьмой» соответствует тому, чем показалась артистка ее великому коллеге по перу.

«Она ведьма! – восхищался артисткой А. М. Горький. – Она все может!»

7

Что касается самой Анюты, так искрометно сыгранной Орловой в «Веселых ребятах», то одна из провинциальных газет нашла для нее и фамилию и назвала героиню Орловой Анютой Глазкиной.

А следующую героиню актрисы, Марион Диксон в «Цирке», те же провинциальные газеты так же уверенно окрестили Марион Андерсен.

Впрочем, что там провинциальные... «МК-бульвар» утверждал недавно, что «советский народ раз и навсегда полюбил орловскую Стрелку в «Веселых ребятах». В то время как почтальон по прозвищу Стрелка фигурировала, как известно, в «Волге-Волге»...

И еще одно провинциальное свидетельство чуть ли не при жизни актрисы. Астраханская газета «Волга» уверяла, что ею сыграно «более 200 ролей на сцене театров и немало главных ролей в кино».

8

Тот же Д. Щеглов, рассказывая о травме, полученной актрисой на съемках «Веселых ребят», когда она свалилась с быка и, повредив позвонок, месяц провалялась в «Склифе», пишет:

«Историю эту Орлова тщательно скрывала от родных. Бедная Евгения Николаевна (мать артистки. – Ю. С.)! Вряд ли она была бы довольна своим будущим зятем, если бы узнала, чем вынуждена заниматься ее дочь».

Однако сама Орлова спустя несколько лет, когда все было уже позади, рассказывала об этом в «Вечерней Москве» так:

«После этого случая отношения в семье осложнились. Мама некоторое время не разговаривала с режиссером Александровым и каждого проходящего спрашивала:

– Вы посадили бы свою жену на быка?!»

То есть, во-первых, Евгения Николаевна была в курсе всего, а во-вторых, речь она вела не о своем «будущем зяте».

«Сцену досняли через несколько недель, – пишет далее Щеглов, – взять дублершу актриса категорически отказалась».

То есть опять же, по лестнице, приставленной к быку (сохранилось именно такое фото), полезла на строптивного, как его звали в фильме, Чемберлена и опять подвергла себя опасности.

На самом деле Александров не стал больше рисковать и снял только, как упавшая месяц назад с быка и не сумевшая тогда из-за травмы подняться Орлова снова бодренько, будто просто споткнулась, вскакивает и гоняется за быком с метлой.

Но Щеглов хоть сохранил реальный месяц, прошедший между первой и второй «бычьими» съемками. А журнал «Отдохни» вообще считает, что Орловой понадобилось всего несколько дней, чтобы снова, отказавшись от дублерши, взгромоздиться на хулигана-быка...

Как бы то ни было, в роли «быка» Александров выступил на этот раз сам. И, посадив себе на закорки актрису, бегал с ней перед камерой Нильсена, которая и запечатлела этот момент: сидящая верхом на Александрове Орлова от души нахлестывает его (быка якобы, на крупном плане) веником. Так что за то, что он позволил себе «посадить жену на быка», режиссеру «досталось»...

9

Однако вернемся к И. Полянской, к ее поэтическим небылицам об Орловой в «Читающей воде»:

«Она разворачивала грозную пушку в сторону далекой Америки, угнетающей негров, и зависала над землей на цирковой трапедии. Она смело вскакивала на спину белой лошади и уносила туда, где стоял оркестр, окутанный трепетом скрипок, и снова появлялась на сцене, одетая в рыбацкие сети с птичьим гнездом на голове».

Насчет разворачивания пушек в сторону угнетающей негров Америки – это снова образное мышление романистки, и относить его к «небылицам» было бы несправедливо, хотя пушки Марион Диксон никуда не разворачивала – это делал за нее Кнейшиц, который вряд ли стал бы угрожать Америке за угнетенных негров.

Но вот насчет того, что актриса «вскакивала на спину белой лошади» тут уж, извините, явная небылица. Единственно, на кого актриса вскакивала в фильмах Александрова, – опять же на быка, и то неудачно. Какой уж там оркестр с «трепетом скрипок»!

А что касается «рыбацких сетей», то смешно, конечно, но романистка не может не помнить, что это лишь попона с лошадей катафалка, которую нацепил на продрогшую от дождя Анюту заботливый и ворчливый факельщик Курихин. Да и цилиндр она взяла напрокат у него, а не у Марлен Дитрих в «Голубом ангеле», как утверждают теперь. И какое уж там «птичье гнездо» на цилиндре факельщика?!..

10

Еще одна «цирковая» небылица». Будто Орлова, когда увидела в парке «Сокольники» аттракцион с действительно вылетающей из придуманной харьковскими инженерами пушки спортсменкой В. Буслаевой, загорелась сделать в «Цирке», куда тут же решил перенести аттракцион Александров, то же самое. И даже стала тренироваться со специальным инструктором.

Вот уж действительно – «знала бы бедная Евгения Николаевна!» Но Орлова ничем, конечно, не «загоралась». Даже когда ей и Александрову продемонстрировали «предельно простой» принцип действия пушки с «человеком-снарядом»: «Приводимый в действие специальным двигателем огромный маховик давал ускорение по вертикали площадке, на которой стоял внутри жерла пушки артист, и он «выстреливался».

Но даже если артистке и приспичило самой «лететь из пушки», этого не позволил бы Александров. Уж он-то понимал, что в течение нескольких секунд, пока Орлова будет «вылетать» из пушки, зритель все равно не признает ее на общем (а он, под куполом цирка, мог быть только таким) плане. А тогда зачем очередной, после быка в «Веселых ребятах», риск? Вот если бы режиссер не понимал, не дай бог, этого и попросил все-таки Орлову «вылететь» из пушки, она бы «вылетела», чего бы это ей ни стоило. Ведь признавалась она потом гостям, когда муж выходил из-за стола:

– Я была влюблена в Григория Васильевича как кошка. В огонь могла прыгнуть с пятнадцатого этажа... Я на быка мигом вскочила, а потом на просмотре материала отключилась, увидев, как он носится со мной по декорации – да я о любой косяк могла макушку себе снести...

11

А уж каким количеством легенд оброс сам номер Орловой на пушке, ее «классическое», как она считала, «Диги-диги-ду» – не сосчитать!..

Во-первых, все в один голос утверждали, что Орлова совершила при этом чуть ли не акт творческого самопожертвования. Ведь после того, как в его богатом творческом воображении возникли еще и «Диги-диги-ду» (до этого на пушке было снято нечто более скромное), Александров предупредил актрису:

– Любочка, вы должны станцевать так, чтобы нам не заниматься пересъемкой: импортная пленка на исходе!

...Танец – танцем, особенно на репетиции, и Любочка не чувствовала жара от прибора, который бил из четырехметровой пушки в ее «танцевальную», диаметром всего 75 см, площадку.

Но, помимо танца, актриса должна была еще сходу присесть на пушечное жерло и в сопровождении воображаемого банджо весело пропеть.

Тут только, усевшись на пышущее жаром стекло, актриса почувствовала, как слипается и дымится на ней усыпанное блестками трико. Но, помня якобы просьбу режиссера об одном-единственном дубле, не прекратила съемки, допела до конца и, не дожидаясь лестницы, по которой должна была спуститься, свалилась в страховочную, растянутую вокруг нее сеть.

...Это по рассказу М. Кушнирова. А посвятивший 90-летию Орловой статью С. Николаевич рассуждает за саму актрису:

– Конечно, Орлова, по праву «звезды», могла прервать съемку, но ей легче было отправиться потом в травмпункт, где вместе с кожей с нее сняли сгоревшее трико, чем обречь Александра на объяснения по поводу брака и загубленного съемочного дня.

...Сейчас, шестьдесят пять лет спустя, трудно, конечно, предположить, что именно думала актриса, поджариваясь на раскаленной, как пишет Николаевич, сковородке пушечного ствола. Но ягодицы себе она действительно сожгла, и их долго, почти как позвонок после падения с быка, залечивали. «А первые несколько дней, – невесело шутила актриса, – в туалете орлом сидела».

Такой якобы была расплата за невозможность пересъемки. Ведь «специальный

представитель ОГПУ (М. Кушников) или «соответствующие товарищи в штатском» (С. Николаевич) считал (считали) дубли – не больше трех! – и следил (следили) за тем, чтобы, не дай бог, не было перерасхода закупаемой почему-то на валюту обыкновенной (не «кодак») черно-белой пленки.

Но ни Кушников, ни Николаевич не додумались до того, о чем пишет не обязанный, казалось бы, в силу своего названия стучать краски журнал «Отдохни»: «А перерасход пленки грозил в то время тюрьмой».

Это кому же «тюрьмой» – любимым сталинским актрисе и режиссеру?!

Эта «героическая» история пересказана в последнее время – и теми, кто обожает Орлову и Александрова, и теми, кто, мягко говоря, не жалуется на них, несчетное количество раз. Веры в нее не избежала даже скептическая ко всему Ф. Раневская, поведавшая о «подвиге» Любочки тому же Г. Скороходову. Особенно раздражал, даже возмущал авторов всех пересказов бессердечный, считающий «валютные» дубли представитель ОГПУ!

И только И. Фролов в своей книге об Орловой пытается внести ясность в эти «пушечные» страсти.

«Этот факт взят у склонного на выдумку Александрова, всю жизнь представляющего свою избранницу в самом выгодном свете и переусердствовавшего в этом».

Даже если и были экономия пленки и ограничение дублей, здраво, как профессиональный кинематографист, рассуждает ученик Александрова, «разве не легче ради лишнего дубля пожертвовать несколькими десятками рублей за перерасход, который потом вычтет бухгалтерия из нескольких десятков тысяч режиссерских постановочных, чем поджаривать актрису, да еще жену, на медленном огне?»

Конечно, повторять вслед за И. Фроловым по поводу всей истории «это бред!» мы не рискнули бы: «поджаривание», видимо, все-таки произошло (шутку с «орлом» в туалете просто так, ради красного словца, не сочинишь) Но вовсе не из-за мужниной жадности с экономией пленки страдала Орлова. Так уж получилось, по неосторожности, – то, что называется «травма на производстве».

12

Тот же М. Кушников, рассказывая о всевозможных, от разных людей и инстанций, версиях по поводу закрытия «Скворца и Лиры», называет это «сюжетом в духе «Расемона».

Но роман японского классика вспоминается и тогда, когда сталкиваешься с обилием версий о главном событии в жизни актрисы – ее встрече с Александровым. Сначала, раз уж мы прибегли к его сравнению, версия самого Кушникова.

По ней режиссер и актриса встретились на концерте перед сеансом в кинотеатре «Арс» (там, где ныне Театр им. Станиславского на Тверской). Выступление артистки так якобы потрясло Александрова, что вопрос о ее съемках в «Веселых ребятах» был решен тут же, в «Арсе». Причем пишущий о ней Кушников говорит «Я вспоминаю...», как будто встреча в кинотеатре происходила в его присутствии, и относит ее к осени 1933 года, когда в Гаграх уже всю, с участием Орловой, шли съемки «Веселых ребят». Это, правда, в журнальном варианте. В книге об Александрове и Орловой их встреча в «Арсе» происходит без «я вспоминаю...».

«В антракте, – пишет М. Кушников, – за кулисы пришел администратор, ведя за собой двух неизвестных людей. Один, что постарше, бойко подошел и протянул руку: «Моя фамилия Даревский (тот, что скупал потом бутафорское якобы оружие для антисоветского выступления. – Ю. С.). Мы с киностудии. С «Мосфильма». Позавчера видели вас в «Корневильских колоколах». Очень мило. Со мной режиссер. Он хочет с вами познакомиться».

Высокий молодой человек, в заграничном костюме, ослепительно улыбнулся и слегка наклонил голову: «Александров»...

Такое описание действительно «очень мило». Но разве недостаточно было Александрову, опытнейшему к тому времени режиссеру, просмотра «Корневильских колоколов», чтобы решить вопрос с актрисой и познакомиться с Орловой, раз уж она ему так понравилась, на пару дней раньше?

13

Так, кстати, и описывают это событие художники Кукрыниксы, вернее, один из них, намного переживший двух других и Орлову с Александровым, – Н. Соколов.

Когда зимой 1932/33 года они работали в Доме творчества «Абрамцево» над иллюстрациями к горьковскому «Климу Самгину», Александров там же колдовал с Н. Эрдманом и В. Массом над сценарием «Веселых ребят». По вечерам все обитатели собирались в гостиной, где Александров убажал их под гитару пением привезенных им из-за океана мексиканских народных песен (в том числе «Аделиты», в плагиате с которой «Марша веселых ребят» его потом обвинили, но почти полностью оправдали).

Зная о том, что режиссеру нужна актриса на роль героини, Кукрыниксы посоветовали ему посмотреть Л. Орлову в «Периколе», которую они уже видели, но по просьбе Александрова и не без удовольствия пошли смотреть с ним повторно.

Севший от них с женами отдельно режиссер в антракте подошел.

– Очень понравилось. Пойду знакомиться и приглашать на фильм.

В конце антракта необычайно довольный, даже счастливый, как показалось Кукрыниксам, особенно их женам, Александров вернулся:

– Порядок! Она согласилась! А вам спасибо!

Так что повторно, как Кукрыниксам на «Периколу», режиссеру незачем было ходить «на Орлову» в «Арс».

Верность рассказа Н. Соколова подтвердила его последняя, за неделю до ее кончины, встреча с Орловой в ее палате Центральной клинической больницы, где он в это время оказался.

Актриса благодарила их, Кукрыниксов, за «сватовство», ставшее счастливым не только для кино, но прежде всего для них с «Гришей».

И, будто подтверждая эту версию, Александров через несколько лет после кончины жены признался:

– Сегодня Любовь Петровна приснилась мне... Но не в образе Анюты и не в облике Марион Диксон, а в роли Периколы, в которой я ее впервые увидел.

А если верить еще и племяннице режиссера Г. Карякиной, то кукрыниксовское «сватовство» свелось лишь к тому, что трио художников «устроило ужин с коньяком» и пригласило на него незнакомых еще Александрова и Орлову...

14

Есть еще одна версия, того же Д. Щеглова, по которой Орлова с Александровым встретились сначала как бы невзначай. Когда обративший на нее внимание александровский ассистент не сказал толком, о какой именно роли идет речь и, напаялив на актрису что-то несуразное, потащил на фотопробу. И в тот момент, когда Орлова, расстроенная тем, что ее заставляют делать то, о чем она не имеет понятия, хотела уже покинуть павильон, в него зашел «голубоглазый золотоволосый бог», с появлением которого, как она говорила, «все было кончено».

И хотя «бог» появился на студии совсем по другим делам и практически не обратил внимания на очередную фотомодель (их снималось уже немало для его фильма), Орлова, считает Щеглов, «поняла, что может и будет сниматься только в этом фильме и только у этого режиссера». А уж потом, увидев ее в «Периколе», то же самое, хотя и не столь уверенно, решил Александров. И даже не вспомнил о явно неудачной орловской фотопробе, которую, возможно, ему и не показали, а актриса предпочла о ней не напоминать.

Выходит, расторопный ассистент еще до того, как Александров сам увидел Орлову в «Периколе» (или «Корневильских колоколах») в театре Немировича-Данченко (или в «Арсе»), – раздобыл актрису в ее предыдущем фильме «Петербургская ночь». И здесь одно из двух: или все-таки пришедший в павильон режиссер обращает внимание на выбор ассистента и знакомится с явно не приглянувшейся ему, в неуклюжих костюме и прическе, кандидаткой на роль Анюты. Но тогда зачем ему тратить время, чтобы идти на «Периколу» или в «Арс»? Или,

витая в фантазиях о будущем фильме, Александров действительно не замечает возни ассистента с орловской пробой, и тогда актрисе стоит невероятного труда скрыть радость от обрушившегося на нее счастья: тот, у которого она только и мечтает теперь сниматься, сам находит ее и просит о том же. И хотя Орлова – великая актриса, и скрыть такую радость ей оказалось по силам, все это слишком романтично, чтобы походить на правду...

15

Не менее неудачными оказались, по мнению еще одного автора, О. Абольник, и кинопробы актрисы. Александров готов был уже отказаться от своего выбора. Но его давняя знакомая, документалистка Л. Степанова, пригласила его якобы на «чашку чая». На ту же «чашку» оказалась приглашенной другая степановская знакомая, Л. Орлова. Но, в отличие от Кукрыниксов и по договоренности якобы с последней, догадливая документалистка вовремя, «по неотложному делу», покидает дорогих гостей. А когда возвращается, вопрос об участии Орловой в «Веселых ребятах» был решен однозначно. Эта версия в последнее время стала наиболее модной и почти дословно кочует из публикации в публикацию.

«Уловкой Орловой» – называется, например, пересказ В. Никодимовым этой версии в «Мире новостей».

И наконец – апофеоз! – слух об «уловке» актрисы проникает на сайты в Интернете.

16

Как ни странно, но первым приложил руку к этой неприличной, мягко говоря, версии... Л. Утесов. А все – от неудачи, которая постигла его с попыткой самому выбрать себе партнершу по фильму.

Актер в то время очень дружил домами с жившей там же, в Ленинграде, К. Шульженко. И когда она якобы прослышала о фильме, идея которого принадлежит ее другу, Клавдия Ивановна очень рассчитывала, что будет сниматься с ним в главной женской роли. Утесов, не знавший раньше Александра, решил, что уговорить его снять Шульженко в роли Анюты будет проще простого. Но не тут-то было! Александров стоял насмерть против утесовской протезе. Это не просто со слов, все это теперь публикуется – в книге, например питерского эстрадника Г. Орлова «Свой среди своих»:

«Оно и понятно – на роль Анюты уже была утверждена бывшая балерина (?!), ученица Станиславского (?!) Любовь Орлова, жена Александра (?)"».

А в книге В. Хотулева о самой Шульженко говорится, будто, поняв, что Анюта ей, однажды и не очень удачно снявшейся в немом кино, не светит, Клавдия Ивановна страшно расстроилась, «отчего произошло даже некоторое охлаждение между ее семьей и семьей Утесова».

Последний, обиженный в свою очередь за Шульженко, стал говорить: «Орлова сама пришла на кинопробу и, по свидетельству Александра, он сходу, только посмотрев на актрису, забраковал ее, даже не стал делать пробы. Но она пустила в ход все свое артистическое обаяние и женские чары и добилась своего».

Договорились теперь уже и до того, будто сам Александров приревновал его к Орловой, которую тот якобы привел на съемки «как свою хорошую знакомую Любу».

А «хорошая знакомая Люба» подумала, как пишет «Мир новостей»: «А почему бы ему (Александрову. – Ю. С.) не взять меня?» – и в результате, как называет свой материал «Российская газета»: «Любовь Орлова сама пригласила себя на первую роль».

17

Когда в статье об истории создания «Веселых ребят» я опубликовал обнаруженное в РГАЛИ письмо В. Нильсена М. Штрауху, то уж никак не предполагал, что из некоторых его совершенно однозначных фраз будут сделаны столь многозначные выводы.

Нильсен, например, пишет: «Гриша (Александров. – Ю. С.) на меня зол, так как я, очевидно, мешаю ему изгаляться перед легковверными слушателями. Но мне чертовски надоел весь этот салон с наигранным джентльменством».

И ничего не имеет в виду, кроме того, что умевший интересно и смешно рассказывать Александров теперь, после поездки в Америку, вообще не уставал потешать своими байками «легковверных слушателей». И всем своим видом старался изобразить эдакого голливудского, в «тропическом шлеме и мексиканских штанах», как писал о нем Н. Эрдман, режиссера. И не только внешне, но и в манере общения, чересчур, может, «аристократической», с окружающими. Что и показалось тоже и даже раньше Александрова побывавшему в «заграницах» В.Нильсену «салонном с наигранным джентльменством».

– Оказывается, – догадываются теперь, – «наигранное джентльменство» было в другом – в «общей голубоватости» Александрова, который за 10 лет до этого пребывал якобы в интимной связи с С. Эйзенштейном и теперь, когда эта связь оборвалась, демонстрировал всем, и прежде всего Орловой, свою мужскую самостоятельность.

Оказывается, считает А. Нимко, пишущая о «мифах и легендах Любочки и Гришеньки», В. Нильсен знал об этом наигранном джентльменстве, а «Любочка», 95-летию которой посвящено это «открытие» (эта дата почему-то наиболее широко отмечалась в прессе), «до самого загса не знала об общей голубоватости своего будущего мужа».

А когда, мол, узнала, продолжает приводить слухи А. Нимко, не придавала этому столь принципиального значения, какое бы придавала любая женщина, и лишь бы продолжать карьеру «звезды» с Александровым – согласилась на все.

«Ее ничуть не смутили нетрадиционная сексуальная ориентация будущего мужа, повторяют вслед за Нимко, и его нетрадиционные отношения, с С. Эйзенштейном в частности, что в киношном мире ни для кого не было секретом. Супруги прожили вместе четыре десятилетия, стараясь всегда и везде подчеркнуть, какая они идеальная пара».

...Тут остается только пожалеть, что Орлова и Александров не жили в нынешние времена. Когда знаменитая голливудская пара Николь Кидман и Том Круз каждый раз, стоило только «желтой» прессе заикнуться об их фиктивном, якобы из-за гомосексуальности Круза, браке, тут же подавала в суд и выиграла в общей сложности на этом скандальном деле несколько миллионов долларов.

Впрочем, виноваты не только времена. Во-первых, на Западе отсуживали за подобные иски немалые деньги всегда. Просто в Советском Союзе не было «желтой» прессы, были только «слухи», а на слухи иск не подашь. А если бы и была такая пресса, вряд ли бы она выступила так откровенно, как А. Нимко:

«Зачем променял? (в смысле Александров Эйзенштейна на Орлову. – Ю. С.). Затем, что это связь была порочащая. Зачем она с ним не развелась, когда «наигранность» объяснилась? Затем, наверное, что помнила нищую юность и свое непролетарское происхождение».

Остается предположить одно: вдруг дожидка бы «звездная» пара, хотя бы один из них, до сегодняшних измышлений на их счет: повели бы они себя так наступательно, как Кидман и Круз?

...Но что толку предполагать: в отличие от американских «звезд», Орлова и Александров вступили, оказывается (помимо того, что зарегистрировались в загсе), в чисто деловой союз. «Мужчина и женщина, пишет об этом союзе А. Нимко, – договорились». Тем более, объясняет она этот странный «договор», что «мужчину и женщину мучил страх. Страх остаться безвестными, в бедности, навеки в советском лагере. Или того хуже – в лагере исправительном».

Но о каком страхе «безвестности» могла идти речь в 33-м году? Александров был уже известный, хотя и работавший под началом Эйзенштейна, режиссер. Его – не успел он вернуться из Америки – принимал А. Горький, на даче у которого он запросто беседовал со Сталиным и ублажал слух вождя той же привезенной из-за океана и стоившей ему потом столько нервов «Аделитой».

Л. Орловой, конечно, и не снились такие «беседы» – она-то и в кабинет к своему непосредственному шефу, Немировичу, входила с трепетом. Но была восходящей звездой музыкального театра и любимицей не любимицей, но всячески – и не только, говорят,

творчески – опекаемой тем же Немировичем-Данченко.

А насчет «бедности», которой, якобы, актриса и режиссер боялись не меньше, чем безвестности, то Орлова к этому времени жила уже в номере люкс «Националя», снимаемом в качестве квартиры ее неофициальным вторым мужем работающим в СССР немецким специалистом. И там же, в апартаментах «Националя», начала собирать свою дорогую коллекцию хрусталя, по поводу которой острил С. Образцов и которая так поразила скромную в этом отношении Ф. Раневскую, когда «Любочка» привела в «Националь» своего «Фея», как она называла актрису.

Что касается александровской «бедности» в 33-м, то, судя по тому, что режиссер даже во время съемок «Веселых ребят» не имел, как утверждал его директор, телефона, жил он, наверное, после возвращения из-за рубежа действительно в несколько стесненных условиях, во всяком случае, жилищных, разведясь со своей первой супругой Ольгой Ивановной. Но уж кто-кто, только не Александров в свои 30, со своим неизменным жизненным девизом «все будет хорошо!», стал бы бояться временного затруднения.

Так что «страхи», которые будто бы мучили встретившихся «Любочку и Грищенку», и «договор», который они заключили между собой, – еще одна небылица, которую якобы умышленно приводит А. Нимко. Хотя бы для того, как она говорит, «чтобы было что опровергать». Вот и опровергаем по мере сил...

И наконец, страх № 3: «советский лагерь, а еще хуже – лагерь исправительный». Для него, конечно, были основания: первый, так и не разведенный с ней, муж Орловой, А. Берзин, только и делал, что сидел по лагерям, даже держал дома наготове все для этого необходимое. А ближайшее кинематографическое окружение Александра, как известно, уже через несколько лет оказалось не только в «лагере», но и было уничтожено: Б. Шумяцкий, В. Нильсен, бывший директор «Цирка» и «Веселых ребят» Ю. Даревский...

Но после ареста на съемках «Волги-Волги» В. Нильсена, когда Александрову предложили приостановить работу из-за исчезновения оператора-постановщика, он невозмутимо ответил: «Зачем? Снимать будет Б. Петров (2-й оператор. – Ю. С.). И сегодня и потом». Да и после ареста на съемках «Веселых ребят» Н. Эрдмана и В. Масса творческий процесс создания первого советского музыкального фильма не очень-то застыл.

«Работа наша движется, – писал Александров из Гагр Эйзенштейну, несмотря на бури и волнения, возникшие вокруг нее».

Л. Орлова тоже, как известно, не обнаружила никакого желания соединиться в казахстанских степях – там, где она потом восхищалась сосланный аккуратисткой-немкой, – с А. Берзиным.

Так что, если советского «лагеря» актрисе и режиссеру было не избежать по определению, то оказаться в «исправительном» им не позволили бы собственные слишком осторожные для этого позиции – творческие и гражданские.

18

Число небылиц об актрисе особенно возросло с появлением «Цирка».

Говорили, что если после «Веселых ребят» ей где-то в Европе подтянули кожу на лице, то теперь, уж непременно в Нью-Йорке, Орлову «перетянули» полностью, использовав для этого за громадные деньги кожу шестилетней девочки-американки...

Вообще разговоры о возрасте актрисы сопровождали ее всю жизнь, во всяком случае творческую.

И начались они, как ни странно, с легкой руки того же доброго орловского «Фея» – Ф. Раневской. Которая как-то с присущей ей остротой выражений сказала, что она, старая дура, не воспользовалась счастливой возможностью в начале тридцатых годов, когда с появлением паспортов в них можно было поставить любую, по желанию получавшего, дату рождения.

А вот «Любочка» не упустила такого шанса, говорила Раневская. И скостила себе сразу 10 лет, обозначив годом своего рождения 1905, а не 1895, как было на самом деле, то есть будучи даже на год старше Раневской.

Но даже если следовать арифметике последней, то Любочка скостила себе не 10 лет, а

всего лишь три годика, ибо родилась в 1902-м. Однако «Фей» стояла на своем.

– Фаиночка! – позвонил ей Александров в 1958 году. – У тебя в «Русском сувенире» чудная роль – сплошная эксцентрика. Ты сыграешь бабушку Любочки.

– Гриша, побойся бога! – ответила Раневская. – Мы же с Любочкой ровесницы. Ты подумал, сколько лет должно быть Любочкиной бабушке, доживи она до наших дней?

Александров больше не звонил. А что касается «бабушек», то, перефразируя Раневскую, можно ответить тому же «Отдохни»:

– Побойтесь бога! Вы подумали, сколько лет должно было быть в начале века Ф. Шаляпину, если, как вы утверждаете, с ним «дружили» бабушки десятилетней Любушки?

19

О бесстрашных попытках орловского омоложения – не паспортного уже, а физического – вспоминали даже в связи с болезнью, обрушившейся на теперешнюю любимицу публики Н. Гундареву. Ставшую, как утверждает пресса, жертвой своих слишком многочисленных попыток омоложения с помощью пластических операций. В связи с чем вспоминают, что тон всему, во всяком случае у себя на родине, когда никто из соотечественниц и не помышлял ни о чем таком, задала именно Л. Орлова. И когда она, в который раз «омолодившись», попыталась, будучи 70-летней, сыграть очередную «девушку», да еще разведчицу в последнем фильме Александрова, «Скворце и Лире», то «ехидные дамочки бежали на просмотр этой картины, чтобы убедиться, что никакие александровские ухищрения по омоложению супруги на этот раз уже не помогут» («Комсомольская правда»).

Тут небылица в том, что никуда «ехидные дамочки» в 1974 году не бежали, ибо картина вообще, как известно, не вышла на экран, и никто, кроме киношного и кагебэшного начальства в лице генерала С. Цвигуна, консультировавшего картину, не видел этого «шедевра». А 20 лет спустя, когда «Скворца и Лиру» показали наконец «ехидным дамочкам» 70-х, они сами пребывали уже в таком возрасте, что им было совершенно все равно, как 20 лет назад выглядела 70-летняя Орлова.

А «ехидные дамочки» 90-х сами пустились во все тяжкие со своим омоложением, и не только не уступали в этом первопроходчице Орловой, но и далеко ее превзошли. А некоторые, как Н. Гундарева и считавшая Орлову своим кумиром А. Пугачева, которую тоже едва спасли после ее швейцарского «омоложения», заплатили за это собственным здоровьем.

20

Были небылицы (хоть и немного), которые, ради красного словца, придумывала о себе и сама актриса.

...На встрече с работниками московского завода «Шарикоподшипник» она на голубом глазу рассказывала:

– Когда режиссер Александров дал мне прочесть сценарий «Веселых ребят», я страшно расстроилась. «Страна, – сказала я ему, – строит Магнитку, Днепрострой, возводит Комсомольск-на-Амуре в глухой тайге, а у вас тут козочки, свиньи, поросята – смех!» – «А смех – родной брат силы! – сказал мне тогда Александров».

Вот уж небыль – так небыль! Да могла ли она в 33-м, снявшаяся практически в эпизодах двух фильмов, заикаться о чем-то подобном? Это еще можно предположить, и то с натяжкой – слишком фальшиво звучали бы эти ссылки на Магнитку и Днепрострой в устах опереточной примадонны, героини Лекока и Оффенбаха, – если бы режиссером «Веселых ребят» был не Александров. Но у своего «голубоглазого и золотоволосого» Орлова готова была сниматься в чем угодно и с кем угодно – с теми же невяжущимися, казалось бы, с Магниткой и Комсомольском-на-Амуре козочками и поросятами...

Но на «Шарикоподшипнике» все, о чем поведала «звезда», восприняли – о чем свидетельствует специально вышедшая к ее приезду заводская газета «Энергия» – буквально. И небылица, поведенная актрисой, произвела именно то впечатление, на которое она рассчитывала...

Страна строит Магнитку, Днепрострой, а у вас тут козочки, овечки, поросята! попрекала, якобы, Орлова Г. Александрова по прочтении «Веселых ребят». Смех!

21

«В театр, – утверждают одни авторы, – Орлова вернулась только в 54 года».

То есть не в 1947, как это было на самом деле, а в 1956 году, когда она уже второй сезон играла лучшую свою на драматической сцене роль Лиззи Мак-Кей в одноименной, бывшей в западном оригинале «Респектабельной проституткой», пьесе Ж. – П. Сартра.

С этой пьесой, с ролью Орловой в ней – вообще сплошная путаница. В одной провинциальной газете героиню Орловой называют Диззи Мак-Козэй. Или такое сообщение: «В столице было отмечено сотое исполнение Л. Орловой роли Лиззи Мак-Кей в спектакле «Бегство мистера Мак-Кинли».

Между тем последнее – название сценария Л. Леонова и снятого по нему фильма М. Швейцера.

Да и Александрову заодно с постановкой «Милого лжеца» (автора которого, Джерома Килти, алтайская газета переименовала в «Келти») приписывали – причем не провинциалы, а его коллега, кинорежиссер Г. Рошаль, – и постановку «Лиззи Мак-Кей». На самом деле ее ставила И. Анисимова-Вульф. Причем, считает постановщик трилогии «Хождения по мукам» и «Вольницы», и тот и другой спектакли выдержали... по 500 представлений!

22

Имя Орловой связывали и... с первым фильмом Э. Рязанова «Карнавальная ночь». Якобы молодой режиссер решил – раз уж в центре фильма снова оказался преследующий самодеятельность бюрократ в исполнении Ильинского – снять за компанию с ним еще и пару из «Волги-Волги» – А. Тутышкина и Л. Орлову.

Тутышкин оказался более покладистым и стал изображать влюбленного на старости лет бухгалтера – видимо, оттого, что его музыкант в «Волге-Волге» при подсчете пропущенных оркестром тактов не расставался со счетами.

Орловой же предлагался – но без всякой связи с почтовой сумкой, с которой она не расставалась в роли письмоносицы, – предмет нового тутышкинского обожания: такая же, в возрасте, заведующая библиотекой Дворца культуры.

Сам якобы Рязанов, начинающий режиссер, не осмелился сделать «вечно молодой» звезде такое рискованное предложение и поручил щекотливый разговор ассистентке.

Та оказалась не из робких и, позвонив Орловой, бойко залепетала:

– Хочется по ассоциации с «Волгой-Волгой» снова встретить вас с Ильинским и Тутышкиным.

– Ассоциация – это, конечно, хорошо, – осторожно будто бы согласилась Орлова. – Но что все-таки за роль?

– Понимаете, на карнавальная новогодней ночи вы встречаетесь со своим старым другом, немолодым уже счетоводом Тутышкиным...

Тут, видимо, сидящий рядом Рязанов в ужасе замахал руками – зачем «немолодым»? Но ассистентка уже не могла остановиться:

– Оба вы, как и в «Волге-Волге», увлекаетесь искусством: он читает басни, вы поете. Песенка – прелесть!

Ассистентка попробовала даже напеть действительно очаровательное лепинское «Молчание», но Орлова прервала ее:

– Песенка – может быть... А вот роль... Я не пойму, эта ваша поющая библиотечарша – пенсионерка, что ли?

– Нет, почему же... – попробовала будто ассистентка дать задний ход.

– Ну как же – Тутышкин, вы говорите, немолодой счетовод, на пороге пенсии...

– Вообще да, пенсионерка... – ничего не оставалось ассистентке, как сознаться.

И будто бы сидящий рядом Рязанов в отчаянии взялся за голову, потому что трубку на

противоположном конце провода решительно положили...

Все это, конечно, выдумки. Тем более что Рязанов, судя по тому, что лишь единственный раз в своей обширной мемуаристике заикнулся об Александрове, не испытывал к этому «комедиографу», а следовательно, и к Орловой особого пиетета.

Вспоминая о своем первом, сразу после «Карнавальная ночь», приглашении на кремлевский прием, он пишет:

«Мы с женой тупо торчали, окруженные шикарным бомондом. Неожиданно проследовавший мимо меня кинорежиссер Г. Александров поздоровался с нами (оказывается, он меня знал) и представил нас самому Н. Булганину (тогдашнему премьеру. – Ю. С.), который милостиво пожал нам руки. Я был очень польщен. Но больше с комедиографом Г. Александровым не встречался».

Вот так! Хотя, казалось бы, сам комедиограф...

А Орлова, снимаясь в «Скворце и Лире», вынуждена была все-таки признаться по поводу самой себя:

– Сзади пионерка – а спереди пенсионерка!

Но это почти 20 лет спустя после рязановского якобы приглашения с пенсионеркой-библиотекаршей... И в тот же день, о котором она писала в новогодней газетной рубрике «Предъявите вашу улыбку»:

«Никогда не думала, что таким мелодичным и приятным может показаться милицейский свисток. На днях я спешила на съемку фильма «Скворец и лира» и задумалась. И вдруг – свисток и строгий голос:

– Девушка! Да-да, это я вам говорю! Подойдите-ка ко мне!

Я летела к этому симпатичнейшему из московских милиционеров чуть ли не на крыльях. Он строго козырнул мне и вдруг смутился: захлопал удивленными глазами, видимо, узнал: «Вы не там улицу начали переходить...» Вздохнул и выписал квитанцию. Я ее храню теперь как лучший сувенир старого года, как лучшее свидетельство того, что мы, женщины зрелого возраста, тоже можем успешно бороться с годами, что секрет нашей молодости прост – ежедневный тренаж, режим, диета».

Где теперь эта квитанция-сувенир?..

23

На раннее, доэкранный творчество Орловой существует и такая точка зрения, которую высказал историк кино Е. Марголит:

«Известно, что Л. Орлова крайне неохотно говорила о своем докинематографическом прошлом. Известно, что в первые годы в музыкальной студии В. Немировича-Данченко она старалась не выделяться (можно представить, сколько усилий требовало это при таких безукоризненных данных – быть статисткой в кордебалете, в хоре). До этого она окончила Московскую консерваторию по классу рояля, зарабатывая на жизнь тапером в кино, балетную школу. А до этого – дворянская московская семья, сдружившаяся с Шаляпиным. С такой биографией, с такими анкетными данными в 20-е лучше было, что называется, «сидеть и не высовываться».

Как же «не высовываться», когда Орлова все десять лет, пока не появилась в первом фильме, только и делала, что высовывалась. И занятия – в течение четырех лет! – в хореографической студии Ф. Беаты. И уроки актерского мастерства у ученицы Е. Вахтангова К. Котлубай и мхатовки Е. Телешовой, будущей коллеги и подруги С. Эйзенштейна. Наконец, в театре Немировича, где она якобы предпочитала отсиживаться в хоре и кордебалете, Орлова только и делала, что предлагала что-то новое на сцене. Например, сочетание в одном номере пения и танца, которое, судя по ее письму драматургу Ф. Липскерову, очень даже понравилось «Владимиру Ивановичу». И поэтому, хоть и не стремительная, но карьера в театре – от хористки до героини «Периколы» и «Корневильских колоколов».

А параллельно этому – бурно развитая концертная деятельность актрисы, бесконечные концерты – перед сеансами в кинотеатрах, в провинции, даже «солнышки», как теперь бы сказали, в столице.

Да если бы каждый так «сидел и не высовывался», как Орлова в те годы, то, может, не ей одной быть первой и последней, по существу, «звездой» советского экрана...

24

Еще об одной возможной небылице рассказывает М. Кушников со слов Александрова. И соответственно предупреждает: все это надо воспринимать предельно осторожно, со скидкой на необузданную александровскую фантазию.

...Якобы в Италии они гостили с Орловой на вилле некоего магната, мецената и одновременно любителя кино. Когда вошли в дом, на пюпитре рояля в гостиной (Орлова обещала спеть) вместо нот красовался только отпечатанный в личной типографии хозяина киносправочник с биографиями самых знаменитых артистов. Справочник предусмотрительно был открыт на странице с Орловой. Увидев в нем неизбежный в таких изданиях день и год своего рождения, актриса не удержалась и укоризненно сказала магнату и меценату:

– А я думала – вы истинный мужчина!

Тот якобы страшно смутился. Гости ушли обедать, а когда через два часа вернулись в гостиную, хозяин снова подвел Орлову к роялю, где лежал еще пахнувший краской заново отпечатанный киносправочник. И уже без ее, Орловой, злополучной даты – 1902 год...

25

Еще одну явную байку любил рассказывать режиссер. Будто в пятидесятых годах, при жизни актрисы, молодежь нового южноуральского городка Сибая задалась целью назвать одну из только что отстроенных улиц именем любимой актрисы.

И пробила эту экстравагантную по тем временам идею, несмотря на некоторое сопротивление начальства: при жизни вроде бы не положено. А Героем Соцтруда, в отличие от мужа, Орлова не была, а уж тем более дважды, после чего и разрешались некоторые увековечения.

Но одно условие начальство молодежи все-таки поставило: Орловой вменялось в обязанность ежегодно, хоть по одному разу, посещать Сибай и давать его зрителям бесплатный концерт.

Что она якобы с удовольствием делала, пока более крупное, чем сибайское, начальство не прослышало о «незаконной» улице и не пресекло эту «самодетельность» пошедших на поводу у молодежи местных властей...

26

Смешную историю рассказывала будто бы сама Орлова (со слов кассирши Театра им. Моссовета).

...Однажды в окошко кассы просунулось простое, явно не столичное женское лицо:

– Мне, значит, на «Милую Джесс»... – И женщина протянула деньги на билет.

– «Милая Джесс»? – не сразу врубилась кассирша.

– Ну да, Орлова там...

– «Милый лжец», вероятно?

– Нет, «Джесс».

– Кого ж она там играет?

– Вот эту Джесс и играет.

– Не может быть.

– Как не может, когда она сама пишет, – протянула женщина для убедительности областную газету.

И кассирша пробежала в ней глазами интервью Орловой, где актриса заявляет, что выступит скоро в пьесе Килати «Милая Джесс».

– Килти! – догадалась кассирша. – Конечно, «Лжец». Это про Бернарда Шоу.

– Не про Джесс? – не очень поверила провинциалка. – Ладно, давайте...

27

Что касается «Джесси», то Л. Орлова действительно играла нечто похожее – Джесси в пьесе К. Симонова «Русский вопрос», в паре с Пляттом-Смитом, когда сразу после «Весны» пришла в Театр им. Моссовета.

Необычайно нужная, «животрепещущая» в годы «холодной войны» пьеса Симонова шла сразу в нескольких московских театрах. И, по уверению Александрова, появившись в роли Джесси позже всех из-за занятости на съемках «Весны», Орлова была признана лучшей симоновской героиней из актрис, игравших эту роль аж в семи московских театрах.

В отличие от К. Симонова, Г. Александров считал, что Л. Орлова «переиграла» в «Русском вопросе» не пятерых, а целых семерых московских «Джесси».

Но сам К. Симонов, не принявший, кстати, Орлову в этой роли (может, потому, что для него «лучшей» Джесси могла быть только В. Серова в Театре Ленинского комсомола), в книге «Глазами человека моего поколения» утверждает, что его «Русский вопрос» шел в пяти московских театрах. Так что два театра Александров явно набросил, чтобы победа Орловой над большим числом Джесси выглядела более весомой...

28

Если собрать все, что написано до сих пор о втором «не формальном, но и не фиктивном» (как его называет М. Кушников) муже Орловой, то это действительно имевшее место как бы «замужество» может показаться очередной небылицей. И опять же – Акутагава как в воду глядел! – в духе «Расемона».

...То, что для одних «очевидцев» он «немец», а для других «австриец» еще куда ни шло. Во всяком случае, она общалась с ним по-немецки, которым, говорят, Орлова владела впоследствии в совершенстве.

Но дальше идут куда более принципиальные расхождения. Для одних этот так называемый муж – нэпман, то есть даже не иностранец. Для других иностранец, но не техспец, каким он был, а – бери выше! – дипломат. А для самого Александрова он ни то ни другое и вообще как бы не имеет отношения к Орловой в личном плане.

«Немецкий антрепренер, – пишет третий и последний муж Орловой, обратился к В. Немировичу-Данченко с просьбой отпустить Орлову с ним в Германию: «Я сделаю из нее звезду». Или «зфезду», как, коверкая русский выговор «антрепренера», пишут теперь об этой его просьбе.

Интересно, что версию Александрова о немецком антрепренере повторяют и другие. Еще в начале карьеры, пишет Л. Пустынская, в Музыкальном театре, увидев Орлову в оперетте «Перикола», один немецкий антрепренер пришел к руководству театра с просьбой отпустить молодую артистку с ним: «Я сделаю из нее «звезду». Она отказалась.

Но отказалась не «она», а он, Немирович, потерявший несколько лет назад в Америке оставшуюся там во время гастролей свою позднюю любовь и примадонну театра Ольгу Бакланову. И у него – а именно в Орловой якобы видел мэтр достойную баклановскую замену – хватило, к счастью, ума не отпускать актрису с немецким «импресарио», как он его называл.

...А между тем антрепренер-нэпман – дипломат-импресарио на правах якобы законного супруга покати с Орловой даже в Гагры, где осенью 33-го года снимались «Веселые ребята». И вел себя там, несмотря на очевидный роман своей сожительницы с красавцем-режиссером, предельно корректно. Даже устраивал, будучи, естественно, при деньгах, небольшие вечеринки для актеров и более того – искренно восхищался... Александровым. Но как только почувствовал свою полнейшую неуместность, удалился. Скромно и тихо. «Возможно, не обошлось без невидимых миру слез, – «сочувствует» ему Кушников, – кто знает? Нормальная сложная жизнь».

Другие расценивают поведение немца в Гаграх иначе: «сначала вел себя спокойно, а потом занервничал и куда-то исчез». Впрочем, большинство согласно с Кушниковым: поняв,

что красавчик-Александров окончательно перешел ему дорогу, сожитель актрисы «не стал скандалить, тем паче стреляться».

И, наконец, последнее – дальнейшая судьба немца-австрийца. Одни утверждают, что, вернувшись в родной «Дойчланд», он сгинул там, лишившись своей русской «звезды». Другие, наоборот, как Ф. Оболенский в «АИФ», уверяют, что немец нашел в себе силы все пережить и «сделал во время Второй мировой неплохую карьеру у Гитлера».

Такая вот вроде быль, но настолько противоречивая, что поневоле подумаешь: а был ли «немец»?

29

К «небывальщине» об Орловой можно отнести и одно характерное именно для нее обстоятельство.

Для многих, кто по долгу службы собирает и систематизирует сведения об актрисе, она казалась настолько, видимо, неповторимой, единственной в своем роде, что других актрис (да и не только актрис!) с инициалами «Л. Орлова» для них просто не существовало. Стоило им увидеть в прессе это имя (может, не «Любовь», а «Лидия», «Лилия») и фамилию, как они тут же относили его к предмету своих изысканий и смело заполняли им «орловскую» карточку каталога.

А уж если совпадали все три момента – имя, отчество и фамилия, такую «Л. П. Орлову» – хотя она могла быть Лидия Павловна – непременно выдавали за нашу героиню. В одной солидной, специализированной по искусству библиотеке, в папке об Орловой хранится интервью с ее полной, но ростовской тезкой, артисткой тамошнего театра им. Горького.

«Мы только что закончили работу над пьесой Г. Мдивани «Украли консула», – сообщает ростовская Л. П. Орлова в газете «Вечерний Ростов». – Я играю в ней итальянскую девушку, официантку Лолу, сумевшую сохранить свою чистоту в той грязи, которая ее окружает».

Не хватает только «настоящей» Орловой итальянской официантки, сумевшей «сохранить свою чистоту»!

Впрочем, ростовская Л. П. Орлова сообщает уже о следующей своей роли: «В будущей постановке «Полк идет» (по книге М. Шолохова «Они сражались за Родину») у меня маленькая, но очень характерная, а потому трудная роль».

В другом таком же поименном – на Орлову – списке значится спектакль 1949 года на сцене филиала Малого театра «Тайная война», где тоже «Л», но уже без «П» Орлова блистает якобы среди таких звезд Малого, как М. Жаров, И. Любезнов и др.

Даже в РГАЛИ – Российском государственном архиве литературы и искусства! – «Л. Орлова» значится одной из поздравляющих композитора-академика Б. Асафьева с присвоением ему «высокой награды Родины». Но оказывается... землячкой и ученицей награжденного, ленинградской музыкантшей.

Так в роли «Орловой» побывали даже не подозревавшие об этом три, как минимум, ее однофамилицы.

30

Притчей во языцех стал и пресловутый пожизненный якобы эталонный ремешок с «одной дырочкой», которым Орлова чуть ли не до смертного часа обмеряла раз и навсегда установленный ею для себя объем талии – 43 см. И приходила в ужас, если контрольный ремешок не сходился хоть на один сантиметр...

Другие «измерители» даже завышают планку орловской требовательности к себе и называют этот ремешок 42-сантиметровым. При этом уверяют, что только одна особа перецеголяла в этом плане нашу звезду, обладая талией лишь... в 38 сантиметров. За что и удостоилась якобы чести оказаться в музее восковых фигур крошечного государства Сан-Марино. Но даже если бы Орлова и увидела запечатленный в воске бюст мировой рекордсменки, вряд ли она стала бы укорачивать свой 43-сантиметровый ремешок. Актриса была достаточно консервативна и ни в чем не любила резких перемен: ни в образе жизни, ни в

концертном репертуаре, который не менялся практически десятилетиями.

Тем более что это касалось самого важного для нее – собственной внешности. Она признавала только те рубежи, которые поставила перед собой сама, и никто другой, даже чудачка-рекордсменка, записанная в книгу Гиннеса и отлитая в сан-маринском воске, были ей не указ...

31

Одна орловская «небыль» вообще не укладывается в сознание. Через 10 лет после кончины актрисы, в 1985 году, газета «Советская культура», журнал «Советский экран» и ряд других изданий опубликовали в своих подборках к 40-летию Победы среди прочих откровений военных лет и ее, орловское, датированное 17 августа 1942 года:

«В суровые дни войны перед каждым художником, – писала актриса, – встал вопрос: чем я могу помочь священному делу защиты Родины? Мне, актрисе, казалось вначале, что надо покинуть сцену (почему не экран? – Ю. М.), что сейчас не до искусства.

Я выступала с концертом для рабочих Сталинградского тракторного завода в момент, когда завод недовыполнял свой план. На мое укоризненное замечание руководители заводских общественных организаций уверенно пообещали к следующему моему приезду похвастаться успехами. Посетив несколько других городов, я возвращалась обратно через Сталинград, где вновь выступила на тракторном заводе. Замечательный подарок преподнесли мне рабочие по окончании концерта. Обыкновенное поршневое кольцо, но на нем стоял пятизначный порядковый номер, свидетельствующий, что завод не только выполнил, но и перевыполнил свою программу. Ниже номера были выгравированы слова марша из «Веселых ребят»: «Нам песня строить и жить помогает». Подарок этот мне драгоценен».

Как это понимать? (Вспомните первую часть книги, ее «сакральные», по Д. Щеглову, челябинские кольца). Что, кующие оружие рабочие Сталинградского завода, не зная о подарке довоенных челябинских коллег, сделали то же самое? Что же, бывает, что разные люди преподносят, не зная об этом, одни и те же подарки, и те, кому они предназначены, берут оба, чтобы никого не обидеть. Не могла же Орлова сказать сталинградцам: к сожалению, точно такое же поршневое кольцо я получила еще в 1936 году в Челябинске...

Но «поршневое», да еще с одной и той же песней на подарке, дублирование, прямо скажем, маловероятно. Остается предположить, что газета или журнал 42-го взяли на себя смелость превратить кольцо из мирного в военное, на злобу, так сказать, дня. В конце концов, оба завода тракторные, один имени Сталина, другой в городе имени Сталина – какая, по большому счету, разница?

Но это еще маловероятнее, чем дублирование подарков. Газетчики, конечно, всегда готовы присочинить, но не до такой же степени! Неужели сама актриса, в угоду той же «злободневности», назвала челябинское кольцо сталинградским, а «Советская культура» и «Советский экран» спустя 43 года не знали об ее уральском подарке и о «Правде» 37-го года со стихами В. Гусева?..

32

Одновременно и небылью и загадкой об Орловой выглядит статья о ней во втором (синем) издании Большой советской энциклопедии. Там сказано буквально следующее: «В кино снималась с 1926 года, постоянно с 1933-го». То же самое, слово в слово, переносится на сайт актрисы в Интернете. Насчет последнего согласны: в 33-м актриса снялась в двух, доалександровских еще, фильмах – в не сохранившейся, к сожалению, «Любви Алены» и в «Петербургской ночи» – и начала сниматься в «Веселых ребятах». Но вот что делала Орлова в кино семь лет до этого, с 26-го года? То есть одновременно с тем, как стала актрисой музыкального театра Немировича-Данченко?

Странно, что у нее самой – а это примерно в 1949–1950 гг. – это сообщение не вызвало возражений. Может, действительно какими-то урывками (в отличие от «постоянно с 1933-го») экран и успел запечатлеть ничем пока не примечательную 24-летнюю хористку театра

Немировича? Остается только жалеть, что ни у самой Орловой, ни у Александра мы не уточнили в свое время эти загадочные «энциклопедические» подробности.

33

Д. Щеглов рассказывает еще об одном, вызвавшем у него большие сомнения, предании семьи Орловых. Будто, когда был арестован муж сестры актрисы, инженер С. Веселов, Орлова ворвалась в дом его родственников, покорно воспринявших это обстоятельство, и устроила им грандиозный «и не слишком укладывающийся в рамки ее характера скандал:

– Почему ничего не делается, когда ваш сын и брат (сестрам) в беде?

Не думается, что на такой разнос имела право женщина, в свое время не сделавшая ничего для освобождения своего собственного мужа» (первого – А. Берзина. – Ю. С.).

Это тем более «не думается», если учесть поведение Орловой во время ареста в 1952 году сына Александра Дуга-Василия. Когда ей позвонил муж александровской племянницы Г. Карякиной кинорежиссер А. Усольцев и сказал, что «надо что-то делать», актриса якобы ответила, что делать как раз ничего не надо: «Раз посадили, значит так нужно, Саша!»

Впрочем, в истории с посадкой александровского сына много неясного, чтобы поверить и в это. По одной версии, его посадили в компании с сыном дружившего с Александровым «классика» армянского кинематографа А. Бек-Назарова за читку и распространение нелегального тогда журнала «Америка».

И будто, по версии того же Щеглова, единственный раз навестивший сына в Бутырке Александров-старший, боявшийся, что это козни подбирившегося к нему за что-то Л. Берии, лишь спросил арестованное чадо:

– Ну как, Дуг, ты тут устроился? Тебе ничего не надо?

– Спасибо, папа, ничего, – гордо ответил Дуг, которого спасла якобы только скорая смерть Сталина...

«Она была свободна от параноидального восприятия Вселенной сквозь призму классовой борьбы и в чем-то была единственным нормальным (и при этом не сидящим) индивидом в ненормальной стране 30-х годов».

«Независимая газета».

По другой версии, александровский сын был арестован за гораздо более страшное преступление – подготовку покушения на Сталина: слишком часто он без всякой видимой цели фланировал с друзьями по Арбату – единственной дороге, по которой Сталин ездил с дачи в Кремль и обратно.

И подельщиком Александра-младшего оказался не сын Бек-Назарова, а некий режиссер Л. Чернецов. А когда Александров-отец навестил сына в Бутырке, он тут же попросил якобы начальника тюрьмы разрешить позвонить из его кабинета тому, кого он беспокоил по поводу военного «инцидента» из Риги в 41-м... В. Молотову. Благодаря чему Александра-младшего выпустили, не дожидаясь смерти вождя.

Так что насчет того, как отнеслась Л. Орлова к аресту не очень, надо сказать, обожаемого ею пасынка – тоже большой вопрос. Как, соответственно, и к аресту своего шурина, мужа сестры...

34

«Мадам съела всю пленку!» – жаловался якобы Л. Утесов на Орлову, вернее, на Александра, который ради нее «оттер» его в «Веселых ребятах».

Однако никто никого не «оттирал», и орловская Аня занимает в фильме даже меньше места, чем в сценарии. А на целых три части, – пока Костя попадает в Москву, выступает там, принятый за иностранного дирижера, в «Мюзик-холле», сходится с музыкантами «Дружбы», пока они репетируют, дерутся, участвуют в мнимых похоронах, добираются на катафалке до Большого театра и только здесь, по дороге, сбивают Анюту с ног, – она вообще исчезает из фильма.

Недаром же Орлова, когда высказывали сожаление, что ей удалось сняться у

Александрова только в пяти музыкальных фильмах, еще с большим сожалением поправляла:

– Даже в четырех, потому, что в «Веселых ребятах» Григорий Васильевич еще не поставил меня на место.

Так что какая уж там «съеденная» мадам пленка! Что бы ни говорили те, кто до сих пор сочувствует обиженному, якобы безжалостно «оттертому» и ничем, кроме фотоаппарата, не награжденному (в отличие от ставшей «заслуженной» Л. Орловой и орденосцем Александрова) Утесову!

35

Однажды какая-то странная, испугавшая всех болезнь буквально свалила Орлову с ног на целый месяц, пишет М. Кушников. Она лежала «на Грановского» (как тогда выражались) в больнице для партэлиты. А Александров всех уверял, что это была чья-то... диверсия. Что Орлову пытались ни много ни мало отравить... розами, которые ей преподнесли на концерте не обернутыми в бумагу. Шипы роз были намазаны каким-то сильно действующим ядом, и укол таким шипом чуть не погубил актрису.

Слушавшие режиссера делали вид, что верят, но в глубине души очень в таком коварстве сомневались. Кто мог замыслить такое против любимой артистки? Неужели какая-нибудь завистница из их менее удачливых коллег, Сальери в юбке? Или поклонник, которому Орлова не ответила взаимностью? Наконец, просто психопат-неудачник, который задался целью извести всех знаменитостей?

Но такие маньяки, которые сейчас сплошь и рядом – один, писали, долго охотился и чуть не загубил жизнь столь благосклонной к Орловой Аллы Борисовны, – тогда, в 48-м, вряд ли были в моде...

А что касается уколов от роз, иногда действительно очень болезненных, то в актерском мире это обычное дело. Та же А. Демидова, например, рассказывала, что ей пришлось даже делать операцию на пальце – так дорого обошелся ей букет роз от поклонников. А С. Рихтер вообще никогда не принимал роз от публики – так он боялся за свой главный рабочий инструмент – руки...

36

Г. Александров любил рассказывать и такое. Будто во время войны Орлова ехала в прифронтовой полосе в обществе двух высокопоставленных генералов. Им предстояло пересечь какой-то сугубо охраняемый объект. И дорогу машине преградил усиленный – из двух офицеров – патруль:

– Проезда нет!

– Почему? – высунулся один генерал.

– Приказ! До утра.

– Вы не смеете задерживать, – высунулся сопровождавший актрису второй генерал.

– Ничем не можем помочь.

– Мы требуем! – вышли из машины оба генерала.

И вдруг один из караула – дело было вечером – осветил фонариком сидящую в машине женщину.

– Товарищ Орлова! – узнал он актрису. – Так это с вами?

Не успела та кивнуть, как караул, отдав ей честь, тоном «так бы и сказали!» разрешил генералам:

– Проезжайте!

Генералы только невольно крикнули и всю остальную дорогу молчали.

А когда подъезжали к следующему, такому же, видимо, неумолимому посту, сами молча показали на предусмотрительно пересаженную вперед актрису.

Чаплин пел песни из моих фильмов! любил прихвастнуть Г. Александров.

На фотоснимке наоборот: Л. Орлова поет подаренную ей Чаплиным его знаменитую песню из фильма «Огни рампы».

37

Если при ее жизни сибайская улица им. Орловой не получила права на существование, то «Северяга» из «Волги-Волги», будто бы прижилась. Ее именем назвало одно из своих новых грузовых судов Енисейское пароходство.

И будто бы Л. Орлова была приглашена в Красноярск на торжественный спуск на воду этой «Северюги-2», разбивала о ее борт положенную бутылку шампанского. И будто команда новой «Северюги», перефразируя куплеты лоцмана «Америка России подарила пароход», пела:

Орлова Енисею
подарила пароход.
И с паром, и с машиной,
и очень быстрый ход.

Скорее всего, это легенда. «Северюга-2» действительно существовала, но очень недолго, всего один вечер. В виде бутафорски оформленного под это страшилище из «Волги-Волги» старого речного «толкача», который выделило Московское пароходство «Мосфильму» для участия в водном празднике Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году. Когда по Москве-реке дефилировала целая армада памятных всем исторических судов – от ботика Петра I до «Кон-Тики» Т. Хейердала...

Хорошо помню это, потому что посильным переоформлением «толкача» в «Северюгу», в качестве александровского практиканта на фильме «Человек человеку», занимался я сам.

38

Во время войны, рассказывала мне мать, неожиданно возник и быстро стал набирать силу страшный слух. Будто отсутствие в эти годы новой картины с Орловой объясняется просто: она каким-то образом, проявив свое истинное лицо, сбежала в Германию и всю жизнь там немцам. Будто ее принимал сам Гитлер и оказал всяческие почести.

Все это особенно угнетающе действовало на население оккупированных, потерявших уже надежду на освобождение от немцев районов. (В одном из таких, на Кубани, оказалась и наша семья.)

И якобы, рассказывала мать, немцы разбрасывали с самолетов такие листовки:

«Знаменитая советская кинозвезда Любовь Орлова перелетела в Германию (каким образом – не сообщалось. – Ю. С.) Здесь она получила все, о чем только могла мечтать в Советском Союзе: виллу с бассейном, собственный дом в центре Берлина. Ее навестил сам фюрер и подарил «звезде» личный самолет».

Мать уверяла меня, семилетнего, что одну такую листовку она держала в руках и, не поверив тому, что в ней написано, разорвала. (Думаю, просто опасаясь, что позднее, когда вернутся наши, эту листовку у нее обнаружат.)

Как бы то ни было, фантазия народа разыгралась тогда не на шутку! Некоторые наиболее «осведомленные» говорили о том, что Орлова уже снимается в придуманном фашистами продолжении александровского «Цирка». Где американка Диксон, оставшаяся когда-то по своей неосведомленности и слепой любви к красавцу Мартынову в Советском Союзе, вскоре поняла, какую роковую ошибку она совершила. И бросив русским то, что больше всего ее тяготило, черного ребенка, бежит в великую Германию и здесь находит истинное счастье...

– Вот стерва! – поражались на Орлову те, кто этому верил. – И чего ей здесь не хватало!

И тут же вспоминали знаменитый кадр из «Цирка», выражающий двуликий облик героини и, как теперь казалось, самой актрисы. Будто угадывали, что теперь напридумают об этом досужие критики:

«Природные белокурые (на самом деле не «природные», а перекрашенные из русских. – Ю. С.) волосы Орловой выдают изначальную принадлежность ее героини к миру светлых образов и чувств, то есть к миру советскому. Поэтому знаменитый кадр, в котором актриса с умышленно

приспущенным черным париком, наполовину светлая – наполовину темная, как ничто лучше выдает двойственность ее чувств».

Вот как пронизательны были бабы оккупированных немцами районов!

– Все они, «актрысы», такие! – презрительно меняли другие «и» на «ы».

И, между прочим, они недалеко ушли от «барского» выговора самой актрисы – в «Весне», например, она четко выговаривает: «рЫжиссер».

Самое забавное, что в то время, когда немцы снимали якобы с Орловой «антисоветское» продолжение «Цирка», сам Александров подумывал об его антифашистском продолжении... в оккупированной немцами Калуге. Где губернатором служит тот же... злодей Кнейшиц. В руки которого попадает поехавшая на фронт бригада советских циркачей во главе с Марион Диксон, теперь, наверное, Машей Мартыновой. И сгинуть бы ей и ее товарищам в лапах сводящего счеты Кнейшица, если бы в последний момент не появился во главе десантников всемогущий Мартынов, не освободил циркачей и расправился, хоть и опять не до конца (с прицелом на дальнейшее, уже после войны, продолжение этой эпопеи) с Кнейшицем...

Вот и вопрос: кого первого осенила идея военного продолжения «Цирка» его автора или тех, кто распустил слух об Орловой-перебежнице...

Что касается самого слуха, то большинство, конечно, не верило. Слишком уж он был чудовищным. Но надо сказать, что актриса, не появившаяся за четыре года войны в новой роли («Боевой киносборник» в 41-м мало кто смотрел, «Одна семья», снятая в Баку, вообще не вышла на экран) давала к его появлению некоторые основания...

39

А этому рассказу можно верить, можно – нет.

...Будто во время войны Орлова выступала в госпитале, где лежали тяжело раненые. Почти все без рук, без ног. И задорной «Молодежной» из «Волги-Волги», которой актриса пыталась хоть как-то «встряхнуть» раненых, они аплодировали... костылями.

Воодушевленная даже такими «деревянными» аплодисментами, актриса переводит песню в танец и «наступает» с ним на аккомпанирующего ей гармониста, единственного в палате раненого с руками и ногами.

Однако тот никак почему-то не реагирует на «вызов» актрисы. Она продолжает приглашать гармониста и вдруг, по его замершему взгляду, понимает, что ее аккомпаниатор слеп и не может составить ей «компанию». Собрав последние силы, актриса закончила выступление, но, выйдя из палаты, разрыдалась...

История действительно душераздирающая. Но чтобы вот так, без собственного аккомпаниатора, под гармошку знающего почему-то ее репертуар одного из раненых?..

Но даже если такое и возможно, смущает опубликованное уже после ее кончины на 93-м году интервью с актрисой Е. Мельниковой, игравшей Райку, партнершу Орловой в «Цирке». В котором она рассказывает, что играла перед ранеными с Г. Милляром «Предложение» А. Чехова. Но вместо аплодисментов услышала какой-то стук. И чуть не плача выбежала из палаты.

– Что с вами, деточка? – спросила медсестра.

– Они не хлопают... – разревелась «Райка».

– Что вы! – успокоила ее сестра. – Они вам аплодируют... костылями. У них ведь ампутированы руки...

Такое вот трагическое «совпадение» у обеих героинь веселого «Цирка».

40

Вернувшись с Орловой из поездки на Венецианский фестиваль в 1947 году и превратив ту, с заездом по обратной дороге в Париж, в целое послевоенное европейское турне, Александров делился в прессе богатыми зарубежными впечатлениями. Писал о них в «Правде», «Крокодиле», даже в журнале «Вокруг света».

...Где рассказал о посещении Орловой знаменитых, под Венецией, стекольных заводов в

Мурано и Бурано. Не успела там актриса заикнуться, что в Советском Союзе нечто подобное процветает в городе Гусь-Хрустальный Владимирской области, не успел переводчик перевести ее слова, как одни из венецианских стеклодувов тут же, на глазах изумленной советской «звезды», выдул стеклянного «гуся» и преподнес ей в память о том месте у нее на Родине, где работают его уникальные коллеги.

Все так: и «гусь» был, и хранился в орловской коллекции зарубежных сувениров. Но чтобы так быстро?!..

41

Говорили, что когда С. Эйзенштейна спросили, в чем главная разница между ним и Г. Александровым, он, как всегда и в шутку и всерьез, ответил:

– Когда мы вернулись из Америки, я привез десять чемоданов книг, а Александров – десять чемоданов костюмов.

(Фото, где Эйзенштейн снят на везущем его на Родину пароходе с горой из десяти «книжных» чемоданов, сохранилось.)

Конечно, это шутка, хотя и с долей истины. Однако находились и такие, которые воспринимали слова александровского шефа буквально и к десяти чемоданам режиссерских костюмов добавляли красный американский «бьюик», который он, якобы как В. Маяковский «рено» из Парижа, тоже притащил из-за океана. И потом, сойдясь с Орловой, раскатывал с ней в этом «бьюике» по Москве. Ее так и прозвали – «девушка в красной машине», хотя «девушке» шел уже четвертый десяток...

Но был ли «бьюик» александровской собственностью? Вспоминая о «Цирке», режиссер пишет о нем, но не как о личной машине, а как о весьма экзотичном реквизите, принадлежавшем якобы фильму. И когда по неосторожности красавец-бьюик обо что-то стукнули, шутник В. Володин, игравший директора цирка, ходил вокруг и приговаривал:

– Ах, ах, разбили стекло, американское, небьющееся!..

Так что чем был красный «бьюик» – александровской собственностью, студийным реквизитом или собственностью режиссера, которой за неимением в Москве подобного пользовались напрокат, – неизвестно.

42

В том же, наделавшем столько шума «Блефе во имя триумфа» Ф. Медведев, поленившись дойти до Новодевичьего кладбища и навестить могилы тех, про которых наплел столько небылиц, пишет о том, что последняя жена Александрова, бывшая до этого его невесткой, так ненавидела не пускавшую будто ее на порог Л. Орлову, что когда помер и Александров, она в слепой ненависти к его предыдущей жене «раскидала» их могилы по разным углам Новодевичьего.

Зато И. Изгарышев в «АИФ», проливший, как ему кажется, некоторый свет на причину нелюбви Орловой к жене александровского сына, озвучивает «внуковские» слухи о том, что Галя была «по совместительству» и любовницей отца, и внук режиссера, Григорий Васильевич Александров-младший, является одновременно и его сыном.

Но постоянный «аифовский» автор точен, в отличие от Ф. Медведева, хотя бы в одном: могилы актрисы и режиссера не в разных концах кладбища, а в одном месте, напротив друг друга – через тропинку. Так что хотела этого невестка-жена Александрова или нет, но в этом есть какой-то тайный смысл: скромные, высеченные на могильных плитах барельефы режиссера и актрисы как бы вглядываются друг в друга через кладбищенскую дорожку...

43

Бывает, что каждая из характеристик, данная человеку его благодарными или не очень потомками, по-своему верна, даже остроумна. Но, сложенные вместе, – особенно если их

великое множество, – они делают образ того, кого характеризуют, чем-то уж совсем непохожим на оригинал.

С Л. Орловой это случилось как ни с каким другим, даже самым прославленным советским артистом. Из современных – за последние 10-15 лет характеристик, даже формул, выведенных по поводу ее личности и творчества, можно сложить многостраничный список. Приведем десяток первых, пришедших на память:

1. «Орлова – это Марлен Дитрих + советская власть».
2. «Домработница с Красной площади».
3. «Сказка о самой себе».
4. «Приключения Золушки в стране большевиков».
5. «Примадонна сталинского экрана».
6. «Гранд-дама сталинского экрана».
7. «Всенародная Золушка».
8. «Невенчанная первая леди великого государства».
9. «Астральная жена Сталина».
10. «Мона Лиза советской эпохи».

Забавно, что «Мона Лиза» великого Леонардо является знаковым изображением, таким экслибрисом серии «Женщина-миф», в которой в издательстве «Москва-Олимп-Смоленск-Русич» вышла книга Щеглова об Орловой «Любовь и Маска».

И еще характерный нюанс: ровно половина этих характеристик связывает артистку с образом вождя всех народов. И это тоже звучит небылью, если поверить тому же Щеглову и его рассказу об истинном отношении актрисы к «этому мерзавцу» Сталину.

44

Самое интересное, что о многих небылицах, которые рассказывал о супруге Александров, она и понятия не имела. Большинство из них были, правда, совершенно безобидны. Так что если бы Орлова и узнала о них, она ничуть бы не обиделась на супруга.

...Вот при первой же встрече с назначенным на его фильм «Человек человеку» вторым режиссером А. Бобровским Александров говорит ему:

– Кстати, Любовь Петровна просила передать вам свой привет!

«Я опешил, – признается Бобровский в воспоминаниях, которые мы уже цитировали. – Мне? Привет? Не издевается ли мэтр?»

Я смотрел ему в глаза и ничего не мог в них прочесть, кроме честности и преданности. Честности ко мне и преданности Любови Петровне».

И А. Бобровского, впоследствии известного режиссера, автора «Возвращения «Святого Луки» и других остросюжетных фильмов, можно понять. Ко времени разговора с Александровым он успел лишь дважды побывать «вторым», опять же режиссером, на картинах такого же, курсом раньше, герасимовца С. Самсонова: «Попрыгунья» и «За витриной универмага». Так что «приветы», которые «звезда» передавала «второму режиссеру», никак не укладывались в его скромном сознании. Тем более что на фильм ее мужа он опять, в третий уже раз, был приглашен «вторым» и до собственной карьеры и будущей известности ему еще далеко. Особенно Бобровского поразило дальнейшее:

«А маэстро еще добавил:

– Любовь Петровне очень нравятся ваши фильмы.

Теперь на меня уже валился потолок.

– Да? Гм... Спасибо... большое...

Александров испытующе смотрел на меня, в его глазах читалось: «Ну, молодой человек, видите, как мы вас ценим!» И мне даже казалось, как его левый глаз таинственно подмигнул мне. Я глупо улыбнулся:

– Передайте, пожалуйста, Любови Петровне поклон от меня.

– Непременно. Она будет очень рада!»

45

Никакому «поклону» от наверняка неизвестного ей Бобровского Орлова «рада» не была. Просто потому, что он ей не передавался. Но даже если бы она узнала, что сама передавала Бобровскому «привет» и тем более что она «любит» его несуществующие пока фильмы, вряд ли такая безобидная неправда обидела бы актрису. В конце концов, если Александрову это нужно, чтобы сходу, с первой же встречи, расположить к себе молодого сотрудника, Бог с ним, пусть передает ее «приветы», даже «поклоны» хоть своему осветителю...

Но вот если бы Любовь Петровна спустя некоторое время узнала, что только непогодой удалось Александрову оправдать назначенный и отмененный в далеком Ангарске ее концерт, она бы не на шутку рассердилась. Ее концертная деятельность ограничивалась, как правило, европейской частью Союза, максимум Западной Сибирью и Казахстаном.

И ни о каком концерте, во всяком случае встрече с ее почитателями, объявленной в сентябре 1957 года в далеком Предбайкалье, она понятия не имела. А дело, как описывает тот же А. Бобровский, происходило так.

«В Ангарске понадобилась массовка в 3000 человек, смотрящая якобы концерт едущих через Сибирь участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Чтобы ее собрать, договорились с начальником местного клуба устроить в воскресенье на центральной площади концерт местной самодеятельности и привлечь народ.

– Замечательно, – одобрил эту идею Александров. – Когда будете объявлять по радио, скажите еще, что перед ангарчанами выступит Любовь Петровна.

– Разве она приезжает?

– Нет, нет. Но все равно скажите, и народу набегит побольше.

– Но народу, если от «набегит», нужно будет еще объяснить.

– Это я беру на себя, – весело улыбнулся «шеф».

...А в утро съемки полил проливной дождь. Когда Александрову заикнулись насчет того, что придется отменить съемку, он безмятежно улыбнулся.

– Не волнуйтесь. Сейчас который час?

– Уже половина одиннадцатого.

– Могу вас успокоить: без четверти двенадцать дождь прекратится, а в час дня полет снова. Но у нас будет достаточно времени, чтобы все снять.

Мы с оператором С. Вронским даже не улыбнулись на его шутку и вышли.

– Я вижу, наш Александров большой шутник! – только теперь рассмеялся оператор.

...К началу съемки Александров пришел на площадь и обратился к собравшейся, несмотря на дождь, массовке:

– Дорогие друзья! К моему великому сожалению, вынужден сообщить вам, что Любовь Петровна не может сегодня выступить перед вами. Ей помешала нелетная, как вы сами видите, погода. Она, как и мы, ждет солнышка в аэропорту. Но она специально позвонила, чтобы сказать, что всех вас очень любит и шлет вам свой пламенный привет.

Толпа загудела, отчаянно зааплодировала, раздались счастливые возгласы:

– Передайте ей тоже привет от нас!

– Как она себя чувствует?

– Чувствует она себя отлично, настроение замечательное, мечтает побывать у вас в гостях.

Ваш привет ее сильно обрадует...

И тут, к нашему удивлению, небо стало светлеть, и дождь заметно стих. Вронский посмотрел на меня, я на него, оба мы взглянули на часы: было без десяти минут двенадцать! Ровно в 12 дождь вообще прекратился. И в течение часа съемка прошла безукоризненно: танцоры выступали на «бис», публика была в восторге, а в десять минут второго снова полил дождь. Съемка кончилась. Успели снять все.

Александров победоносно улыбнулся в нашу сторону. Мы были полностью посрамлены».

Вряд ли Александров поведал об этой лихой ангарской мистификации супруге. Ибо одно дело – передача ее «привета» неизвестному ей Бобровскому, а другое – тысячам жителей Ангарска, которые искренно поверили в ее приезд и под проливным дождем собрались на встречу с актрисой. И в ее вынужденную – благо полил дождь! – отмену. А если бы спасительный дождь не полил, как бы тогда выкручивался ее хитроумный муженек? Он бы,

конечно, нашел выход из любого положения... Но она терпеть таких «всенародных» обманов не могла и, если бы Александров все-таки рассказал ей об Ангарске, наверняка отчитала бы режиссера и попросила впредь таких манипуляций с ее добрым именем не производить. Не хватало ей потерять его только из-за того, что где-то в Ангарске массовки «набежало» в два, даже в три раза больше. Уж чем-чем, а своим добрым именем в народе актриса дорожила...

46

В Тбилиси вышедшую после концерта Орлову ждала огромная «грузинская» толпа. Кое-как, с помощью окруживших ее с обеих сторон администратора и аккомпаниатора, актриса добралась до машины и, только забравшись в нее, почувствовала себя в относительной безопасности.

Но тут случилось самое неприятное. Машина никак, несмотря на все усилия донельзя сконфуженного водителя, не заводилась. А толпа, окружавшая машину, радовалась тому, что ей выпал шанс провести с Орловой лишнее время.

– О господи! – взмолилась актриса. – Как же долго это продлится!

И когда администратор уже вылез из машины, чтобы идти звонить о ее замене, та же толпа, которая так пугала актрису, спросила его, в какую именно гостиницу ее нужно доставить. Администратор, не очень понимая, что имеется в виду, ответил.

– Садитесь! – сказали ему. – Через час будете на месте.

«Почему через час? – подумал администратор. – Ведь до гостиницы четверть часа езды...»

Тем не менее его почти запихнули в машину, а шоферу велели «только крутить».

И навалившись на машину в несколько сотен рук, толпа покатила ее в нужном направлении. А всем находившимся в ней – Орловой, двум ее спутникам и шоферу – ничего не оставалось, как подчиниться.

Улицы в Тбилиси – не ленинградские проспекты, и на пути в гостиницу оказалось несколько довольно крутых подъемов. Но тут на подмогу толпе энтузиастов бросались поставленные в известность о знаменитой пассажирке машины встречные.

Как бы то ни было, но машину с Орловой и ее спутниками экспрессивные тбилисцы докатили якобы до гостиницы даже на несколько минут раньше, чем обещали...

47

Чем только не становились «Веселые ребята», вернее, название этого фильма. И «эскадрилья» из двух истребителей «ЛА-5», построенная на средства джаза Л. Утесова, была названа «Веселыми ребятами» (прямо на фюзеляжах обоих ястребков красовалось название фильма!) Кстати, они нанесли врагу немалый ущерб, сбив, по одним подсчетам, 21 самолет, по другим – 19.

И острая, еще до «перестройки», телепередача, быстренько, кстати, прикрытая начальством, «Веселые ребята». И вокально-инструментальный ансамбль под управлением П. Слободкина, в котором опять же начинала А. Пугачева и который оркестровал давшую старт рождению следующей после Л. Орловой советской «звезды» песню «Арлекино».

Наконец, в 60-х годах в Москве, на улице Горького, кажется, существовало довольно долго кафе «Веселые ребята».

Ни Орлову, ни Александрова на его открытие не пригласили – может, они отсутствовали в Москве. Но актриса, говорят, не удержалась и в один прекрасный вечер зашла в кафе имени своего фильма.

Причем сделала это инкогнито, напялив парик и огромные черные очки. Никто, конечно, не узнал народной артистки СССР, и публика продолжала плясать под модные тогда ритмы.

И якобы неожиданно сидевшая за угловым столиком и попивавшая кофе немолодая женщина вошла в общий круг танцующих и стала одна, без партнера, отплясывать, ничем не уступая тогдашней – 60-х годов – «тусовке». Сначала на нее не обращали внимания: ну, развлекается «старушка», и бог с ней. Но потом, когда «старушка» стала выделять фортеля,

которые примитивно топтавшейся на месте молодежи и не снились, танцующие, освободив для нее место в центре, стали наблюдать, что вытворяет неожиданная гостья.

Однако «старушка» вовремя заметила этот маневр и тоже остановилась. К ней подошел администратор «Веселых ребят», поблагодарил за доставленное удовольствие и попросил представиться.

– Это лишнее, – сказала будто пожилая танцовка и, поблагодарив за гостеприимство, так и неузнанная, покинула кафе «Веселые ребята».

Ее исчезновения, как и прихода, никто не заметил – все опять сомкнули ряды в танце. Только сидевший так же – один – пожилой мужчина подошел к администратору.

– Вы меня извините, но, по-моему, эта дама была не кто иная, как Любовь Орлова.

– Почему вы так решили? – побоялся поверить в это администратор.

– В каком-то смысле я ее коллега. Так что уж поверьте моему актерскому чутью.

– Что же вы раньше не сказали! – застонал администратор, и с его якобы слов эта история стала известна...

48

Гомерический смех вызывала в «Веселых ребятах» утесовская благоглупость по поводу того, что же Венере Милосской (статуя которой то и дело падала ему на руки, потому что ее дергала привязанная корова во дворе) 8-го марта делать: рук-то нет, голосовать нечем?

Спустя 25 лет, когда Александров вздумал переозвучить фильм, эта благоглупость оказалась единственной, по которой прошла цензура. И Утесов, уже голосом дублировавшего его В. Трошина, говорил:

– Что же такой женщине на ферме делать: рук-то нет, коров доить нечем.

А тогда, в 34-м, ржали именно из-за глупости шутки: 8 марта Международный женский день, в который никто никого не выбирал и ни за что не голосовал. Просто, как это повелось, в годы «развитого социализма» собирались в Большом театре. И уже позднее, когда существовал уже и Кремлевский Дворец съездов, в Большом – там не так официально, «по-женски» уютно. Избирали президиум во главе с Политбюро и зачитывали минут на 40 («больше, я думаю, не надо», как говорил Огурцов в «Карнавальная ночь») доклад о роли женщины в построении коммунизма.

Обычно докладчицами выступали высокопоставленные правительственные или «общественные» дамы – Е. Фурцева, В. Николаева-Терешкова и др.

А однажды в роли такой восьмимартовской докладчицы выступила Л. Орлова и довольно выразительно прочла написанный и, естественно, тщательно отредактированный текст. Александров, внимавший каждому ее слову, говорил потом, что «Любочка снова, как 30 лет назад в «Веселых ребятах», покорила Большой театр». И будто доклад ее попросил сделать лично Леонид Ильич. Судя по тому, как тот во главе вставшего президиума приветствовал докладчицу, актриса оправдала доверие генсека...

Я сам был на том торжестве и тоже стоя приветствовал обожаемую актрису и докладчицу. Но до сих пор не очень верю в то, что подвиг ее на это «лично Леонид Ильич»...

49

Не очень до сих пор верится и в то, что, прежде чем играть почтальона по прозвищу Стрелка в «Волге-Волге», Орлова, как она рассказывала, а за ней все, кто об этом писал, «вживаясь в образ», разносила почту по домам москвичей.

Это что же: приходила в почтовое отделение, просила снабдить ее какой-то партией корреспонденции и шла по квартирам? И это делала всегда преследуемая толпой поклонников Любовь Орлова, которая, не боясь быть узнанной (не в парике же она ходила и не в черных очках!), сама заявлялась к этим поклонникам в гости. Ведь, узнав ее, вряд ли кто-нибудь отпускал знаменитую «почтальоншу» просто так, без того чтобы не затащить в дом или хотя бы тут же, у порога, не выразить ей свои восторги.

А главное, зачем ей это было нужно – изучение нехитрого почтальонского дела? Понятно,

в следующей картине, когда перед тем, как непосредственно в кадре изображать труд текстильщицы, актрисе пришлось пройти курс обучения этому. Но в «Волге-Волге» почтальон Стрелка никакой почтовой деятельностью не занимается, разве что вручает единственную, так вдохновившую и одновременно огорчившую Бывалова телеграмму о вызове его в Москву для показа художественной самодеятельности. Не ходила же она несколько дней по домам москвичей, чтобы понять, как именно, какой рукой, «по-почтальонски», вручить телеграмму Бывалову?

«Усы» из соломы у Стрелки актрисе подсказал снимок сельской почтальонши, шагающей в поле среди колосьев.

Единственная покоряюще-правдивая деталь во всем этом – «усы», которые делает себе Стрелка, прежде чем плясать перед Бываловым, и которые пришли на ум актрисе, когда она увидела в одном из журналов снимок сельской почтальонши, шагающей в поле, среди колосьев.

В общем, насколько документально точен, почти запротоколирован (да это и на экране видно!) курс ткацкого обучения актрисы, настолько сомнительно прохождение ею почтальонского «техминимума».

50

Если верить одной из баек профессора эстетики А. Борева (их сбором он параллельно со своей научной деятельностью занимался всю жизнь), то дело было так.

После просмотра «Весны» Сталин, благодухествуя, сказал:

– Вы не возражаете, товарищ Александров, если товарищ Жданов сыграет нам что-нибудь из вашей картины, а мы с Любовью Петровной потанцуем?

«Товарищ Александров», конечно, не возражал. А. Жданов что-то сносно, на слух, заиграл из «Весны», а Сталин далеко не так «сносно» повел Орлову в танце.

В то, что действительно музицирующий Жданов мог на слух подобрать что-то из мелодий только что увиденного фильма, можно поверить, хотя и с трудом. Но чтобы представить танцующего в свои 68 лет Сталина – для этого надо иметь слишком большое воображение...

И потом – что именно мог танцевать вождь (даже если бы умел!) из александровского фильма? Не «Марш» же на слова С. Михалкова, который служит ее лейтмотивом, и не «Журчат ручьи», под который даже опытному танцору трудно подобрать ритм. Остается только знаменитая «Заздравная», под которую обычно вальсировали гости в начале праздничных телевизионных «Огоньков». Но даже вальсирующего под «Заздравную чашу» вождя представить трудно...

51

О недолгом – в 30-х – увлечении Л. Орловой спиртным рассказал, не приведя этому никаких доказательств, пока только один автор – знающий все про всех Ф. Роззаков в своем многотомном «Досье на звезд».

Якобы этой пагубной страсти, внезапно обрушившейся на знаменитую актрису, способствовала именно эта ее «знаменитость» – бесконечные встречи и банкеты в честь «звезды», особенно в провинции.

С которых она якобы все чаще стала возвращаться в совсем непотребном виде. Александров, не пьющий сам, терпел это очень недолго, а потом решительно поставил супругу перед суровым выбором: кино или вино?

Так, кстати, вернее почти так, «Кино и вино», назывался сценарий обожаемого им В. Маяковского.

После чего, пишет Ф. Роззаков, Орлова подумала-подуямала и выбрала все-таки первое: «кино». Для которого, выходит, Александров и спас любимую народом актрису.

Но, во-первых, являться «поддатой» ему на глаза Орлова не могла: они всегда, на всех приемах, были неразлучны; их иначе и не приглашали.

Во-вторых, помимо строгого по этой части мужа, была сверхстрогая во всех отношениях маменька, Евгения Николаевна. Да актриса сгорела бы со стыда и сразу бы зареклась от

спиртного, если бы «маменька» хоть раз увидела ее в столь плачевном виде.

Другое дело – провинция, по которой моталась Орлова с концертами, где местное начальство считало за честь закатить в знак пребывания «звезды» прием, на котором вино лилось рекой.

Но вот противоречащее роззаковскому свидетельство М. Кушнирова, долгое время, в отличие от автора «Досье на звезд», знавшего актрису:

«Случалось, что она принимала приглашения местной власти отметить ее пребывание банкетом, ужином, посещением местного театра, прогулкой на катере, небольшим пикничком на лоне природы. Но случалось такое очень нечасто, ибо никогда ей это не было в охотку – всегда против желания».

А можно ли «против желания», «не в охотку» пристраститься к спиртному, как об этом пишет Ф. Роззаков?

52

«Потом посыпались Сталинские премии – за все подряд», – утверждает А. Нимко по поводу фильмов Александрова и Орловой.

Во-первых, далеко не «подряд». За «Светлый путь», как мы говорили, на который они возлагали столько надежд, но который понравился Сталину меньше, чем «Волга-Волга», режиссер и актриса не получили ничего.

«Пролетела», непонятно почему, и Сталинская премия за «Весну». Это было обидно не только ее авторам, но и зрителям. До того обидно, что они не постеснялись послать Александрову, читавшему в Политехническом музее лекцию «О современной кинокомедии», записку: «Скажите, тов. Александров, почему ваш фильм «Весна» не получил Сталинской премии?»

Неизвестно, что ответил на такой обидный вопрос режиссер и стал ли вообще отвечать. Во всяком случае, «записку» он не уничтожил: она до сих пор хранится в РГАЛИ.

Вот вам и «за все подряд»!..

Как после этого поверить в сталинский танец с Орловой после «Весны»? Не мог получивший такой кайф вождь отказать любимой актрисе в лишней лауреатской звездочке с собственным профилем.

Между тем зритель, как и А. Нимко, хотел, чтобы было именно так: «подряд». И в том же 1948 году, во время гастролей Орловой в Таллине, местная пресса назвала ее «трижды лауреатом Сталинской премии». В то время как, снимаясь тогда неподалеку, в Калининграде, во «Встрече на Эльбе», после которой она станет наконец дважды лауреаткой, актриса могла продемонстрировать таллинской публике, если бы хотела, тот же единственный, за совокупность «Цирка» и «Волги-Волги», лауреатский значок...

Вот кто действительно награждался «за все подряд», так это И. Пырьев с М. Ладыниной. И когда Орлова с Александровым не были даже дважды параллельная им «звездная пара» была уже четырежды, а потом, за «Кубанских казаков», и пятижды лауреатами. (У самого Пырьева лауреатских наград было даже шесть.) Недаром про них острили: «Десять лауреатов в одной постели...»

А Орлова и Александров так и остались «дважды» (или, переводя на «постельный» язык, четырежды). И хотя Кушниров пишет в скобках («еще один лауреатский знак») по поводу «Композитора Глинки», они его просто не успели получить: за 10 дней до момента ежегодного объявления сталинских лауреатов того, чьим именем была названа премия, не стало....

53

Апофеозом небылиц об Орловой и Александрове можно считать слух, который гулял о них со слов того же Ф. Медведева:

«Временами они будто проваливались в преисподнюю, исчезая буквально от всех: от родных и друзей. Просто закрывались на все замки, занавешивали окна, отключали телефон, отпускали прислугу. Чем они занимались в одиночестве, никто не знал. Одни говорили –

предаются медитациям, другие курят опиум и возвращаются в безумно счастливую молодость, третьи утверждали, что они пишут какой-то немыслимый тайный роман-сценарий, в котором Любочка превзойдет и М. Пикфорд и М. Монро, и, конечно же, якобы, занимались любовью и только ею. Мистически эрото-поклоннически, тибетски. С непотребно райским наслаждением...»

Тут, как говорится, без комментариев! Недаром сам Ф. Медведев признавал после публикации этого в «Мире новостей»:

«Боже, что тут началось! Звонки, ругань, угрозы: как я посмел поднять руку на гордость советского кинематографа (как будто до него это не делали десятки других! – Ю. С.)! Как я посмел сказать правду! Пришли письма с проклятиями в мой адрес».

Однако все, как всегда, обошлось... Может, от «расправы» журналиста спасло то, что он не раз в том же «Мире новостей» каялся за то, что себе позволил, и в конце концов, после беседы с «профессором красоты», как он ее называл, актрисой И. Мирошниченко, тоже не одобрявшей его откровений об Орловой, признался:

«Я уже начал сомневаться: прав ли я в своих претензиях (к Орловой. – Ю. С.). Собственно говоря, какие могут быть претензии к молодящейся женщине, если она ни твоя жена, ни любовница и вообще отделена от тебя завесой времени?»

А потом и вовсе пришел к выводу, что миф не так уж легко разрушить, как ему казалось: «На самом деле даже современные знаменитые личности видятся как будто в кривом зеркале, что уж говорить о потомках...»

Допустим, что многие из тех, кто проклинал Ф. Медведева, простили ему его «Блеф во имя триумфа». Но как тогда они должны воспринять утверждение того же «Отдохни» (назовем, наконец, его авторшу – Ладу Акимову):

«Судьба сама написала для Орловой и Александрова пьесу, в которой им предстояло играть всю жизнь. Если бы были ремарки автора, то в них можно было бы прочесть то, что они никогда не были мужем и женой, а только партнерами по работе. То, что у Александрова была личная тайна (имеется в виду его «общая – по А. Нимко – голубизна». – Ю. С.), узнав о которой Орловой ничего не оставалось, как смириться с судьбой. Она находила утешение в работе, в зарубежных поездках».

Как же можно – разведут руками читатели «Мира новостей» и «Отдохни» не будучи мужем и женой, «заниматься любовью и только ею»? Да еще «мистически, эрото-поклоннически, тибетски. С непотребно-райским наслаждением»?

54

«Она брала на себя управление страной, когда Сталин замирал на узком диване Ближней дачи, – описывает И. Полянская феномен всесильности тогдашнего обаяния актрисы. – Она подняла в небо его сына Василия и разлучила с женихом его дочь Светлану, любимое дитя всей нашей страны».

Тут обобщения относительно всесильности орловской славы явно преувеличены. Насчет «сына Василия» – куда ни шло. Но как могла актриса поступить так со Светланой, не вылезавшей якобы молоденькой из дома Орловой и Александрова – так она обожала, вместе с отцом, кстати, фильмы «звездной» четы. И чуть ли не упросила папочку наградить Орлову вторым орденом Ленина. Отец, хоть и обожал актрису, не сразу, считая, что пока достаточно и того, что она имеет, пошел навстречу своей «хозяйке», как он называл еще любимую тогда дочь. Однако, чувствуя свою власть над папаней, «хозяйюшка» якобы раскапризничалась, и Сталин нехотя, но подписал Орлову на второго «Ленина».

Интересно спросить саму здравствующую, слава богу, Светлану Иосифовну: так ли было на самом деле? А главное, как намекнула ей насчет второго «Ленина» возжелавшая его якобы Орлова? Ведь не 15-летней же девчонке, какой была тогда, а может, и моложе, дочь вождя, пришло такое в голову?

55

Автор посвященного Александрову диплома киноведческого факультета ВГИКа, удостоенный за него премии журнала «Киноведческие записки», А. Дерябин считает, что во «Встрече на Эльбе» американская шпионка Шервуд в изображении Л. Орловой пела на балу в офицерском клубе некие «апокалипсические» (о неминуемой, видимо, третьей мировой. – Ю. С.) куплеты).

На самом деле Орлова там не пела, а лихо в свои сорок семь отплясывала модные тогда «буги-вуги» на музыку... А. Цфасмана. Сначала с янки-партнером, подвергавшим ее обязательным переброскам через себя и прочим акробатическим трюкам. А потом, когда и офицеру-партнеру такое стало не под силу, «заведенная» Шервуд не могла остановиться, вскакивала на рояль и в полном одиночестве выделявала на его крышке такое, что даже издававшие виды американские сенаторы, присутствующие на балу, открывали рты...

Не мог не оценить чисто спортивного мастерства актрисы и Сталин. Однако он сказал режиссеру:

– Вам только кажется, товарищ Александров, что вы обличаете здесь американский образ жизни. На самом деле вы его активно и, к сожалению, талантливо пропагандируете.

Угроза в пропаганде «американщины» подействовала на режиссера якобы так отрезвляюще, что в фильме не осталось не только танцующей «буги-вуги» Орловой, но и бала как такового.

Так что все-таки делала Орлова во «Встрече на Эльбе», пока ее не убрал тов. Сталин? Пела «апокалипсические куплеты», танцевала «буги-вуги» или выделявала еще что-то непотребное. В любом случае всего, чего ее лишил в этом фильме Сталин, было актрисе так жалко, что, к удивлению поклонников этой картины, она называла ее своей «самой нелюбимой».

56

И еще раз Ю. Борев, собиратель «сталинского фольклора». Теперь он уверяет, что во время просмотра фильма «Чайковский», где героиня Орловой торгуется с музыкальным издателем о цене за сочинения своего великого брата, Сталин, имея в виду запросы самой актрисы, попросту ее жадность, недовольно буркнул:

– Эта своего не упустит!

Может, и «буркнул». Но, во-первых, у Чайковского, как известно, была не сестра, а брат, Модест, известный либреттист. А ничем не выдающаяся сестра, Людмила Шестакова, была у другого великого композитора, М. Глинки. И в александровском фильме «Композитор Глинка» она действительно торгуется с издателем Гурскалиным за каждый, как он их называет, «пустячок» своего великого брата.

А о постановке фильма «Чайковский» с непременно фон Мекк – Орловой Александров только мечтал. Но именно Сталин, навязав ему второго по счету после снятого пять лет назад фильма Л. Арнштама, но цветного (!) «Глинку», отнял якобы эту возможность.

Так что на чем именно Сталин «буркнул» – на «Чайковском» или «Глинке» и «буркнул» ли вообще, – большой вопрос...

57

Казалось бы, какое отношение имеет драматург Л. Зорин к Орловой? В картинах по его сценариям она не снималась, в спектаклях по пьесам Зорина не участвовала. Ан нет – и он туда же!..

«В конце января (1975 года. – Ю. С.) театр прощался с Л. П. Орловой, почти уже не выходящей на сцену», – пишет Зорин в книге своих мемуаров «Авансцена».

О прощании с актрисой драматург вспоминает лишь потому, что с Театром им. Моссовета его связывает в это время затяжная, возглавляемая Ю. Завадским, тяжба с министерством культуры за постановку зоринской пьесы «Самозванка» – о печально знаменитой княжне Таракановой, роль которой ждет не дожидется сыграть М. Терехова.

Но драматург не только упоминает о печальном, совпавшем с борьбой за «Тараканову»

событию, но и делает из него далеко идущие и сомнительные выводы:

«До завершения советской эпохи осталось почти 15 лет, и все-таки смерть Л. Орловой была не только уходом артистки, концом человеческого пути – в ней ощущался и некий символ, предвестие главного финала: то был, если можно так сказать, пролог уже зреющего эпилога. Ибо Орлова была не столько звездой советского киноэкрана, сколько притягательным мифом, сумевшим загримировать действительность; она воплотила собой ту иллюзию, которая, утверждая режим, стала его жизненно-стойкой витриной».

По Л. Зорину получается, что огромная, растянувшаяся в тот холодный день от площади Маяковского до площади Восстания очередь желающих проститься с Л. Орловой была очередью на прощание с «прологом уже зреющего эпилога». Не слишком ли много желающих для прощания с эпохой, которая, судя по его мемуарам, так не устраивает драматурга?

Из письма Л. Орловой Ф. Раневской:

«Вы и я выпрашивали роли, которые кормят театр. «Лиззи Мак-Кей» протолкнула Ирина Сергеевна (Анисимова-Вульф)...

«Нору» (протолкнул) Оленин, ее репетировали как внеплановый спектакль...

Приказ на «Лжеца» я вырвала почти силой у Завадского...

«Сэвидж» подарили мне вы».

«Жить стало лучше, жить стало веселей», – бросил Сталин, улыбаясь в усы», – перепевает Л. Зорин в 97-м сказанное-пересказанное. – Террор обретал еще больший размах, шли зарешеченные поезда, гоня на Восток человечье мясо, еще не забылся голодомор, свирепствовавший на Украине, и все-таки население ВЕРИЛО, что жить стало, пожалуй, и лучше и, разумеется, веселей. Парады, спартакиады, декады национального искусства (благодаря одной из них, азербайджанской, бакинский вундеркинд Леня Зорин стал известен в Москве.Ю. С.), банкеты в Кремле, ордена и медали, и всюду она – Любовь Орлова, простые, прекрасные черты, желанная, близкая и далекая, сначала девушка нашей мечты, чуть позже женщина нашей мечты, из всех рупоров летит ее голос на крылышках музыки Дунаевского и скромно зарифмованных строчек Лебедева-Кумача, внушая, что наша нищая жизнь на самом краю кровавой бездны – это доставшаяся нам радость и материнский дар любимой и любящей Революции».

То, что Зорин сравнил Орлову, «девушку нашей мечты», с одноименной девушкой Марики Рёкк, первой бы только польстило: во всяком случае, так лихо отплясывать, как немецкая «звезда», она не умела. И не знала, кстати, что пела с М. Рёкк дуэтом, потому что, как утверждает И. Полянская, «дуэтом» тогда пели вожди их стран: Сталин и Гитлер. И что после, когда один из вождистского дуэта сгинет, она изгрызет «трофейную» М. Рёкк своими крепкими, еще тогда белыми зубками...

А что касается «крылышек» музыки Дунаевского, то на этих «крылышках» вылетела и «Песня о Родине», музыка которой (помешало только несерьезное название фильма, в котором она звучала, – «Цирк») чуть не стала новым гимном России, и «Песня о Москве», которая стала гимном Москвы.

«А говоря об «оптимистической простолудинке», которую изображала Орлова на экране, Зорин пишет:

«Между тем в реальности Любовь Петровна была вполне голубых кровей, умело соблюдала дистанцию, дворянский сдержанный стиль общения не только со своими гостями, но и с красивым изысканным мужем. То, что Орлова и Александров, эстетически и социально далекие и режиму и среде обитания, стали певцами и выразителями, опознавательными знаками этого строя и этой среды, словно поддерживало триумф последних.

И быть может, в том, что однажды Завадский пригласил в свой театр Л. Орлову, лежало неосознанное им ощущение некоей общности судеб. Обоим выпал печальный удел – не только признать, не только вписаться в исходно чуждую им жизнь, но и украсить ее собою, своим дарованием, обликом, статью».

Тут уважаемый драматург допускает сразу три неточности. Во-первых, «эстетически и социально далекий режиму Александров»... Не знаем, насколько «эстетически», хотя почему бы быть «далеким» такому режиму сыну екатеринбургского железнодорожника, не знавшему, как свидетельствовал В. Шкловский, в 20 лет ни одного иностранного слова? А что касается

«социально», то стал бы столь «далекий» Александров помогать С. Эйзенштейну снимать «Стачку» и «Броненосец «Потемкин», совместно с ним ставить «Октябрь» и «Старое и новое», наконец, самостоятельно – «Пятилетний план» и «Интернационал»? Только ли конъюнктуры ради?

Во-вторых, – о приглашении Ю. Завадским Л. Орловой. И. Фролов, например, считает, что фильм «Весна» был своеобразным штурмом Александровым и Орловой приглянувшегося им престижного театра. Ведь на картине работали его ведущие мастера: режиссер И. Анисимова-Вульф, актеры Ф. Раневская и Р. Плятт. А потом за компанию с ними «вернулась» в театр и Орлова...

И последнее – об ощущении Ю. Завадским «общности своих судеб с Орловой». Оно не помешало ему за почти 30 лет работы Орловой в театре занять ее всего в пяти спектаклях. Последнюю, шестую, роль «миссис Сэвидж» ей «подарила Ф. Раневская. Так что последние 27 лет Орлова работала в театре с точно такой же «производительностью», как Александров в кино: он с 43-го по 73-й год снял шесть фильмов, она с 47-го по 74-й год сыграла в театре шесть ролей...

Об этом и обо всем остальном писала актриса в своем последнем письме той же, не очень обожаемой Завадским, Ф. Раневской:

...Как подло и возмутительно сложилась наша творческая жизнь в театре. Ведь Вы и я выпрашивали роли, которые кормят театр. Ваша «Тишина» (спектакль «Дальше – тишина...» – Ю. С.), ваша «Сэвидж», которую вы мне подарили. «Лиззи Мак-Кей» протолкнула Ирина Сергеевна (Анисимова-Вульф. – Ю. С.), Нору – Оленин, ее репетировали как внеплановый спектакль. Приказ на «Лжеца» я вырвала почти силой у Завадского с помощью Никонова (директора театра. – Ю. С.).

Мы неправильно себя вели. Нам надо было орать, скандалить, жаловаться в министерство. Разоблачать гения с бантиком и с желтым шнурком и его подругу (соответственно Завадского и В. Марецкую, которая «перехватила» «Сэвидж» у Орловой во время ее отсутствия на съемках «Скворца и Лиры». – Ю. С.).

Но у нас не те характеры. Достоинство не позволяет».

...Где же здесь «ощущение общности»? А между тем интеллектуалу Зорину вторит «дамское» «Отдохни»: «Неважно, что в одних стенах Раневская и Марецкая. Будет и Орлова (это насчет приглашения последней в театр. – Ю. С.). Как ни странно, но примы никогда не ссорились».

Тем не менее «сразу же после панихиды по Орловой Завадский почувствовал недомогание, – пишет Л. Зорин. – Скорее всего, смерть Любове Петровны пробила весьма серьезную брешь в его защитных приспособлениях. Решено было, что он ляжет в больницу. Но прежде чем отправиться в Кунцево, он написал письмо министру, – не столько письмо, сколько мольбу ускорить отправку заветной бумаги (разрешения на ту же зоринскую «Самозванку». – Ю. С.)».

58

В последние годы, говорят теперь, чувствуя, как неважно она выглядит, Орлова терпеть не могла прессы, которая жаждала встречи с «живой легендой» советского кино. Наконец одному, наиболее настырному журналисту она все-таки уступила и согласилась на интервью с ним. Но с непременным условием: журналист будет общаться с «живой легендой» только через мелкую, разделяющую их сетку. Журналисту так, видимо, приспичило это интервью, что он согласился бы не только на «мелкую сетку» – на берлинскую стену, которая бы отделяла его от актрисы. Лишь бы услышать от нее хоть что-нибудь на тщательно заготовленные, процеженные через ту же «сетку» собственной цензуры вопросы.

59

В последние годы за Орловой стали замечать и такую ничем не объяснимую странность. При встрече с кем-то, пораженным, как великолепно она выглядит, актриса все время

поглядывала на часы. И как только они показывали, что стукнул час после начала их randevu, актриса под любым предлогом немедленно исчезала и уже не возвращалась, сколько бы те, с кем она так мило общалась в течение часа, ни задерживались во Внукове или в Москве, на Бронной.

Секрет такого «почасового» поведения актрисы был и прост и одновременно жутковат. Оказывается, прежде чем в эти годы показаться кому-то на глаза, актриса накладывала на лицо какой-то чудодейственный, привезенный за сумасшедшие деньги из-за границы крем, который делал ее неотразимо молодой... ровно на час. После этого действие чудо-средства кончалось, и актриса выглядела еще старше, чем до его применения. Отсюда и ее исчезновения после определенного срока «выхода на люди».

Бред, конечно, если учесть, что в театре, например, она не могла лимитировать свое пребывание на сцене одним часом. Может, повторно прибежала к чудо-средству в антракте, но вряд ли оно было рассчитано на «многократное» применение.

Хотя неумолимое «Отдохни» настаивает: «Спектакли ставились с таким расчетом, чтобы актриса могла вовремя оказаться в гримуборной»...

Не знаем, как в остальных спектаклях, но как бы Орлова могла покинуть сцену и добежать до гримерной в «Милом лжеце»? Где всего два действующих лица, и одному Б. Шоу просто нечего делать без партнера, П. Кэмпбелл, потому что он только и делает, что зачитывает свои письма ей или выслушивает послания от нее. И если бы Александров, который ставил этот спектакль, знал о насущной необходимости супруги вовремя, по минутам, освежать грим, он вряд бы взялся за столь «неудобную» для нее постановку...

60

«Поломойка Морозова» – так почему-то назвал героиню «Светлого пути» один рецензент. Нигде, ни у хозяйки, ни на фабрике, куда Татьяна подалась после нее, она полы не мыла. Только мела на фабрике и то – для начала, в качестве разнорабочей.

Но и в метле, которую ей вручили в первый рабочий день, жившая в Лондоне наша соотечественница киновед М. Энценсбергер тут же узрела первый «фаллический» символ», обретенный Татьяной. Потом такими же символами стали, по мнению М. Энценсбергер, ткацкие станки, к работе за которыми приступила «поломойка Морозова». А это уже совсем странно. Если метла – это хоть нечто вертикальное (и то, когда ее держат), то принять за «фаллические символы» горизонтально стоящие в цехе ткацкие станки?! Тем более в таком диком количестве, до которого довела их Морозова в погоне за рекордами...

61

– Закройте рот! – настоятельно рекомендовали якобы Орловой военные моряки, спустив ее в трюм корабля во время прерванного концерт актрисы на палубе налета вражеской авиации.

Рот надо было держать плотно закрытым для того, чтобы не контузило от слишком гулких залпов корабельных зениток по немецким самолетам.

– Закройте рот, а то контузит! – уже приказали моряки и, видя, что в грохоте пальбы это элементарное правило безопасности не доходит до перепуганной насмерть актрисы, не постеснялись и сделали это принудительно. Сжав рот актрисы реками, они держали его в таком положении до тех пор, пока атака врага не была отбита и оглушающая стрельба не смолкла.

Казалось бы, что небывалого в такой ситуации? Но стоит только вспомнить, как театрально смешно, рассказывая об этом, изображал Александров и сжатые твердой морской рукой губы актрисы, и ее ошалелые при этом глаза, как начинает казаться, что это все-таки очередная, обогащенная его фантазией байка, сотворенная из того, что в какой-то степени, видимо, было...

62

Теперь почему-то считают, что целиком заимствованный якобы у Марлен Дитрих из ее «Голубого ангела» цилиндр на Орловой в «Веселых ребятах» был еще и... «красным» в черно-белом фильме 1934 года.

«Даже цилиндр, атласный цилиндр, в котором она пела финальный зонг, был взят напрокат из гардероба Марлен Дитрих».

...Александров, действительно, памятуя свой опыт ручной раскраски каждого кадрика победного красного флага в финале «Броненосца «Потемкина», хотел сделать кое-что «красным» и в «Веселых ребятах». Но не цилиндр факельщика катафалка на Л. Орловой, а... физиономию Л. Утесова, которая буквально, в кадре, «краснеет» от стыда, когда колхозники распинают его за скандал со стадом в пансионате.

– Как же я стану «красным» в черно-белом фильме? – не понимал Утесов.

– Не волнуйся, у меня есть кое-какой опыт по этой части, – смеялся Александров.

Однако опыт «Потемкина» на этот раз не пригодился: сцена «колхозного суда», как комикующая колхозные порядки, была убрана из фильма Сталиным. А в чьем воображении цилиндр стал «красным» на голове Орловой, сейчас уже и не припомнишь...

Даже цилиндр, атласный цилиндр, в котором она пела финальный зонг...

63

Когда во времена хрущевской оттепели («В сыри и хмари которой, – писал Александров, – запотели объективы наших камер») имя Сталина сравнительно ненадолго оказалось не в чести, Орлова вспомнила, как в свое время именно одесские руководители от культуры – те самые, что на всю страну осрамили ее в статье «Недостойное поведение», – заставляли ее в «Песню о Родине» из «Цирка» непременно вставлять куплет с новым текстом: «Золотыми буквами мы пишем / Всенародный Сталинский закон».

«Но я пою песни из фильмов, – возражала вроде бы актриса, – а в этом фильме, до принятия Сталинской конституции, таких слов не было, их дописали потом». Однако ее не слушали: и «Фишманы», и несогласные с их попустительством актрисе Подгорецкие стояли на своем, и о «всенародном Сталинском законе», скрепя якобы сердце, приходилось петь за те же 3000, а иногда и за 3300, которые удавалось актрисе «урвать» за концерт...

Есть и другой более жесткий вариант этой ситуации. Будто неумолимое в финансовых и цензорских делах одесское руководство поставило Орловой ультиматум: или она поет «Песню о Родине» с допиской Кумача, или не поет вовсе. И непреклонная якобы актриса выбрала второе: в одной из публикаций это называется даже «Как запретили «Песню о Родине»...

Но не лукавила ли она, рассказывая об этом Г. Скороходову? Не она ли сожалела, причем публично, в печати, что не смогла спеть этих «слов величия и славы» в фильме, что они появились только полгода спустя после выхода «Цирка» на экран?

«Никогда не забыть мне эпизода, – писала актриса, – случившегося в дни исторического Чрезвычайного 8-го съезда Советов, когда тов. Сталин в Кремлевском дворце делал доклад о проекте Конституции СССР. Вся страна слушала великие слова (которые, между прочим, и запечатлевал в это время в Кремле на пленку Александров во главе целой армии документалистов. – Ю. С.). В. И. Лебедев-Кумач в тот день был болен. Слушая доклад тов. Сталина по радио, я решила позвонить ему:

– Василий Иванович! У вас радио работает, вы слушаете?

– Да, про болезнь забыл! Я слушаю и запоминаю каждое слово.

Но самое замечательное, что сразу после доклада, не успели еще остыть лампы радиоприемников, поэт дописал новые стихи «Песни о Родине»:

За столом никто у нас не лишней,
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский закон.

Так что насчет того, что актриса пела о «Сталинском законе» «не в охотку», из-под палки,

очень даже сомнительно. Ведь она вдохновила, можно сказать, Лебедева-Кумача на эту дописку...

64

Если к мнению И. Фролова мы уже прибегали, как к наиболее трезвому, то в данном случае оно тоже сомнительно.

Он утверждает, что роль Лидии Сомовой в пьесе А. М. Горького «Сомов и другие» Орлова, недолго поиграв, «подарила» той же ездившей на целину с «Миллионом улыбок» и ее лекарствами Л. Шапошниковой. Именно «подарила», ибо отказ от роли «повлек бы за собой оргвыводы». И сделала это потому якобы, что не захотела участвовать в пьесе о «врагах народа».

Кто тут больше злится: Л. Орлова, не желающая играть в пьесе А. Горького о «врагах народа», или ее героиня, Лидия Сомова невзлюбившая свою тещу в исполнении Ф. Раневской?

Что значит «не захотела», если она играла несчастную Лидию не один раз подряд, даже пыталась, пишет М. Кушников, вспомнив свою консерваторскую практику, разучить скрябинскую «Прелюдию», которую скучающая в сомовском доме Лидия играет на сцене. Актриса что же, не прочла предварительно написанную в Сорренто в ответ на «шахтинское дело» в СССР пьесу Алексея Максимовича? В финале которой за ее мужем, инженером-вредителем, являются сразу четыре огепеушника и «за компанию» с ним арестовывают еще несколько проштрафившихся спецов?

Несомненно, Орловой было что вспомнить по части ОГПУ. Если за ее мужем по сцене (которого она, кстати, давно не понимает и не любит) оно является однажды (и, видимо, «навсегда»), то за мужем самой Орловой, А. Берзиным, в те же, кстати, годы ОГПУ, мы уже говорили об этом, являлось неоднократно. И в прихожей их квартиры в Колпачном переулке, пишет Д. Щеглов, «всегда стоял специальный чемоданчик со стандартным набором арестантских вещей». Который, добавим в порядке «черного юмора», в отличие от «счастливого» потом гастрольного чемоданчика актрисы таковым не был.

Правда, в отличие от привыкшей к таким «отлучкам» супруга Орловой, ее горьковская героиня, пораженная арестом хоть и нелюбимого, но мужа, пытается тут же, на глазах ОГПУ, покончить с собой, и ее еле удерживают от этого.

И вообще, судя по прессе, Орлова отнюдь не ненавидела свою несчастную героиню, наоборот, всячески соперничала ей. Давний, еще по «Веселым ребятам», поклонник Орловой и Александрова «известинец» М. Долгополов писал:

«Большой интересе представляет работа Л. Орловой над образом Лидии жены Сомова. Она вышла за него замуж, потому что у нее «не было другого выхода», но, совершив этот поступок, Лидия продала себя. Умная, стремившаяся к знаниям, мечтавшая о труде девушка (между прочим, «девушке» по пьесе 27 лет, а игравшей ее Орловой было за 50! – Ю. С.), попав в семью хищника Сомова, превратилась фактически в рабыню, в вещь Сомова. Актриса нашла интересные краски для раскрытия противоречивых черт характера молодой женщины. Мимика Орловой предельна выразительна, отточены каждое движение, каждый жест актрисы. Наиболее интересна в ее исполнении сцена с инженером Яропеговым, в которой Лидия узнает правду об окружающих ее людях.

Артистка хорошо передает смену настроений Лидии, ее стремление к простой и чистой жизни, искреннюю тягу к учительнице Арсеньевой, ее глубокое разочарование в семейной жизни, в любви.

Своей игрой Орлова заставляет зрителей верить в то, что ее Лидия задыхается в атмосфере грязных и морально нечистоплотных людишек. И покидаешь зрительный зал с верой в то, что Лидия такая, какой ее рисует Горький и какой ее играет Орлова, станет иной, пойдет рядом со своей подругой, учительницей Арсеньевой» (а та, естественно, – «за советскую власть». – Ю. С.).

Так неужели понадобилось несколько десятков (не знаем, сколько именно сыграла их Орлова) спектаклей, чтобы актриса вспомнила, наконец, тяжелый собственный опыт по части арестов мужа и отказалась от его изображения на сцене? Да еще в пьесе своего

ангела-хранителя, спасшего, можно сказать, ее «Веселых ребят» А. М. Горького?

65

По поводу этого «спасения» тоже не все ясно. Во время съемок в 1937 году «Волги-Волги» плавучая александровская киностудия причалила в Горьком. И со знаменитым режиссером и актрисой сочла за честь встретиться редакция местной газеты «Горьковская коммуна» (об этом вспоминает служивший тогда в ней рядовым журналистом будущий главный редактор «Советской культуры» А. Романов). Александров, желая потрогать землякам великого писателя, рассказал им, как тот, по существу, спас всеми отверженных к тому времени «Веселых ребят», как уговорил посмотреть их Сталина, после чего, как известно, они были подняты на щит...

А спустя 30 лет, когда Г. Скороходов сообщил Орловой о своей «редчайшей» находке отзыва писателя о фильме в архиве Горького, она очень этому, будто впервые услышанному, обрадовалась, особенно словам классика о себе лично: «Как хорошо играет эта девушка!»

И в связи с этим была не так уж безразлична к картине «Центрнаучфильма» о себе и Александрове, как это мы писали со слов Д. Щеглова. Не желая показываться в нем сама, она упрашивала сняться в фильме того же Скороходова.

– Да с чем же? – не понимал тот.

– Ну хотя бы с той же вашей горьковской находкой о «Веселых ребятах»...

Но, опубликовав все это в главном в свое время оппоненте «Веселых ребят» – «Литературной газете», Скороходов, кажется, ограничился этим...

66

Как и о немце-нэпмане-дипломате-антрепренере и пр., о «шютке» Сталина, которой он однажды (а может, и не однажды) поверг в шок «звездное» семейство, существует столько всяких вариантов, что начинаешь уже сомневаться, мог ли вообще вождь так «шютить».

...В книге Д. Щеглова перефразирован и дополнен рассказ самого Александра:

«Сталин... после приема пригласил группу особо избранных – В. И. Немировича-Данченко, И. Москвина, В. Качалова и некоторых других на очередной просмотр «Волги-Волги».

Александрова посадил рядом с собой. По другую сторону Немировича-Данченко. В какой раз Сталин смотрел этот фильм? В двадцатый? Сорок восьмой? Во всяком случае, он знал наизусть все реплики и, давясь хохотом, хлопая Александрова по колену, обращался то к нему, то к принужденно улыбавшемуся Немировичу:

– Сейчас Бывалов скажет: «Примите от этих граждан брак и выдайте им другой!»

Был ли это тот самый просмотр, когда Сталин, раздраженный отсутствием Орловой, которая и дальше старалась избегать подобных мероприятий, решил отпустить одну из своих фирменных палаческих шуток, – не отрываясь от экрана, он прошептал на ухо Александрову: «Если с этой женщиной что-нибудь случится, мы вас расстреляем...» И, упиваясь произведенным впечатлением, без паузы продолжал свои веселые комментарии.

...А вот как выглядит та же «палаческая» шутка в книге Ю. Борева «Из жизни звезд и метеоритов»:

«Сталин спросил Орлову:

– Тебя муж не обижает?

– Бывает, но очень редко.

– Скажи ему, что если он будет тебя обижать, мы его повесим.

Стоявший рядом Александров засмеялся:

– За что, товарищ Сталин?

– За шею! – мрачно пояснил вождь».

Сталинская угроза расправиться с Александровым за Орлову мелькала еще в нескольких

публикациях. В «Огоньке» за 1992 год, например, в статье С. Николаевича «Последний сеанс, или Судьба белой женщины в СССР».

«Белая женщина», естественно, Орлова. И обеспокоенный ее видом вождь даже в шутку не дает актрисе сослаться на мужа-режиссера:

«Он что, вас не кормит?» И, не дождавшись ответа, веселым шепотом обещал: «А вот мы его расстреляем».

Теряешься, право, в догадках! Что именно инкриминировал Сталин Александрову – абстрактное «если с этой женщиной что-нибудь случится» (Д. Щеглов), семейное «тебя муж не обижает?» (Ю. Боров) или совсем уж бесчеловечное «он что, вас не кормит?» (С. Николаевич)?

Но наконец-то – слава богу! – истина в первой инстанции. Ибо, как уверяет М. Кушников: «Слово это, за достоверность которого я ручаюсь, ибо все нижесказанное досталось мне из первых рук, то есть от самой Орловой, было изречено на праздничном кремлевском приеме незадолго до войны. К Орловой и Александрову, удостоенным привычной чести быть гостями торжества (чувствуете разницу с утверждением Д. Щеглова о чуравшейся якобы кремлевских сборищ Орловой? – Ю. С.), подошел человек в форме и попросил их подойти к товарищу Сталину. Сталин стоял в другом конце зала с очаровательной юной таджичкой – то ли солисткой танцевального ансамбля, то ли начинающей балериной, – улыбался и, когда, актриса с мужем приблизились, лукаво сказал:

– Вот, не верит, – он скосил глаза на таджичку, – что я знаком с самой Орловой! Хочу доказать, познакомить, если нет возражений...»

Затем, отчески оглядев «звезду», промурлыкал сочувственно: «Какая маленькая! Какая худенькая! Почему худенькая? Почему бледная?»

Желая отшутиться, Любовь Петровна кивнула на Александрова: «Вот виновник! Замучил съемками: ни дня, ни ночи...»

Сталин грозно-шутливо сдвинул брови и поднял указательный перст:

– Запомните, товарищ Александров! Орлова – наше народное достояние! И если вы будете ее мучить, мы вас жестоко накажем. Мы вас повесим, четвертуем, а потом расстреляем из пушек. Кулик! – Сталин обернулся к новоиспеченному маршалу, стоящему неподалеку. – Где твоя артиллерия, которая не стреляет на маневрах?»

Не правда ли, какая прелестная разноголосица, как вольно все авторы трактуют один и тот же, имевший, видимо, место факт! И какое, в конечном счете, недоверие такой «факт» вызывает у тех, кто читает это все подряд...

67

Небылицей об Орловой выглядят и крайние, отрицающие друг друга точки зрения – а теперь это, к сожалению, чуть ли не основной фактор в жизни творческой личности – на сексуальность народной артистки СССР.

Вот что считает по этому поводу «МК»:

«Орлова – отечественный аналог Мэри Пикфорд, космополитическая красавица, даже в сарафане выглядевшая пришлицей из Голливуда.

Но холодная красота Орловой была весьма асексуальна. Та же Мэри Пикфорд гораздо живей и привлекательней».

Это с одной стороны. А вот журнал «ОМ» в 1996 году, в связи со столетием кинематографа, провел опрос своих читателей на ту же животрепещущую тему: кого из отечественных актрис они считают наиболее сексуальными символами, как теперь принято говорить, российского кино? И на первое место в этом опросе неожиданно вышла при всей ее «асексуальности» и «холодной красоте» Л. Орлова. А уж за ней следуют А. Вертинская, Вера (несмотря на свою фамилию) Холодная и прочие царские, советские и российские секс-символы... И еще исключают друг друга оценки. В. Белоусов в «Космополитен» считает:

За пасьянсом.

– На экране она была красива, кокетлива... и бесполоа. Если М. Дитрих была знаменита своими романами, то Л. Орлова – идеальным браком, перетекающим в творческий союз. Ее

подлинная женская сущность прошла мимо нас – растворилась в эпохе и стала символом советских тридцатых плодovitых и бесполоых».

А тот же Ф. Медведев – надо отдать ему хоть в этом должное – пишет, что «Орлову считали самой сексуальной советской актрисой. Высценаризованное Александровым оголенное бедро или округленную коленку Любови Петровны (насчет «бедра» не помним, а «коленка» действительно красовалась на первом плане в одной из сцен «Светлого пути». – Ю. С.) – зрители с замиранием сердца и пульса принимали за эталон обольщения».

Так все-таки сексуальна или асексуальна была народная артистка Советского Союза?

68

А вот небылица так небылица!

Будто, если звонок Сталина Орловой раздавался, когда актриса почивала, то вождь долго извинялся, просил актрису не беспокоить и осторожно, будто боясь разбудить ее на другом конце провода, опускал трубку.

И это при том, что маршала Г. Жукова, своего первого зама во время войны, Сталин, по воспоминаниям полководца, требовал будить в любой час дня и ночи. Даже если маршал не спал до этого несколько суток...

Скажут: да, для дела, тем более такого, стратегической важности, маршала можно и нужно было будить. А даму по пустякам (а звонок Сталина Орловой наверняка, по сравнению с «жуковским», был пустячным) можно и не беспокоить.

Но кто поверит, что домашние, и прежде всего Александров, узнав, кто звонит, осмеливались сказать, что Любовь Петровна изволит почивать, а не бежали сломя голову будить актрису? Тоже, может быть, только прикорнувшую после бессонной ночной съемки, которые тогда были сплошь и рядом?

69

Не менее впечатляет другой «сталинский» эпизод в жизни актрисы. Будто влюбленный в «Волгу-Волгу» вождь пожелал сфотографироваться со всей киногруппой, создавшей такой шедевр.

Строго в назначений час все были в Кремле и, выстроившись в каре вокруг одного-единственного стула, предназначенного Сталину, ждали появления вождя.

Сталин вошел, увидел один стул, ни слова не говоря направился в соседнюю комнату, принес оттуда второй стул и, поставив рядом со «своим», пригласил Орлову сесть рядом. Польщенная такой честью актриса вышла из общего каре и составила Сталину компанию. Видя такое дело, не удержался и Александров. Он тоже покинул ряды стоявших и, будто имитируя старинную фотографию, улегся, опершись на локоть, «у ног владыки» и собственной супруги. Всех, включая Сталина, режиссерская мизансцена развеселила, кремлевский фотограф – не будь дурак! – воспользовался моментом, и фотография получилась на славу...

Все, может, и так... Только где она, эта «веселая» фотография? То, что она не осталась после Орловой и Александрова, понятно: их огромный архив стараниями, говорят, родни вообще пошел по ветру. Но ведь, кроме них, на фото наверняка запечатлены И. Дунаевский и В. Лебедев-Кумач, В. Володин и А. Тутышкин, И. Ильинский и М. Миронова. Неужели никто из них не воспользовался – когда это было возможно и одобряемо – случаем и не «прихвастнул» публикацией такого снимка? Остается только надеяться, что он сохранился в так и не «распечатанном» до конца архиве самого Сталина...

70

Еще одна «военная» небыль об актрисе...

Будто из Сочи ее надо было срочно – не дай бог, и сюда нагрянут «фрицы» – вывезти.

Для этого к актрисе был прикомандирован высокий морской чин: адмирал не адмирал, но

что-то около того.

И предложил ей, Орловой, покинуть город... на лодке.

– На лодке? – не поняла она, когда он пришел к ней с этим предложением. – Ни на какой лодке я не поеду... вернее, не поплыву.

– Но это единственное, что мы можем предоставить сейчас в ваше распоряжение.

– Не знаю, – упорствует актриса, – лучше погибнуть здесь, чем в шторм плыть на какой-то лодке...

Море за окнами гостиницы действительно штормило.

– Уверяю вас, лодка очень приличная! – не сдавался «эвакуатор». – Можно даже сказать, комфортабельная.

– Ха-ха! – нервно рассмеялась «звезда». – Представляю себе «комфортабельную» лодочку в такой штормище!

Пришедший уже не скрывает раздражения:

– Знаете, Любовь Петровна! Я слышал: актрисы капризны, но чтобы так...

– И это вы называете капризом... – Орлова еле сдерживает слезы. – Если беззащитная женщина боится броситься в шторм в лодке...

Тогда уговаривающий подводит ее к окну номера:

– Может, все-таки посмотрите на лодку?

– И смотреть не желаю!

– Нет уж, будьте добры! Мне же надо выпросить для вас что-то другое.

– Куда прикажете? – нехотя подходит актриса к окну.

– Сюда-с!

Она ищет глазами:

– Где же лодка?

– Вот, – показывает офицер на корабль у пристани. – Канонерская. Надеюсь, устраивает?

Тут актрисе стало якобы стыдно, и она долго просила прощения...

Тоже вроде могло быть... Но слишком уж растянута, в пересказе того же Александрова, интрига с «канонеркой». Зачем морскому начальнику так долго интриговать актрису с действительно непонятной «лодкой»? Почему не сказать сразу: «Поедете на канонерской»? Нет, нужно довести «народную» до слез, прежде, чем объяснить то, что ее безусловно устроит!..

Как это напоминает раскритикованную самим Александровым манеру «голливудцев» водить зрителя за нос, вместо того чтобы сразу сказать ему, в чем дело.

...На том же Венецианском фестивале 47-го года «застрявший» после войны в Голливуде французский режиссер Жан Ренуар («А ведь когда-то, во время Народного фронта во Франции, он снял «Марсельезу!» – вздыхал о своем «друге» Александров) показал фильм «Женщина на пляже». Его героиня, молодая очаровательная американка, выходит замуж за пожилого знаменитого художника. Вскоре в пылу семейной ссоры она, плеснув ему в лицо ядом, ослепляет супруга. И вся остальная картина сводится к тому, как она разными изощренными способами пытается понять, действительно ли ослеп ее знаменитый муж или только притворяется, чтобы жалостью к себе удержать ее. Не справляясь с невероятно трудной, как ей кажется, задачей, дамочка привлекает для «расследования» своего любовника-офицера. Тот не находит ничего лучшего, как привести действительно слепого живописца к скалистому океанскому берегу. И слепой, выматывая душу зрителю, долго ни о чем не подозревая, гуляет по краю пропасти, а любовник-экспериментатор спокойно наблюдает за поведением слепца. Наконец художник все-таки сваливается вниз, но не разбивается, так как падает на мягкий пляжный песок. И это вызывает новые, еще большие сомнения коварной супруги: теперь она подозревает, что муж свалился намеренно, завидев внизу песочек, чтобы убедить ее в своей слепоте. И любовники дружно изобретают все новые способы для испытания слепого и мучения зрителя...

Когда журналисты на фестивале спросили Александрова, какого он мнения о картине Ренуара, тот сказал:

– Проще всего было бы позвать врача, который сразу бы определил, ослеп художник или нет.

Журналисты не на шутку обиделись:

– Мы были о вас лучшего мнения, г-н Александров! Вы же режиссер неужели вы не понимаете, что если бы появился врач и все решил, картины просто не было бы.

Александров, конечно, все понимал: недаром же сделал из «канонерки» для Орловой целую комическую новеллу. Вместо того чтобы сказать, как наверняка было на самом деле:

...Орловой сказали, что в ее распоряжение представляется лодка.

– Какая лодка?! – действительно, но один раз, испугалась она.

– Канонерская.

– Ах, канонерская! – успокоилась актриса. – Так бы сразу и сказали.

71

Из всех орловских «небылиц» Александрова больше всего смешила такая. Он даже ничего к ней не добавлял – так был уверен в юморе того, чему сам оказался свидетелем.

...Когда во время войны его и актрису награждали в Баку медалью «За оборону Кавказа», награждающий (режиссер очень смешно его изображал), обращаясь к собравшимся, говорил положенные в таких случаях слова:

А если бы он взял и заболел гриппом, ухаживала бы она за ним? допытывалась «Комсомольская правда» у племянницы Г. Александрова.

Я это представляю с трудом, призналась та. В душе она, возможно, была к нему расположена, но чтобы быть сиделкой, как многие преданные жены, нет она сохраняла дистанцию.

– Дорогие товарищи! Разрешите мне вручить вам награды, которыми удостоило вас правительство за доблестный труд здесь, на Кавказе, когда наша страна ведет битву с захватчиками. Особенно приятно, что среди награжденных немало русских деятелей культуры, таких как заслуженная артистка республики Любовь Орлова...

В это время часы в зале показали «два» и громко, как им положено, пробили.

Выждав оба удара, награждающий повторяет:

– Как заслуженная артистка...

Часы вдруг бьют третий раз.

Оратор оборачивается:

– Как заслуженная артистка...

«Сошедшие с ума» часы бьют еще раз. Награждающий уже не оборачивается на них:

– Как заслуженная...

Когда часы-хулиганы пробили в пятый раз, оратор уже беспомощно развел руками:

– Да что там говорить... Возьмите ордена...

И показал на их горку на столе. Смеющиеся награжденные, в том числе Александров с Орловой, окружили стол, и каждый без ошибки выбрал то, что ему положено...

Мало каких курьезов не бывает, даже в таких торжественных случаях! Но в пересказе Александрова, вернее, в его розыгрыше этой истории в лицах она смахивала скорее на армянский, а в данном случае на азербайджанский анекдот...

72

В 1942 году концерт Орловой в Сочинском театре был, наверное, последний перед тем как его закрыли, чтобы открыть уже после войны.

И тогда же, после войны, Орловой якобы признались, что ее выступление проходило в целомом, как Большой театр на случай вступления немцев в Москву, минированном сочинском театре. Настолько велика была вероятность того, что немцы попользуются в свое удовольствие «всесоюзной здравницей».

И хотя с того «минированного» концерта прошло два с лишним года, актриса, говорят, была шокирована.

– А мог этот театр по чьей-нибудь неосторожности взорваться раньше положенного? – нашла она в себе силы пошутить.

– Только теоретически, – успокоили ее. – Практически это было исключено.

И будто, уже задним числом, актриса успокоилась... А теперь представим себе спектакль, то же «Лебединое озеро», в битком набитом и заминированном, каким он и был в октябре, Большом театре. Возможно такое?

73

Большой вопрос – встреча Л. Орловой с так называемым психиатром. О котором, когда он после долгих извинений заглянул в поезде в их купе с Александровым, она якобы слышала, даже видела его труды. А потом вдруг, после того как поговорили о кино и актриса рассказала ему о «Волге-Волге», в которой собирается сниматься, психиатр неожиданно спросил:

– Кстати, эта Орлова еще снимается?

– Орлова – это я! – напомнила ему актриса.

– Да? – старичок недоверчиво насупил брови. – А где та, настоящая Орлова?

– Какая настоящая? Я и есть...

В этот момент Александров, чтобы не расхохотаться, выскочил из купе.

– Нет, – продолжал свое психиатр, – та Орлова, которая в кино играла. Я, помню, еще мальчишкой бегал...

– Позвольте, когда ж это было?

– Ну, я не помню точно... Лет шестьдесят – семьдесят назад...

– Вы явно что-то путаете, – до последнего вразумляла актриса «психиатра». – Кино тогда вообще не было.

– Да? – недоверчиво встал знаменитый гость. – Ну что же, извините. Но было очень приятно...

И, явно оставшись при своем мнении, старик покинул купе.

– Вот вам и психиатр! – смеясь, якобы рассказывала Орлова эту историю.

Еще больше смеялся, пересказывая такой «сюр» Александров. И явно ввертывал в него не очень правдоподобный нюанс. Будто в разгар выяснения отношений между супругой и странным гостем он, чтобы не расхохотаться, покинул купе. Как?! Оставил любимую жену один на один с явно ненормальным субъектом? Да может, он маньяк какой-нибудь с навязчивой идеей обнаружить «настоящую» Орлову, а всех, кто себя за нее выдает (а в данном случае актриса выступала именно в такой «роли»), истребить. Этаким охотник за «лже-Орловыми»... Так что история хоть и занятная, даже парадоксальная, но...

74

«Мы пронеслись по вечерней столице, как Любовь Орлова в роли простой девушки на длинном открытом автомобиле с крыльями», – читаем у И. Полянской в «Читающей воде».

Насчет длины автомобиля не спорим, но, судя по его отечественной марке, она была нормальной. А вот насчет «крыльев», так это от недостатка фантазии: раз автомобиль летающий, то он должен быть еще и крылатый. Нет, в отличие от Полянской, у Александрова хватило воображения поднять автомобиль в небеса без крыльев.

Но ладно Полянская, романистка... А вот в четырехтомной «Истории советского кино» александровский автомобиль называют не иначе, как «линкольн», который действительно бывает длинным. В то время как автомобиль, уносящий героиню в небеса, был самым что ни на есть отечественным, последней марки. Писавшие тогда о фильме сходились на непременном ЗИСе (завод имени Сталина). Но никак не могли угадать цифровые обозначения автомобильной марки. Одним казалось, что это ЗИС-102, другим ЗИС-103, а третьи делали летающий ЗИС даже четырехзначным: ЗИС-1140.

Но лучше всех, не определяя никаких «марок», сказал о летающей Орловой В. Шкловский: «В наше аэроплановое время это не сказочно, но неверно».

75

А эту небыль, вернее, быль, оставшуюся за кадром, можно назвать: «Как Орлова сама себя награждала».

«Вот Таня получает орден, – писали восторженные рецензенты о «Светлом пути». – Это кульминационный момент фильма, и каждый кадр здесь своего рода шедевр. Мы не видим, кто вручает орден. Но слегка вздрогнувшее плечо Тани красноречиво иллюстрирует всю взволнованную радость рукопожатия. Мы не видим ордена, но несколько солнечных бликов, промелькнувших по лицу Татьяны, говорят, как дорога для нее награда. Это блестит не золото ордена – это блеск счастья, озаривший ее существо».

«И Калинин самолично орден Золушке вручил...» пели в «Светлом пути».

Автору этих строк и всем остальным непосвященным казалось, что отсутствие на экране награждающего – это лихо придуманный Александровым и талантливо обыгранный Орловой условный прием.

Однако эта небылица объяснялась гораздо прозаичнее. Ни Александров, ни Орлова и в мыслях не имели изображать сцену награждения столь условно. Так знакомая им по многим собственным награждениям в Кремле эта процедура была расписана в режиссерском сценарии с необходимой в таких случаях тщательностью:

«М. И. Калинин идет, держа в правой руке орден, а в левой – коробочку с документами. В кадр входит Таня. Калинин кладет правой рукой орден в левую руку Тани, а затем жмет ей правую руку, после чего дает коробочку».

Все это в точности, не перепутав ни своих рук, ни рук партнерши, повторил на экране тщательно загримированный под Калинина артист В. Белов. Недаром потом в фильме пели: «И Калинин самолично орден Золушке вручил».

Оказалось – не «самолично»... Ибо, увидев на экране загримированного под Калинина актера, начальство возмутилось: негоже «всесоюзному старосте» наклеивать бороду и усы! И Александрова поставили перед выбором: или целиком убрать сцену награждения или обойтись без актера Калинина.

Александров, конечно, предпочел второе. Хитрец-режиссер убил сразу двух зайцев: освободился от Калинина в кадре и сделал такую «самонаграду» героини интригующей. Теперь зритель в качестве награждающего мог предполагать кого угодно – того же Калинина (ему положено по статусу), или В. Молотова (ободрившего рекордистку Морозову приветственной телеграммой), или – страшно подумать! – Самого!

Так что небылицу о такой «самонаграде» сложили те, кто писал об этом как о режиссерском и актерском достижении в изображении условного.

76

И Д. Щеглов и М. Кушников пишут о «миньере», попросту светобоязни, которой всю жизнь страдала Орлова. Актриса не выносила даже желто-оранжевых занавесок в столь частых в ее гастрольной жизни гостиничных номерах и просила сменить их или сам номер. Что, конечно, осуществлялось, но принималось за каприз «звезды».

И если Кушников только упоминает об этом недуге, то аналитик Щеглов даже из него делает далеко идущие выводы:

«Препарировать чужую жизнь на основе одних лишь недугов и странностей – дело столь неблагоприятное, сколь и неблагоприятное, – признает он. – И все же есть глубокий иронический смысл в том, что актриса всю жизнь враждовала именно с той стихией, с которой ассоциировалась или должна была ассоциироваться для большинства. Искусственное солнце заливало искусственную жизнь ее персонажей, до которых, в сущности, ей не было никакого дела».

Но тут чуткий, как правило, щегловский анализ явно дает сбой. Как же «не было дела», если даже образ своей первой, самой простенькой из всех ее героинь Орлова пыталась всячески осмыслить. И не только «про себя» – на страницах печати:

«Роль домработницы Анюты, чрезвычайно эффектная внешне, но сложная и трудная по содержанию, выпала на мою долю. Анюта по своему положению среди других действующих

лиц напоминает мне сказочную Золушку, незаметную, презираемую замухрышку в начале фильма и неожиданно расцветающую, вырастающую в его конце.

Работая над ролью, я старалась создать образ простой обыкновенной советской девушки (неприменно «советской». – Ю. С.) и играть так, чтобы зритель увидел в Анюте живого, понятного всем человека, а не напыщенную куклу, каких мы часто видим на экране. Оказалось, что искренность и простота игры на экране различны с театральной игрой. Понять и оценить эти различия мне помогли режиссер Александров и Чарли Чаплин теми отрывками картин, которые мне удалось видеть.

В создании образа Анюты я пользовалась системой Художественного театра, которую и изучила за свою семилетнюю работу в театре Немировича-Данченко. Той же системой, которой я пользовалась в работе над образом Периколы и Серполетты в «Корневильских колоколах».

Поэтому я стремилась спеть Анютины песни не как вставные музыкальные номера, а передавать их как волнение чувств, переживание в мелодии:

И хочешь знать,
Что ждет впереди,
И хочется счастья добиться!

Энергичны слова припева Анютиной песни. Бодры и жизнерадостны ее поступки. Непреодолима ее любовь к новой счастливой жизни».

Это только про Анюту, которую потом актриса даже не видела, как помним, в списке своих безусловных экранных побед. Анюту, в работе над которой участвовали и система Художественного театра, и Чарли Чаплин, и, конечно, Александров, внушавший актрисе, как «непреодолима любовь ее домработницы «к новой (читай – советской. – Ю. С.) счастливой жизни».

Можно представить, как занимали мысли и чувства актрисы (во всяком случае, на бумаге) образы остальных, гораздо более полнокровных ее героинь! «Конечно, – скажет тот же Д. Щеглов, – бумага все стерпит».

Но с ним нужно или согласиться... или остаться при своем мнении.

77

Прессе, освещавшей суперэкстравагантную, посвященную Орловой фотовыставку Владика Мамышева, принадлежит еще одна небылица про актрису, почти виртуальная.

«Кажется, еще никто не обращал внимания, – делала она как бы открытие, на двусмысленное сочетание имени и фамилии советской звезды: Любовь Орлова. Ведь если правильно расставить акценты, окажется, что секс-символ 30-х имеет свое альтер эго – Орлова. Некого воздыхателя, готового плодить ее изображения в самых немислимых ситуациях (даже в постели с моряком!)».

И не просто с «моряком», а с революционным с крейсера «Аврора» представил в постели Орлову выдающийся питерский фотоавангардист.

Но насчет альтер эго пресса ошибается, и на двусмысленное сочетание имени и фамилии Любовь Орлова еще за 40 лет до «Владика» обратил внимание тот же Оня Прут, драматург и друг детства актрисы. И на один из ее дней рождения преподнес Орловой в качестве подарка сценарий «Любовь Орлова».

– В картине о самой себе я сниматься не буду! – испугалась она.

И напрасно! «Любовь Орлова» оказалась... любовью Григория Орлова, знаменитого, как теперь говорят, пра-пра-пра-пра-прадядюшки актрисы, к Екатерине II. Собственно, сценария никакого не было – одно шутка-название.

Так что пересмешник И. Прут «расставил акценты» задолго до нынешнего питерского авангардиста и тех, кто о нем пишет.

Г. Скороходов, автор известной передачи «В поисках утраченного», одна из которых посвящена Л. Орловой, о своих встречах с ней пишет в одноименной книге. И если встречи описаны более-менее убедительно, то когда Скороходов остается один, его тоже тянет на небывальщину.

«В Гаграх, – пишет он, – мы поднялись по длинной лестнице, по которой взбиралось стадо в «Веселых ребятах», и зашли в тот сверкающий зал, где, готовясь к приему гостей, пела и танцевала Анюта». Лестница на шикарной бывшей даче профессора Федорова в Гаграх есть, и стадо по ней действительно взбиралось. Но сверкающего зала, где бы пела и танцевала Анюта, хозяин дачи не строил – все это снималось в павильоне «Мосфильма»...

Да и о каких съемках внутри дачи могла идти речь, если первая же съемка на ее территории привела к таким катастрофическим, описанным драматургом фильма Н. Эрдманом в письме матери, последствиям:

"... Но вот раздался сигнал, под дикие крики абхазцев к главному входу врывается обезумевшее стадо коров. Сметая все на своем пути, бодаясь, мыча, выворачивая ступени, вырывая с корнем банановые деревья, животные устремляются вверх. Несчастный итальянец (управляющий дачей. – Ю. С.) видит, как одна за другой трескаются и падают на дорогу чудесные гипсовые вазы, как вытаптываются розовые кусты и крошатся перила. Он хватается за голову и на звучном языке Петрарки и Кроче начинает кричать какие-то убедительные слова, на которые никто не обращает внимания... Четыре часа продолжалась съемка, четыре часа кричал несчастный итальянец, и четыре часа, будто в павильоне на Потылихе, невозмутимо улыбался Александров».

Вскоре, не без впечатления, произведенного на него киношным разгромом, профессор медицины Федоров вообще покинул пределы СССР...

79

Даже не знаем, можно ли это отнести к разряду небылиц об актрисе, ибо сие уже из области потустороннего. К чему пришел в 1995 году специализировавшийся по этой части журнал «Оракул». И опять же не просто «пришел», а в связи с исполнявшимся тогда 100-летием кинематографа.

«На квартире известного московского спирита, – сообщает корреспондент «Оракула», – мы долго спорили, чей дух мог точнее рассказать нам историю российского кинематографа, которому исполняется 100 лет. (Не российскому, конечно, а мировому, а российскому тогда было только 87. Но ничего, простим это «известному московскому спириту» и его «оракульскому» соавтору А. Федосееву. – Ю. С.). Медиум предложил вызвать двух замечательных супругов Любовь Орлову и Григория Александрова, которые работали как раз в середине этого цикла. Духи явились, и на этот раз у нас получился не диалог, а целая беседа за круглым столом».

"...С Пырьевым налаживали в Екатеринбурге художественную самодеятельность в клубе чекистов», – напоминают для начала духу Александрова его довольно, надо сказать, рискованную цитату (за нее «зацепился» и Д. Щеглов: «В таком интересном месте, как клуб ЧК») из книги «Эпоха и кино».

«Получается, что у ЧК, кроме массовых арестов и расстрелов, хватало времени на то, чтобы изображать на сцене что-нибудь «красивое»? Но не так-то легко Александрова, даже «духа», поймать на слове:

– А вам нужно обязательно очернить историю? Среди чекистов было много молодых, достойных и талантливых людей. Ведь зачастую туда набирали людей не от сохи, а тех, кто выделялся интеллектом.

Поняв, что на этом александровский «дух» не поймать, спириты срочно меняют тему:

– При просмотре ваших комедий невольно ловишь себя на том, что они явно похожи на американские мюзик-холлы (почему-то не мюзиклы. – Ю. С.). Григорий Васильевич, признайтесь, не повлияла ли на вас длительная поездка в США?

– Возможно, – не отпирается на этот раз «дух» комедиографа. – Но я никогда не отрицал чужой опыт.

В разговор вмешивается молчавший до сих пор «дух» Любови Петровны:

– Скажите, а какие песни распевают сейчас в стране после выхода очередного фильма?

«Пришел черед оправдываться и нам:

– После «Воров в законе» и «Маленькой Веры» нам остается мурлыкать только блатную «Мурку».

(Сеанс проходил 6 лет назад, но что с тех пор изменилось? – Ю. С.).

– Вы слышите, Григорий Васильевич! А они упрекают нас в американизме.

– Что делать, Люба! Вы ведь знаете, что у них весь прокат завален американскими фильмами, да еще самого низкого пошиба...»

Слово, как говорится, за слово, и дело доходит до известной высокой оценки Ч. Чаплином «Веселых ребят», которую в один голос, необычайно гордясь этим, цитируют «духи».

– Но ведь Чаплин не знал всей правды о том, что творилось в нашей стране в лихие тридцатые?

– А вы полагаете, – возражает «дух» Орловой, – что всю правду знали мы? Мы только что-то ощущали и жили сообразно обстоятельствам, как большинство людей. А если жили, то хотели быть веселыми, жизнерадостными.

– Поэтому мы с Любовью Петровной, – поддерживает «дух» супруга, – стали искать и открывать то, что веселит и радует души людей, утверждать улыбкой новое и вызывать у людей вдохновение.

– Постойте! – не сдаются «оракульские» спириты. – Но не произошло ли так, что в стране, которая испытала столько страданий, вы проповедовали сладкие иллюзорные сказки? Вы не жалеете об этом?

– Нисколько! Мы ведь звали людей не в ад, а приглашали их к счастью. А что сегодня? Сегодня хлесткой правдой о бандитах и проститутках, жуликах и сутенерах ваше новое так называемое кино чем-нибудь помогает людям? Что сеет оно в душах людей? Ненависть? А что делать без любви?

Позволим себе прервать «спиритический сеанс» шестилетней давности: уж очень совпадает то, что перечислили тогда «духи» Орловой и Александрова, с ответами на анкету газеты «СК-НОВОСТИ» (Орган Союза кинематографистов) осенью 2001-го.

«Определите круг персонажей теперешнего кинематографа», – просит анкета и получает от зрителей такие ответы: «новые русские», «воры и сыщики», «проститутки», «бандюки», «то, что и в авторском (речь идет о массовом кино. – Ю. С.) дебилы, над которыми можно посмеяться», «пьющие ментосы», «честные киллеры», «менты-гангстеры», «бабочки», «менты и лица с аномальной психикой», «киллеры, менты, путаны, братки, бизнесмены» и «прочее неинтересное».

«Но откуда, – разводят руками авторы анкеты, – по какой причине у нашего экрана образуется столь сдвинутый «менталитет», да и можно ли тотальной «ментализацией» всего репертуара проложить дорогу к зрительскому сердцу?»

...Вместе с авторами анкеты – 2001 разводят руками и спириты – 1995:

– Увы, мы только задаем вопросы. Поэтому, оставив грустные мысли, просим вас, Григорий Васильевич и вас, Любовь Петровна, назвать лучшую актрису русского кино за эти сто лет.

– Однозначно: Любовь Петровна Орлова.

– Любовь Петровна, а кто по-вашему, лучший режиссер за эти же 100 лет?

– Григорий Васильевич Александров, – так же убежденно отвечает «дух» Орловой, и на этом спиритический сеанс, записанный «Оракулом», который так и назывался «Духи» Орловой и Александрова: «Нам песня жить и любить помогает», заканчивается.

Здесь комментарии не только излишни, но и вредны. Потому что любые из них сделают этот «оракульский» сеанс еще более диким, чем он представляется с первой читки.

И над духами не могли не посмеяться!

дает покоя. Почему они, одни практически в киношном мире, обращались друг к другу так высокопарно: только на «вы»?

«Что скрывалось за этим «вы»? – задается вопросом Н. Ртищева. Отсутствие сексуальной близости или шик высшего света?»

Другие, более трезвые, объясняли это «вы» чисто производственной необходимостью: а как еще обращаться режиссеру с актрисой-женой на съемках, в присутствии массы других людей, которым он всем, начиная с народного артиста и кончая осветителем, говорит «вы»? Не «тыкать» же ее единственную! Хотя И. Пырьев, например, не находил в этом ничего зазорного и в большинстве случаев, особенно когда был недоволен ею как актрисой, разговаривал с М. Ладыниной принципиально на «ты»...

В лучшем положении оказался, как он считал, С. Образцов, старый, по музыкальному театру, друг Орловой.

– У меня по сравнению с Александровым огромное преимущество, – шутил он. – Орлова хоть и принадлежит ему, но я, в отличие от Александра, могу говорить с Любочкой исключительно на «ты»...

Шутки шутками, а «вы» между Орловой и Александровым смутило даже тех, кто вышел с ними на спиритический сеанс в «Оракуле»:

Александров, который со временем оценил мужество, преданность и героизм Любви Петровны, боготворил ее.

– Ничего странного, – объяснили духи. – Мы всю жизнь были на «вы» и здесь (то есть на том свете! – Ю. С.) обращаемся друг к другу только так.

...Удивительно просто, чисто по-женски объяснила эту проблему племянница режиссера Г. Карякина:

– В том, что они были на «вы», нет ничего странного. Я сама первые семь лет была с мужем на «вы». После того как у нас наступила первая близость, он спросил уходя: «Когда тебе завтра позвонить?» Я на него посмотрела спокойно и сказала: «Почему «ты»? Он исправился: «Простите, вы», – и семь лет были на «вы», хотя у нас уже росла дочь. В отношениях между мужчиной и женщиной нельзя переступать некоторые границы. Чем дальше – тем ближе...»

Так что, может, это «вы» у Александрова наследственное, передающееся из поколения в поколение? Интересно, замечали окружающие, что за глаза, в отсутствие Орловой, Александров мог сказать: «Сегодня Любочка была в ударе!» (после спектакля – Ю. С.). То есть как бы на «ты». Но в ее присутствии только:

– Вы сегодня, Любовь Петровна, опять были не в том парике.

– Ошибаетесь, Григорий Васильевич: сегодня я играла в «своих» волосах...

Так и осталось былью-небылью это орлово-александровское «вы». Если, конечно, не видеть производственной необходимости в такой отстраненности. Но в это наиболее разумное объяснение многие почему-то не хотят верить: уж слишком оно на их взгляд просто. И упорно доискиваются более загадочных мотивов этого «вы».

81

Казалось, как бы ни хорошо изучил режиссер И. Дыховичный женский вопрос в СССР – он сделал о нем даже перемонтажный, из советских художественных и документальных картин, в том числе с участием Орловой, фильм, – в отношении нашей героини он ошибался, хотя и не в главном:

«Орлова была звезда, что во времена пролетарской диктатуры невероятно трудно, это требовало жертвы. В этом плане она абсолютно трагический персонаж эпохи. Она ни в одной картине ни с кем не целуется».

Между тем Орлова целовалась, и даже дважды, – на пароме с А. Тутышкиным в «Волге-Волге». Но первый поцелуй попросил убрать Сталин – хватит и одного...

– Этих поправок товарища Сталина, – не побоялся съязвить Александров на совещании у А. Жданова, – оказалось достаточно, чтобы Дукельский (тогдашний министр кино. – Ю. С.) решил, что поцелуй – вообще вредная штука. Как только на экране появляется поцелуй, его нужно вырезать. Так что вы (Жданову. – Ю. С.) больше поцелуев вообще не увидите!

Судя по стенограмме, все рассмеялись, и эта «боязнь поцелуев» сошла С. Дукельскому с рук...

А уж когда Сталина не стало, Александров решил, что 57-летнюю Орлову в «Русском сувенире» влюбленный в нее и тоже немолодой американец (П. Кадочников) может просто зацеловать. Особенно на прощание, неизвестно насколько расставаясь со своей русской любовью.

Но и тут (в 1960 году!) режиссера урезонили, причем свои же коллеги.

– Согласен по поводу поцелуев Вари и Гомера, – говорил на обсуждении фильма писатель Е. Воробьев, автор текста к предыдущему фильму Александрова «Человек человеку». – Вы этим поцелуем сами снимаете поставленную вами проблему. (А в фильме то и дело звучало обращение от автора: «Господа президенты и премьер-министры! Поскорее договоритесь о мире! Влюбленные ждут!» – Ю. С.) Ведь если ваши герои уже нацеловались, то президенты и премьер-министры могут, выходит, не торопиться.

Такая вот «поцелуйная» логика!

82

В. Лебедев-Кумач не только писал тексты песен к фильмам Александрова, но и был их всяческим популяризатором. Мало того что написанное им в стихах обращение к зрителям Александров прочел и даже пропел на премьере «Веселых ребят» в кинотеатре «Художественный», мало того что поэт сочинил потом кучу рекламных стихов для фильма типа:

Я вам пишу, чего же боле,
Что я могу еще сказать?
Теперь я знаю, в вашей воле
«Ребят веселых» показать,

так он еще написал и издал отдельной брошюрой «либретто» фильма. Где нехитрыми, доступными каждому словами пересказал, перевел, так сказать, с русского на русский все, что насочинили Эрдман, Масс и Александров. В том числе и по поводу героини Орловой:

«Никчемная барышня (это сначала о ее хозяйке. – Ю. С.), она влюблена во все заграничное и мечтает поймать себе на курорте мужа, непременно иностранца. Семейство Елены приехало на курорт со всеми удобствами, даже с домашней работницей – худенькой и быстрой деревенской девушкой Анютой».

Почему вдруг «худенькой»? Орлова никогда ею не была, даже в первом своем фильме. Это уж потом, доведенная, как она неудачно пыталась шутить со Сталиным, Александровым, актриса, на взгляд вождя, непозволительно исхудала...

И почему обязательно «деревенской»? Домработница могла быть и «городской». Хотя сам этот вопрос – о домработнице – в фильме Александрова очень смущал, например, поэта, Н. Коржавина, написавшего за океаном, где он одно время обосновался, целое эссе о «Веселых ребятах»: «И вообще откуда домработница в пролетарском государстве?»

Он, конечно, объясняет, откуда: после голода в провинции и в деревне. Но мы не будем в это вникать и поспешим к следующей орловской небылице...

Нет, дадим все-таки ненадолго слово Н. Коржавину:

«Ранние песни Л. Утесова известны, происхождение Орловой и связанные с этим мытарства – тоже. А тут – дали! Дали, наконец, возможность проявить себя, свое мастерство и свою силу. Вот и обрадовались тому, что их уравнили в правах с остальными».

Чему должны были обрадоваться Утесов и Орлова, творившие – он на эстраде, она на сцене – практически все, что хотели, и ни в чем, особенно она, не ущемленные творчески – не очень понятно...

Эту историю рассказывал Александров со слов Орловой.

...Будто поехала она в середине 50-х в составе делегации советских кинематографистов, – а вся делегация, как и в 47-ом, в Венеции, состояла из двух народных СССР – ее и С. Бондарчука – в Польскую Народную Республику.

И будто во время передачи на Варшавском телевидении актрису спросили:

– Пани Орлова, вам нравится польская водка?

– Нравится, – ответила она.

– А какая? – не отступали поляки.

И она назвала единственную, марку которой случайно запомнила «Выборова», то есть «избранная», «лучшая».

С тех пор эта «Выборова» так к ней и прилипла: «Орлова-Выборова». Куда, мол, ни явится – только и слышит: «Орлова-Выборова!» Вскоре это заменило уже «здравствуйте!» и «до свиданья!». При встрече жали артистке руки и с интонацией «Добрый день!» говорили: «Орлова-Выборова!» При прощании – то же «Орлова-Выборова» с интонацией «всего хорошего!». В гостинице дают ключ от номера и – в смысле «пожалуйста!» «Орлова-Выборова!». Официант в ресторане вместо «что будем пить?» «Орлова-Выборова?» Скоро уже и коллега по делегации С. Бондарчук стал обращаться к ней не иначе как «Орлова-Выборова».

– Самое смешное, – смеялся сам Александров, – что Любовь Петровна так вошла в эту «выборовскую» роль, что когда таксист спрашивал ее: «Орлова-Выборова?», отвечала – туда-то. А в магазине на вопрос продавщицы «Орлова-Выборова»? – показывала на нужную ей вещь...

«Почему же и это небылица?» – спросит читатель. Да потому что наверняка, помимо того, что поляки один, два, ну пять, десять раз пошутили с «Орловой-Выборовой», все остальное, где такое словосочетание заменяло якобы им (а потом и ей!) общение с советской «звездой», нафонтанировано Александровым.

84

И еще – со слов режиссера-мистификатора.

"...Был как-то концерт Орловой в клубе НКВД в Москве. И дирижер огромного духового оркестра, – будто бы рассказывала актриса, – который поначалу шумно меня приветствовал, потом, после каждой спетой мною вещи, одновременно с аплодисментами зала играл... тот же приветственный «туш». Ну ладно бы, после того как романс или песня из фильма спеты. А то пою А. Даргомыжского, а дирижер-чекист, приняв предпоследний текст за последний, взмахивает палочкой – и «туш» звучит раньше времени. Я и публика смеемся, оркестр по команде чересчур ретивого дирижера перестает играть, и я допеваю романс Даргомыжского».

Потом, на съемках «Композитора Глинки», Орлова рассказала, это игравшему Даргомыжского Ю. Любимову. Он сам, «служивший» в Ансамбле песни и пляски НКВД, припомнил свои курьезы в этом славном коллективе, и оба смеялись так, что испортили Александрову пару дублей...

85

Александров умилялся письмом, полученным Орловой от горьковских текстильщиц незадолго до ее кончины:

«Только что по телевидению смотрели «Светлый путь». (Тогда, в «лапинские» времена, на телевидении показ «Светлого пути» был таким же бесперебойным, как сейчас «Кавказская пленница» или «Бриллиантовая рука».Ю. С.) Нас было 17 человек: ткачихи, прядильщицы, мастера, инженеры, секретарь комитета ВЛКСМ, бывший парторг.

Товарищ Любовь Орлова! Этот фильм и вы, наша народная артистка, – это наша жизнь.

...Мы наших дочерей назвали Вашим именем. У нас на фабрике Люба самое многочисленное и уважаемое имя».

И т. д. и т. п.

Это письмо Александров опубликовал в книге. А о другом он только рассказывал. В котором такие же ткачихи, памятуя о блестящих навыках, которые приобрела в ткацком деле актриса, писали ей:

«Ты настолько хорошо владеешь нашей профессией, что если у тебя не будет что-нибудь получаться в кино (не дай бог, конечно!), то милости просим к нам на фабрику. Для тебя всегда готово рабочее место. А если что и подзабыла за столько лет, обо всем напомним».

Ты настолько хорошо владеешь нашей профессией, что если у тебя не будет что-нибудь получаться в кино, то милости просим к нам на фабрику...

И будто Орлова, всегда по-доброму смеявшаяся над этим предложением, после провала «Русского сувенира», в отчаянии от того, что у нее действительно «не получилось в кино», вспомнила о нем всерьез: не сменить ли ей с горя профессию?

Тем более что, снимаясь в «Светлом пути», она признавалась в прессе:

«Если бы моя работа оставляла возможности для других занятий, я из всех выбрала бы работу ткачихи».

А теперь, мол, речь шла уже не о совмещении профессий, а о смене одной на другую.

– Еле отговорил... – вздыхал будто бы режиссер, расстроенный провалом «Русского сувенира» не меньше актрисы...

86

Пишут о том, что сразу два Рождества – и католическое, 25 декабря 1934 года, и христианское, в январе 35-го, оказались самыми счастливыми в жизни актрисы. 25 декабря 34-го действительно состоялась оглушительная премьера «Веселых ребят» в кинотеатре «Художественный», и на следующее утро Орлова проснулась знаменитой.

А 7-го, мол, января, в день православного Рождества, на юбилейном вечере в Большом театре, посвященном стукнувшему в 34-м (считая с ленинского декрета о национализации кино в 19-м) 15-летию советского кино, был зачитан указ о присвоении Орловой за один только (как Б. Бабочкину за «Чапаева») фильм звания заслуженной артистки республики.

Легенда об одинаково счастливом «двойном» Рождестве, конечно, красивая. Но, во-первых, не уверены, что торжество в Большом театре состоялось именно 7-го, а не 5-го или 6-го января 35-го года. А во-вторых, что для Орловой, явно не католички, Рождество, которое соответственная часть верующих отмечает 25 декабря? Обо всем что угодно думала она в тот вечер в кинотеатре «Художественный», стены которого, как писали, сотрясались от непрерывного хохота, только не о пришедшемся на этот незабываемый вечер католическом Рождестве. Говорят, актриса предпочитала старый календарный стиль...

87

Владик Мамышев-Монро, устроивший в 2000 году в галерее М. Гельмана упомянутую уже нами выставку «Любовь Орлова», где он, питерский авангардист № 1, представил с помощью грима и костюмов во всевозможных обликах актрису, предварял выставку обращением к ее посетителям:

Она была неутомима, но слишком много улыбалась, отчего в уголках прославленного рта появились морщины.

«Множество перевоплощений в исторические и мифологические образы человечества обоих полов (в этом-то и сила «Владика»! – Ю. С.) неутомимо вела меня в творчестве (!) к некой идеальной маске, гармонизировавшей в себе проблемы сексуальной идентификации времени (юность – старость), психологические (мать – сын), социальные (царица – служанка), эстетические (красавица – чудовище) и т. д. Перепробовав более десяти культовых образов от Гитлера до Мэрилин Монро (отсюда и приставка к фамилии авангардиста. – Ю. С.), до Христа и Будды, я внезапно обнаружил такую идеальную маску на исторических просторах своей любимой Родины...

Любовь Орлова, начавшая карьеру советской кинозвезды № 1 в 42 года...»

На самом деле Орлова начала эту карьеру в 32 года. Тоже, конечно, не рано, но все-таки

на 10 лет раньше, чем считает воплотивший актрису Владик. А вместе с ним и пресса, освещавшая выставку и повторявшая за ним: «В 42 года...»

Далее – опять Владик: «Я попытался представить себе, как выглядела бы Орлова сейчас, не умри она в 74-ом...»

И здесь «профессор» Петербургской академии современного искусства путается. На этот раз даже обиднее для актрисы, лишая ее целого года (во всяком случае, календарного) и без того не очень долгой жизни (она умерла в январе 1975-го, ровно в 73). Эту ошибку героя пресса не подтверждает, но и не опровергает. И в свою очередь, будто извиняясь и за себя и за Владика, за его «начало карьеры в 42 года», наоборот, сбрасывает актрисе тот же десяток, когда пишет: «В 60 лет она последний раз попробовала сыграть девушку...»

Но Орлова оказалась куда более смелой и рискнула сыграть «девушку» аж в 70 лет – в «Скворце и Лире». Так что актриса не должна быть в особой обиде ни на Владика, ни на пишущих о нем: там накинули 10 лет – здесь скостили...

В обиде за Орлову мы, не успевшие, к сожалению, насладиться выставкой Владика, но читавшие о ней такое:

«Владик Монро – питерская звезда андеграунда – представил новую реинкарнацию в стиле сталинской эпохи. Л. Орлова у него питает патологическую любовь к симпатичным революционным матросам с «Авроры», профессионально строит глазки на приватном party у М. Горького и ненавидит актрису Веру Марецкую. Набор достаточно целомудренный, если припомнить арсенал, задействованный Владиком в предыдущих проектах.

Несмотря на наличие в экспозиции таких минорных работ, как торжественное фото «Вера Марецкая спокойно и сосредоточенно стоит у гроба Любви Петровны» (явно вдохновленный книгой Д. Щеглова, тут Владик воспроизводит ее буквально: «Подошла Марецкая, очень долго стояла, внимательно и спокойно глядя на восковое лицо, на гроб, поверх гроба, куда-то в сторону, где оказалась спустя три года, в 78-ом. – Ю. С.), выставка носит характер в целом жизнеутверждающий. Об этом свидетельствует хотя бы длинное название соседнего снимка:

«Известный журналист В. Кацуба (тот значится в длинном списке коллег Владика, которым он выражает благодарность за участие в «состоявшемся проекте». – Ю. С.) интересуется творческими планами Любви Петровны на ближайшее тысячелетие». Дело происходит в питерском кафе «Декаданс», а обрамляющие снимок мужские опять-таки (!) гениталии необъяснимым образом дают понять, что планы самые радужные».

Порочное дитя конца века (Владик). – Ю. С.) разбудило спящую красавицу Золушку нетрадиционно крепким поцелуем. Золушка, как и положено, молода и красива».

88

Уж на что знает М. Кушников свою героиню, но и он пишет:

«В 1934 году Орлова поехала выступать перед бойцами южных армий: от Краснодара до Махачкалы. Поезд останавливался на каждой станции, где заранее были сооружены эстрадные подмости. Орлова выходила и выступала».

Но, во-первых, в 34-м Орлову еще никто, тем более «от Краснодара до Махачкалы», не знал. Вместе с Александровым она пребывала в полной неизвестности об участии запрещенных поначалу начальством «Веселых» ребят». И хотя к осени судьба фильма была решена в его пользу, до выхода фильма на экран – после чего на каждой станции можно было бы сколачивать подмости для ставшей «звездой» артистки – было еще далеко. И впервые в статусе «звезды» Орлова посетила Ярославль лишь в марте 1935 года, когда ее концерты, еще без особого, пришедшего потом восторга, отрецензировал некто под псевдонимом «Миф».

Но, может, эта дата – 34-й год – опечатка, и на самом деле это было в 36-м, после «Цирка»...

А во-вторых, подмости вдоль дороги явно путаются с концертом на перроне, который действительно пришлось дать актрисе в той же Махачкале, но гораздо позже, в годы войны.

...Когда в очередной раз актриса возвращалась с гастролей в Баку, ей телеграфировали об очень желательном концерте по дороге, в Махачкале. Времени для этого у Орловой не было, да и устала она порядочно. И тогда Махачкала сама якобы – не Магомет к горе, так гора к

Магомету! – пришла на концерт к Орловой.

На перрон выкатили лучший, из филармонии, рояль. Virtuоз-машинист остановил вагон с актрисой точно против выставленного на перроне инструмента. И ей с аккомпаниатором ничего не оставалось делать, как выйти и тут же, на платформе, дать концерт для изобретательных махачкалинцев.

А вместе с ними зрителями уникального представления стали пассажиры поезда, не подозревавшие, что несколько дней путешествовали со знаменитой артисткой, и не возражающие, естественно, против столь неожиданной задержки. Зато потом у Орловой рука устала писать автографы, за которыми к ней в вагон потянулись из всех остальных.

89

«Народная газета» вспоминает еще об одной военной легенде с Орловой. Будто во время ее пребывания с концертами в каком-то партизанском соединении оно было окружено превосходящими силами противника и обречено на уничтожение, если бы... Если бы Центр вовремя не послал на спасение народной любимицы целую эскадрилью самолетов.

Опять бред! Орлова действительно бывала с концертами в частях и на кораблях. Но чтобы сбрасывать (и каким образом – на парашюте, что ли?!) любимую артистку тов. Сталина в тыл врага! Да если бы с ней что-то случилось, то что стало бы с тем, кому это пришло в голову! Учитывая, что самого Александрова, хоть и в «шютку», вождь обещал расстрелять, «если с головы этой женщины упадет хоть один волос»...

Зато достоверно известно, что в знаменитом партизанском соединении Сидора Ковпака единственным и безошибочным паролем для новых, вступающих в него бойцов было... знание песни «Широка страна моя родная». И пароль-песня ни разу не подвел ковпаковцев.

90

...Но наверняка подвел бы, если бы к ним попал, вернее попытался проникнуть в их партизанские ряды, один немецкий чудак-офицер. О нем рассказали те же партизаны в Москве на встрече с деятелями искусств столицы в Центральном доме работников искусств в 42-м году, когда там работал директором мой отец, С. Сааков, от которого я это и слышал...

Будто партизаны устроили засаду на немецкую легковую машину с конвоем мотоциклистов. И, расстреляв последний, пленили ехавшего в машине офицера.

Когда его обыскали, в одном из нагрудных карманов «фрица» неожиданно обнаружили... довоенную фотооткрытку с портретом Орловой. На обложке открытки была надпись по-русски: «Любимой сестре Наде от Маруси».

Офицер поначалу вроде бы равнодушный к своей судьбе, высказал вдруг беспокойство по поводу фотографии советской звезды и попросил не отбирать ее.

– Спроси, зачем ему Орлова? – сказал переводчику командир.

– О, Орлёва! – восторг «фрица» казался неподделен.

– Спроси – откуда?

Немец возбужденно, почти скороговоркой что-то объяснил.

– Говорит: единственный его трофей за всю войну. Отобрал у девушки в первой же русской деревне, в которую попал. Другие тащили вещи, продукты, а он – нигде, ничего.

– Ну да, так мы ему и поверим!

Немец, чувствуя партизанское недоверие, добавил что-то.

– Уверяет, что страшный поклонник Орловой и на днях разругался со своим полковником в споре, кто лучше: она или Марика Рёкк.

– Кто это?

Немец кривится и нехотя объясняет.

– Актриса ихняя, но так себе... не сравнить с Орловой. Говорит, из-за ссоры и выехал в свою роту, не желая оставаться в штабе с дураком-полковником.

Кадр из «Скворца и Леры».

– Выходит, из-за Орловой и «пострадал!» – смеется командир. – Вообще-то за то, что

отобрал фото у Насти, надо бы ему всыпать. Но раз такой поклонник Орловой... Как, товарищи?

Партизаны хохочут.

– А открытку я все-таки отберу.

Это страшно расстраивает пленного.

– Ничего, переживешь! – прячет командир фото. – Надо бы как-то передать самой Орловой... Переведи.

Немцу сообщение о том, что реквизированное им у Насти фото вернется к актрисе, неожиданно успокаивает.

– Отправьте его в штаб! – распоряжается командир. – Там разберутся.

Дальнейшая судьба немецкого поклонника Орловой неизвестна...

Во время этой встречи в ЦДРИ Орловой и Александрова не было в Москве они работали в Баку. А когда в 44-м вернулись и стали посещать ЦДРИ, отец уже не работал там. Спустя 12 лет, узнав о моем знакомстве с режиссером и актрисой, он, не очень-то веривший в «пленного немца» (партизаны в ЦДРИ говорили о нем с чьих-то слов) предложил рассказать им эту историю.

Когда я поведал ее Александрову, он тоже сделал вид, что не поверил: как мог немец видеть фильмы с Орловой в фашистской Германии, где они, как и все советские, не демонстрировались?

Но я почувствовал, что на самом деле эта «партизанская» история показалась режиссеру очень даже занятной...

91

Вспоминая Л. Орлову, Р. Зеленая писала:

«Однажды Любовь Петровна – мы сидели у нее дома – вспоминала о своих съемках в «Веселых ребятах». Она утверждала, что не было бы такой актрисы «Любовь Орлова», не сделай ее «своими руками» режиссер Григорий Александров. Естественно, я с этим согласилась: всегда режиссеры «делают актрис». «Нет, – сказала она, – вы не поверите, но у меня не было лица. Понимаете, меня нельзя было снимать». И она рассказала, что все операторы отказались ее снимать, настолько она была нефотогеничной. Ее словам трудно было поверить: она всегда великолепно, безошибочно получается на экране. Любовь Петровна вскочила и сказала: «Я вам сейчас докажу, если вы не верите. Смотрите на мои щеки!» – «Ну, смотрю. Очень хорошие щеки». – «Да вы что?! Их нет, на экране они провалились совсем. Вместо них были тени и ямы (и остались, кстати, в одной, вечерней сцене «Веселых ребят», когда Анюта поет у дуба после ухода Кости. – Ю. С.). Да что говорить! Сейчас я вам покажу снимки, которые никогда никому не показывала. Вот, полюбуйтесь!»

В книге Н. Зоркой перепутаны фамилии героинь Л. Орловой такое тоже бывало...

Александров аж затопал ногами:

Орловой поклоняется вся страна, ее любит как актрису товарищ Сталин!

И она протянула мне пачку фотографий. Я была поражена. Лицо на них – и ее и не ее. Она еще и еще раз показывала эти первые свои фотопробы у Александрова – одна хуже другой. И, довольная моей растерянностью, изумлением, стала объяснять, сколько мучений претерпели операторы, пока Григорий Васильевич не разъяснил им, в чем дело и как надо ставить свет, чтобы не исказить лицо и сделать его выразительным. (Недаром 20 лет спустя прибежал на документальную съемку В. Катаняна и чуть ли не сам «ставил» свет на Орлову в роли Лиззи Мак-Кей. – Ю. С.). Она, как девчонка, размахивала фотографиями перед моим носом и хохотала: «Ну что? Теперь поверили?».

А между тем разве операторы «Веселых ребят» (В. Нильсен прежде всего) впервые столкнулись в 33-м с неудобствами орловской физиономии? Ведь до этого она снялась уже и в «Любви Алены» и в «Петербургской ночи». Не знаем, кто был оператором «Алены», но рошалеvскую «Ночь» снимал Д. Фельдман, и все там с лицом Орловой было в порядке.

Так что отчего там страдал оператор Нильсен и чему его учил режиссер Александров, понять трудно. Другое дело, что Нильсен впервые снимал картину самостоятельно, да еще

художественную, с массой актеров. А до этого он был вторым оператором у Э. Тиссэ на документальных, практически без актеров, а лишь с типажам, фильмах С. Эйзенштейна и Александрова. И последнему, видимо, действительно пришлось кое-чему его «научить». Но вовсе не потому, что физиономия Орловой не выдерживала критики. И если Р. Зеленая ничего не напутала, Орлова явно кокетничала перед ней своим умением казаться на экране не тем, что она представляет собою в действительности.

92

Есть такое издательство «Вече». Одно время оно специализировалось на цифре «100»: «100 великих любовниц», «100 великих любовников», «100 великих битв», «100 великих казней» и т. д. Все – 100.

Орлова тоже попала в два таких «стольника»: «100 великих актеров» (отечественных) и «100 великих женщин» (в мировом масштабе). Оба они лишь перепевают все, что писано-переписано об актрисе за последнее время. Но в «100 великих актерах» есть абзац, вызывающий интерес.

Пересказав со слов упоминаемой нами О. Абольник об умышленно оставленных за «чашкой чая» Александрове и Орловой, оболъщении последней режиссера и – как результате – получении ею роли Анюты в «Веселых ребятах», автор «стольника» договаривает до конца. Оказывается, в таком оболъщении нужных ей людей у Орловой был уже богатый опыт. И автор «Веселых ребят» оказался лишь четвертым после театрального режиссера, немца и... видного политического деятеля.

Насчет первых двух более-менее ясно: в них можно «заподозрить» шефа Орловой в музыкальном театре его имени В. Немировича-Данченко (хотя неизвестно еще, кто кого оболъщал) и работавшего в СССР немца-специалиста, на котором мы столь подробно остановились. Но кого автор «Веча» имел в виду в качестве оболъщенного Орловой «видного политического деятеля», догадаться трудно. Не первого же ее мужа, А. Берзина, который, хоть и занимал важные должности в Наркоземе и других агропромышленных учреждениях, политическим деятелем, тем более «видным», никогда не был. Хотя по количеству арестов и ссылок дал бы фору любому «видному»...

93

Саму актрису больше всего обижала байка о ее якобы «двойном» награждении.

...Будто просматривая в 1937 году список представленных к награждению деятелей культуры, Сталин искренно удивился тому, что Л. Орлова удостоена в нем «только» ордена Трудового Красного Знамени. И дойдя до более «высокого» списка, на «Ленина», вождь вписал в него любимую актрису, но вернуться назад и вычеркнуть ее из списка на «Красное Знамя» забыл и подмахнул Указ целиком. И якобы Калинин ничего не оставалось, как вручить Орловой оба ордена: один – тайно, другой – явно.

Теперь М. Кушников, придумавший «представителя» ОГПУ на съемках «Цирка», наоборот, не верит в это. А вот питерская газета «Гудок» так расписала эту историю в лицах, что начинаешь думать: а почему бы нет?..

...Будто список принес Сталину новый, сменивший репрессированного Б. Шумяцкого министр С. Дукельский (хотя это произошло годом позже).

И с ужасом наблюдая за поправками вождя в списке, не решился поправить его самого. Только выйдя в приемную к сталинскому помощнику Поскребышеву, Дукельский сказал ему о «дважды награжденной» Орловой.

– А ты вернись и объясни ему, – посоветовал будто бы храбрый сталинский помощник.

От этого Дукельский еще больше побледнел, замахал руками и выскочил из приемной.

...Тот же слишком уж осведомленный для печатного органа министерства путей сообщения питерский «Гудок» считает, что поездка Орловой в 1942 году в Иран была организована Москвой в связи с предстоящей в Тегеране конференцией глав трех держав

антигитлеровской коалиции.

12 июля 1942 года «Правда» и «Известия» одновременно сообщили о концертах Орловой, исполнившей в Тегеране «новые песни о Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровской Германии».

Но какие песни о войне, тем более «новые», могла петь артистка, если в фильмах с ее участием они не звучали (если не считать перефразированного «Марша веселых ребят» в «Боевом киносборнике»? А что касается «чужих» песен о войне, то Орлова, пишет М. Кушниров, так и не пожелала петь «Вечер на рейде» В. Соловьева-Седого, как ни упрашивал ее об этом председатель комитета по делам искусств Сурин, даже Александрова на этот «Вечер» подбил...

Однако Сталина, перед которым выложили восторги иранской прессы (пространные выдержки из них приводятся «Гудком»), меньше всего интересовало, что именно пела актриса в Тегеране.

– Союзники решили назвать второй фронт операцией «Оверлорд». Будем считать, что Орлова уже стала нашим подарком этому «Оверлорду». Доказала она своим искусством и то, что ордена даром от правительства не получает, даже если Калинин по рассеянности и вручил ей два ордена сразу.

Ай да Сталин! Взял и спихнул на Калинина собственную оплошность. И все-таки орган питерских железнодорожников (с чего бы ему вообще об этом писать!) ошибается: у «всесоюзного старосты» хватило ума не награждать «звезду» двумя наградами одновременно. Впрочем, пауза между первой и второй наградой была минимальной – через 10 месяцев Орлова отхватила все-таки своего «Ленина».

94

В одной из газет актриса вспоминает непростые для нее съемки «Волги-Волги»:

«Я страшно боялась воды и ни разу не ныряла. Шла к воде, как на эшафот. (Можно подумать, что снимались в Химках или в экспедиции, на реке Чусовой. Нет, в «Сандунах», но и вода банного бассейна пугала, видимо, актрису. – Ю. С.)»

– Сначала порепетируем! – бодрым голосом сказал режиссер.

Зажмурившись, я нырнула. Не прошло и двух секунд – вынырнула и как ошпаренная кричу положенное: «Воды! Воды!» Открыла глаза – все вокруг смеются. Думаю: «Получилось!». А Александров давится от смеха: «Ты только брови замочила, а макушка у тебя сухая. Бери пример с Тутышкина!» А тот вынырнул только через несколько секунд – и как ни в чем не бывало. Попробовали еще раз – никак.

– Ну как ты не можешь понять, что после нырка вода над головой должна успокоиться, стать зеркальной, а уж потом выныривай и кричи!

После еще двух испорченных дублей на помощь пришел Тутышкин:

– Как нырнем, считай про себя, а я буду держать тебя за руку. При счете 12 отпущу.

Нырнули! Еле досчитала до 12 и рванулась наверх.

– Мы же договорились до 12!

– Я уже досчитала.

– А я только до семи.

Нырнули снова, и Тутышкин вцепился в меня что есть силы.

И только тут я сообразила, что ныряя под воду, забываю... глубоко вздохнуть. Точно гора свалилась с моих плеч. «Давайте, – говорю, – товарищ Тутышкин, теперь я вас буду держать за руки». Захватила я в легкие побольше воздуха и считаю медленно: один, два, три, čty... Досчитала до 12 и обратно пошла: 12, 11, 10, 9... Чувствую, Тутышкин начинает вырываться из моих рук. Нет, думаю, шалишь! Вырвался он да как завопит: «Тону! Тону!»

После этого с первого же дубля сняли эпизод.

Вообще знаменитое «Мне дурно! Воды!», которое не получилось в финале «Веселых ребят» с Л. Утесовым, получилось с А. Тутышкиным. Оказывается, комический эффект слова «воды!» целиком зависел от правильно заданного партнером вопроса, его ритма.

Может быть... Непонятно только, как панически боявшаяся воды актриса ныряла

несколько лет назад – и не в «Сандунах», а в море, у побережья Гагр. И до скольких там считал державший ее за руку Утесов?..

95

И еще о том же – о «ныряльщеских» способностях актрисы...

Книга воспоминаний И. Ильинского «Сам о себе» переиздавалась дважды. В обоих случаях в ней было описание его знаменитого, с портфелем и в сапогах, прыжка с «Северюги». И только в журнальной статье, посвященной 80-летию Орловой, в изложении этого «героического» эпизода появилась деталь, которая уже не смогла смутить ушедшую семь лет назад актрису.

«Нет, надо отказаться! – пишет Ильинский об ужасе, который он испытал, забравшись на третью палубу корабля: с нее его всеми правдами и неправдами уговорил сигануть Александров. – Где дублер? Но тут я увидел множество глаз, устремленных на меня, и среди них глаза Любви Петровны. В них было столько веры, восторга и, я бы сказал, восхищения! Ведь накануне, оробев, отказалась прыгать в воду ее дублерша... Я разбежался – остальное вы видели на экране. Дубль, к счастью, не понадобился».

То есть смельчак Орлова, надо полагать, боявшаяся, по ее признанию, даже «замочить макушку», прыгала вместо оробевшей дублерши, сама.

Однако актриса в том же свете своим молоденьким, но малограмотным поклонникам, который мы приводили, писала:

«Помимо чисто актерских есть масса других трудностей, которые приходится преодолевать на съемках. Иногда чисто физических. В «Волге-Волге», например, я никогда бы не прыгнула в воду с такой высоты. Спасибо моему бесстрашному дублеру, пловчихе Наде Седых – выручила». Так «выручила» или, «оробев», отказалась прыгать за Орлову Надя Седых? Или Ильинскому, тепло откликнувшемуся на юбилей актрисы, захотелось еще и «украсить» его такой, не очень правдоподобной, может, деталью?..

96

...Совсем уж невероятный, со слов, естественно, Александрова, случай.

После концертов в Ленинграде, которые, как она писала в дневнике, в марте 50-го, «проходят с давкой, ревом, воплями», Орлова спешила на «Красную стрелу», чтобы вернуться в Москву, на съемки «Композитора Глинки».

Не дождавшись конца оваций во Дворце культуры им. Ленсовета (впрочем, ей казалось, что они уже пошли на убыль), актриса бросилась в машину благо, никто еще не выскочил из зала, чтобы перехватить ее на улице, – и помчалась на вокзал. Вбежала в поезд, зашла в купе и вдруг по радио услышала... звучащие еще во Дворце культуры, откуда транслировался концерт, аплодисменты. А ведь добиралась она до поезда никак не меньше 20-25 минут!

Всю ночь до Москвы актриса не могла заснуть – так разволновали ее гремящие вслед ленинградские аплодисменты...

А ведь во время отхода поездов из Ленинграда и в момент прибытия в него раньше – не знаю, как сейчас, – звучал только фирменный «Гимн великому городу» Р. Глиэра из балета «Медный всадник»...

97

Какие, казалось, могут быть претензии к Сталину у Александрова? Одна, мягко говоря, признательность...

Но именно Сталин, считал режиссер, виноват в том, что еще в 1940 году он не стал автором чуть ли не сексуальной революции в откровенно, даже воинственно пуританском советском кино. Во всяком случае, не ему принадлежат первые кадры обнаженной женской природы на нашем экране.

Была, правда, за 10 лет до этого страдающая от горя по убитому кулаком жениху абсолютно голая баба в довженковской «Земле». Но это считалось простительной для художника такого масштаба блажью и не меняло дела.

И потом у Довженко голая баба была в единственном числе. А в «Светлом пути» в душе ткацкой фабрики после ударного, с работой на многих станках, рабочего дня весело, с участием Орловой, плескалось с десятков оголенных якобы аж по пояс ткачих.

И будто Сталин посмотрел на эти «плескания» и поморщился:

– Этого нэ надо!

– Мы хотели показать, как улучшился быт, условия труда, – хитрил советский Тинто Брасс – Александров. – И потом – это простые советские ткачихи, ударницы...

– Ударниц – пожалуйста, – нехотя будто бы согласился вождь. – Оголяйте хоть всю фабрику. Но вы оголяете Орлову, а Орлова у нас одна!

И опять эти порядком уже надоевшие Александрову разговоры о том, что его личная супруга – это прежде всего «народное достояние», которое нужно беречь и пр.

Вот он и хотел сделать «народным достоянием» не только талант актрисы, но и то, чем она тогда еще, в свои 38, обладала – ее женские прелести. «Высценаризовать» их, как сказал бы Ф. Медведев, с помощью спасительного фабричного душа. Но куда там! Разве докажешь что-нибудь главному кремлевскому цензору, как его теперь называют?!

И расстроенный режиссер стал спешно готовить пересъемки «душа». Мужское население «Мосфильма», не выходявшее со съемок «первого» душа, снова взбодрилось.

Но теперь будто бы его ожидания не оправдались. Во-первых, режиссер переснял «народное достояние» максимально, насколько это было возможно в душевой кабинке, крупно, с одной дежурной репликой (об общественной нагрузке, кажется). А во-вторых, остальных ткачих-купальщиц, оставшихся на общем плане, не только «приодел», но и спрятал за почти непроницаемыми стенками кабинок...

«Пэрэстарался», – подумал, наверное, Сталин, пересматривая картину.

98

В начале работы над «Волгой-Волгой» Александрову позвонил Дунаевский. Одновременно в кабинет мужа вошла Орлова:

– Кто звонил? Дуня? (ласковое прозвище композитора. – Ю. С.)

Александров встрепнулся:

– Как ты сказала? Дуня? А почему бы нам не назвать так нашу Стрелку?

Так кличка героини превратилась в ее простенькое имя – Дуня Петрова.

...И одновременно кое-кого запутала. Того же не дающего нам покоя Ф. Медведева:

«Долгие творческие годы, – пишет он, намекая на высокое якобы ее происхождение, – Орлова вводила в заблуждение советского зрителя, по-черному, уверенно, самозабвенно. Пряча нутро, родословную, подлинный кураж. Ей бы воссоздавать образы графинь и императриц, салонных красавиц, а любимый Гриша, домашний режиссер, подсовывал ей по-колхозному хохотливых Дуняш и Стрелок».

Что, как мы выяснили – одно и то же. Ох уж эта журналистская невнимательность!..

99

«Помните, дорогие читатели, – напоминала «Комсомолка-толстушка» в декабре 1997 года, – мы предлагали вам принять участие в конкурсе на лучшую новогоднюю историю. На наш взгляд, эта история достойна первого приза».

«Достойная» история А. Сидоровой называлась «Страшная месть Любви Орловой» и начиналась с того, что...

«Александров влюбился в ассистентку режиссера, хлопающую хлопущей (то есть даже не в ассистентку, а в помощницу. – Ю. С.). Как быть? Дело шло к Новому году. И мудрая актриса решила пригласить коллег домой, чтобы празднование проходило под ее присмотром и влюбленный муж не отбивался от рук. Не смотреть же, как уважаемый мэтр строит глазки

сопливой девчонке? Ну уж нет!!!

Узнав, у какого мастера соперница шила новогодний наряд, актриса приехала в ателье, посмотрела на материал и, не сказав ни слова, удалилась. А выйдя, сказала своему администратору: «Хоть из-под земли достань мне такой же материал. Аж 30 метров!» С невероятными усилиями это было найдено.

Мало кто знал, что Орлова умела не только петь и плясать, но и была отменным драпировщиком (последнее, как ни странно, верно. – Ю. С.).

В день празднования Нового года Александров, как всегда, отъехал по делам. В считанные часы вся мебель в квартире поменяла обивку, и начавшие собираться гости недоумевали: зачем такой экстравагантный цвет? И вот появилась она – соперница! Представляете удивление присутствующих, увидевших ассистентку в платье цвета орловской мебели!

П. Пикассо, конечно, не знал, что про коврик его работы, подаренный им Г. Александрову и красовавшийся во Внукове, Л. Орлова говорила: «Терплю эту гадость только из-за Гриши!». Слишком, видимо, абстрактный был коврик-подарок.

А как чувствовала себя сама юная соблазнительница, низведенная до уровня дивана? Стоит ли говорить, что после такого (как он думал) несознательного триумфа жены режиссер забыл думать об ассистентке?»

...Не будем придирается к мелочам, за исключением того, что ни один Новый год Александров и Орлова не встречали в чьем-то обществе. Предпочитая только собственное и выходя за несколько минут до наступления Нового года из внуковского дома, чтобы на природе, под настоящей елкой, распить по бокалу шампанского. После чего еще час-два обязательно прогуливались по внуковскому лесу.

И так – к сведению отхватившей приз «Комсомолки» А. Сидоровой – из года в год...

Справедливости ради надо признать, что влюбленная в Александрова ассистентка действительно существовала. Но вся интрига с ней свелась к тому, что когда Орлова, заметив их взаимное расположение, спросила девушку, кто она такая, и та ответила «ассистентка», актриса спокойно поправила: «Бывшая ассистентка».

Тоже не очень похоже на правду. Орлова, снимавшаяся в фильмах мужа, не могла не знать его ассистентов, даже помощников в лицо.

100

Как известно, паника на войне, да и в тылу, – одно из самых неприятных явлений. И если бы существовал такой орден, даже медаль «За победу над паникой!», то в годы войны Орлова была бы удостоена ими одной из первых, а среди артистов – и вообще единственной.

Однако, если бы артистка – как мечтал Владик Мамышев-Монро – дожила до наших дней и у нее, кавалера такой редкой награды, спросили бы (впрочем, Орлова могла и не «доживать» – это с успехом сделали бы с ее «духом» спириты из «Оракула»), при каких обстоятельствах она так отличилась в борьбе с паникой, актриса наверняка бы развела руками:

– Уж и не знаю, право, какой из нынешних («ваших» в варианте со «спиритами». – Ю. С.) версий отдать предпочтение? Главные, насколько я знаю, две. Одна принадлежит давнему биографу нашего семейства Марку Кушникову. Он пишет, что в 42-м году в Закавказье резко ухудшилась военная ситуация: ожидали наступления немцев, рвущихся к бакинской нефти. И в Баку началась сначала легкая, но с каждым днем растущая паника. «Сталинский сатрап» Багиров, как в сердцах называет Кушников тогдашнего руководителя Азербайджана, предпринял поистине драконовские меры, чтобы пресечь панику на корню. Всем учреждениям, особенно детским и культурным, предписывалось работать как ни в чем не бывало. Однако соратники «сатрапа», знавшие о готовящемся немецком наступлении не меньше его, тоже запаниковали: не пора ли собирать вещи?

Уж не на выручку ли «сатрапа» Багирова и для защиты Баку от паники доставили летчики Л. Орлову и Л. Миронова?

Тогда Багиров выступил против них с самым большим, который был у него на руках, – моим козырем:

– Любовь Орлова живет у нас в Баку, ничего не боится и разговоров об отъезде не ведет. И концерты свои отменять не собирается. Вам не стыдно?

– Стыдно-то стыдно, – согласились будто бы багировские соратники. – Но о каких концертах ты, дорогой, говоришь, если сама Орлова уже в Москве?

Багиров почувствовал, что почва уходит из-под его ног, но отрезал: «Сегодня в Москве, а завтра будет здесь!»

Какой город «спасала от паники» эта афиша Л. Орловой: Баку (по версии М. Кушнирова) или Орджоникидзе (по Щеглову)?..

А я, как назло, именно тогда, единственный раз за все время военного отсутствия, наведальсь в Москву, даже дала концерт в Колонном зале. Успех в разгар войны, в Колонном! – был такой, что упростили выступить еще. Но вдруг приходит предписание, вернее, просьба (предписывать мне он не мог) от Багирова немедленно вернуться в Баку, где я, по его словам, нужна позарез. Так и сказано: «позарез». И хотя я понимала, что это серьезно, невольно вспомнила комический, не вошедший в «Цирк» эпизод между Кнейшицем и Скамейкиным. «Что, господин Скамейкин, все еще собираетесь жениться?» застает его Кнейшиц в кордебалете. – «Да, мне нужно жениться до зарезу» «Почему именно до зарезу»? – «Потому что после «зарезу» мне будет уже все равно». Так вот, чтобы Багирову не стало «все равно», а главное, желая откликнуться на просьбу чудесного приютившего нас города, я отказалась от повторного концерта в Колонном и вылетела в Баку.

Вылететь-то мы с моим аккомпаниатором Лево́й Мироновым вылетели, но долетели только до Куйбышева. Когда наш «дуглас» сделал там промежуточную, для дозаправки, посадку, он тут же понадобился одному из главных наркомов правительство тогда находилось в Куйбышеве – лететь в Москву по срочному вызову Сталина. А «лишних» самолетов не было.

И что вы думаете: узнав о нашей задержке, Багиров вызвал командующего воздушными силами Закавказского военного округа (так пишет Кушниров, но я думаю, что тот ему не подчинялся) и приказал послать в Куйбышев истребитель... потом опомнился и сменил истребитель на бомбардировщик.

Экипаж последнего, надо отдать ему должное, сделал все, чтобы вверенная ему «звезда» долетела максимально «комфортабельно», даже мягкое кресло для меня раздобыли. Нарядили нас с Мироновым в летные куртки, унты, на головы напялили шлемофоны и в таком виде доставили перед светлые (если их такими можно назвать) очи Багирова.

Тот объяснил ситуацию, попросил как можно скорее, желательно немедленно, дать концерт и сделать его максимально, насколько это возможно в военное время, легкомысленным. Уж не знаю, насколько сие мне удалось, но сохранилась рецензия на этот концерт (читает): «Особенно понравилась публике самовлюбленная «Кукушка» Чайковского». А уж к этой «Кукушке», в которой я обычно всячески комиковала, я прибегала только в исключительных случаях, когда действительно надо было «встряхнуть» зал...

И представьте, уверял меня потом Багиров, встряхнула не только зал, но и весь город: после двух-трех таких концертов паника в столице Азербайджана понемногу улеглась. При известии о столь «легкомысленно» поющей в Баку Орловой как-то не хотелось думать о возможном немецком наступлении...

Тут актриса загадочно – и спиритам, если бы это был ее «дух», просто любопытным, доживи она до своих «ста» – улыбается:

– Но это лишь одна, довольно, надо сказать, привлекательная версия моей «борьбы» с паникой. А вот как описал ее внук моей незабвенной Ирины Сергеевны Анисимовой-Вульф Дима Щеглов.

...У него дело тоже происходит на Кавказе, но совсем в другом его конце – в Орджоникидзе. Там ситуация с паникой перед возможным вступлением в город немцев становится уже неуправляемой: люди, бросая дома, бегут из города, «штурмуют», как мы в Риге в первые дни войны, поезда...

И якобы, пишет Щеглов, кому-то пришло в голову – он почему-то называет эту аферу «трюком» – использовать мои старые, не сгодившиеся из-за отмененных ввиду близости фронта концертов афиши. И в наглую, что называется, развесить их снова, когда моего появления тем более никто не ожидает. Причем Щеглову почему-то кажется, что автором такого «трюка»

могла быть только женщина.

И вот связки моих афиш вытаскиваются из горкомовской подсобки, где они почему-то хранились: без дат, без мест проведения концертов. Только «лауреат Сталинской премии, народная артистка РСФСР (тут автор явно польстил мне: всю войну я еще проходила в «заслуженных») Любовь Орлова».

...Даты на афишах проставили по-хитрому – ни завтра, но и не через месяц – и расклеивали почему-то – как листовки! – ночью. Неизвестно, признается Щеглов, как уж потом власти объяснялись с народом по поводу отмены моих фальш-концертов. Но панику, даже в мое отсутствие – насколько владикавказцы оказались доверчивее бакинцев! – удалось остановить: город, в который я еще только должна была заявиться, не может, не должен быть сдан...

Все это, конечно, льстит, и все-таки, знай я тогда об этом «трюке» (мне будто бы доложили о нем только после войны), я бы поговорила с его авторами: даже в самых благородных целях нельзя, согласитесь, прибегать к таким мистификациям.

(Актриса так и не узнала, видимо, об отмененных «из-за непогоды» ее концертах в Ангарске. – Ю. С.). Ведь отмену этих липовых концертов каждый наверняка воспринял по-своему, и было немало таких, кто подумал: раз так и не рискнула показаться в городе, значит, опасность действительно велика. И еще неизвестно, успокоил ли этот «трюк» панику в бывшем Орджоникидзе или, наоборот, усилил ее... В любом случае, – Орлова лукаво улыбается, – панику, как видите, я победила дважды: в Баку и в Орджоникидзе. Так что могла быть кавалером даже двух необыкновенных наград...

– Ну а теперь, если не секрет, как это происходило на самом деле? посыпались бы на актрису вопросы.

А так как она прожила только то, что прожила, и «в действительности» такая беседа могла происходить только в воспаленном воображении спиритов из «Оракула», то именно в этот момент «дух» Орловой вдруг взял бы и исчез...

Предоставив «спиритам» самим решать, где все-таки была «паника»: в Баку, в Орджоникидзе и была ли вообще...

* * *

Так примерно на сегодняшний день выглядят «100 былей и 100 небылиц» о Любви Орловой. И хотя количество тех и других математически равно, объем содержания «небылиц» несколько превышает информацию, посвященную «былям» об актрисе. И это понятно: орловские «небылицы» по разработке своих деталей, по их фактической якобы начинке богаче пока былей об актрисе. Как любой вымысел всегда превышает в своем объеме голую, лишнюю навороты правду.

Остается только надеяться, что по прошествии еще 100 лет этого не произойдет. Новые «были» об актрисе, которые за это время неизбежно возникнут, – такой процесс, мы уверены, бесконечен – станут такими же весомыми по существу и увлекательными по форме, как «небылицы». Которые – в этом мы также уверены – тоже будут роиться вокруг имени актрисы в обозримом будущем.